

ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

2022

№2 (39)

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical publication
Published quarterly
2022, № 2 (39)

JOURNAL INCLUDED IN

The list of Russian reviewed scientific journals in which should be published the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science, Database (European Database) of the European Citation Index in the Humanities (ERIH PLUS)

Founder

**FSBIS Federal Research Centre “The Yakut Scientific Centre
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (FRC YaSC SB RAS)**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Aprosimova Iu.Iu.*, executive secretary (IHRISN SB RAS); *Abdulaev S.N.*, Doctor in Philology, Professor (Kasym Tynystanov ISU); *Antonov Ye.P.*, Candidate in History, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Bravina R.I.*, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Vasilieva N.M.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyшева L.L.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Illarionov V.V.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Larionova A.S.*, Doctor in Arts, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Pokatilova N.V.*, Doctor in Philology Professor (IHRISN SB RAS); *Popova N.I.*, Candidate in Philology, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Sivtseva S.I.*, Doctor in History, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Struchkova N.A.*, Candidate in History, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU), *Khazankovich Iu.G.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2022, № 2 (39)

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В

Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук,
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
базу данных (БД) Европейского индекса цитирования в гуманитарных науках (ERIH PLUS)

Учредитель:

**ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., глав. ред., д.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. глав. ред., д.и.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. глав. ред., д.и.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Данилова Н.И.*, зам. глав. ред., д.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Апросимова Ю.Ю.*, ответ. секретарь (ИГИИПМНС СО РАН); *Абдуллаев С.Н.*, д.филол.н., проф. (Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, г. Караол, Кыргызстан); *Антонов Е.П.*, к.и.н., доцент (ИГИИПМНС СО РАН); *Бравина Р.И.*, д.и.н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Васильева Н.М.*, к.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к.социол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Габышева Л.Л.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Дмитриева Е.Н.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Илларионов В.В.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Ларионова А.С.*, д.иск., доцент (ИГИИПМНС СО РАН); *Мельничук О.А.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Петров А.А.*, д.филол.н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Покатилова Н.В.*, д.филол.н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Попова Н.И.*, к.филол.н., доцент (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д.и.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Сивцева С.И.*, д.и.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Стручкова Н.А.*, к.и.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Филиппов Г.Г.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Хазанкович Ю.Г.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск).

Editorial Council:

Alekseev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Academician of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Academician of RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology, Associate Professor (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Doctor in Philology (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology, Associate Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk, Frankfurt am Main, Germany); *Takakura H.*, Doctor in Social Anthropology (University Tohoku, Japan); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *R.I. Bravina*

Editors: *N.Yu. Pechetova*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д.и.н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д.филол.н., проф., акад. РАН (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р антропологии (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Дьюла Балог*, д-р этнологии, проф. (Институт этнологии Венгерской академии наук, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д.филол.н., проф. (РУДН, г. Москва); *Головнев А.В.*, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Дервянко А.П.*, д.и.н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д.филол.н., доцент (ЗабГУ, г. Чита); *Кузьмина Е.Н.*, д.филол.н., проф. (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск); *Ласло Кароли*, д-р филологии (Майнцский университет им. И. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Невская И.А.*, д.филол.н., доцент (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, Франкфуртский университет, Германия); *Хироки Такакура*, д-р социальной антропологии (Университет Тохоку, г. Сендай, Япония); *Шишкин В.И.*, д.и.н., проф. (Институт истории СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Р.И. Бравина*

Редактор: *Н.Ю. Печетова*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бравина Р.И.</i> От ответственного за выпуск	8
---	---

История и археология

<i>Шумкин В.Я.</i> Проблема установления контактов древнего населения Арктической Евразии (Сибирь - Фенноскандия) по археологическим, антропологическим и палеогенетическим данным	9
<i>Кандыба А.В., Зоткина Л.В., Павлов И.С., Дьяконов В.М., Пархомчук В.В., Петрожицкий А.В., Кулешов Д.А., Павлова Н.И., Протопопов А.В.</i> Комплексное изучение палеолитических объектов Арктической зоны (местонахождение Муостах, Булунский район, Республика Саха (Якутия))	24
<i>Бравина Р.И.</i> Топоры эпохи Средневековья и Нового времени Якутии: типология и интерпретация	35
<i>Прокопьева А.Н.</i> Конское снаряжение в контексте сопроводительного инвентаря якутских погребений XVII–XVIII вв. (гендерный аспект)	47
<i>Соловьёва Е.Н.</i> Поливная керамика XVIII – начала XIX вв. в керамическом комплексе г. Якутска (по материалам археологических раскопок на ул. Ярославского)	56
<i>Рахматуллина О.Р.</i> Периодическая печать как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв.: предварительный обзор	67
<i>Цыбенов Б.Д.</i> Этнокультурное взаимодействие дауров с другими народами (по данным фольклора и этнографии)	77

Языкознание

<i>Сагайдачная А.О.</i> Способы выражения сравнительных отношений в удэгейском языке	88
<i>Абаева Ю.Д.</i> Лексические интенсификаторы в бурятском языке	98
<i>Ушницкая Н.Ю.</i> Репрезентация концепта «Олень» в языковой картине мира эвенков	108

Литературоведение и фольклористика

<i>Бурцева Ж.В.</i> Специфика сюжетно-повествовательной организации повести Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего»	121
Сведения об авторах	133
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	137

CONTENT

<i>Bravina R.I.</i> From the issuing executive editor	8
---	---

History and Archaeology

<i>Shumkin V.Ya.</i> The establishing contacts problem of the ancient population Arctic Eurasia (Siberia - Fennoscandia) according to archaeological, anthropological and paleogenetic data.....	9
<i>Kandyba A.V., Zotkina L.V., Pavlov I.S., Dyakonov V.M., Parkhomchuk V.V., Petrozhitsky A.V., Kuleshov D.A., Pavlova N.I., Protopopov A.V.</i> Comprehensive study of Paleolithic objects in the Arctic zone (Muostakh site, Bulunsky district, Republic of Sakha (Yakutia))	24
<i>Bravina R.I.</i> Axes of the Middle Ages and modern times of Yakutia: typology and interpretation	35
<i>Prokopiyeva A.N.</i> Horse equipment in the context of the accompanying inventory of the Yakut burials of the 17 th – 18 th centuries (gender aspect)	47
<i>Solovyova E.N.</i> Glazed ceramics of 18 th – early 19 th century in the ceramic complex of Yakutsk (based on archeological excavations on Yaroslavskogo street).....	56
<i>Rakhmatullina O.R.</i> Periodicals as a source on the history of archaeological research in eastern Siberia in the late 19 th – early 20 th centuries: a preliminary review	67
<i>Tsybenov B.D.</i> Ethno-cultural interaction of the Daurs with other peoples (folklore and ethnography)	77

Linguistic

<i>Sagaidachnaya A.O.</i> Ways of expressing comparative relations in the Udege language.....	88
<i>Abaeva Yu.D.</i> Lexical intensifiers in the Buryat language	98
<i>Ushnitskaya N.Yu.</i> Representation of the concept “Deer” in the Evenks language worldview	108

Literary Studies and Folklore Studies

<i>Burtseva Zh.V.</i> The specifics of the plot-narrative organization of the Teki Odulok's story “The Life of Imteurgin-Elder”	121
Information about authors	135
The manuscripts rules	137

От ответственного за выпуск

В настоящий выпуск вошли статьи, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области языков, древних и традиционных культур Северной Евразии.

Раздел «История и археология» приурочен к 75-летию Анатолия Николаевича Алексеева, заслуженного деятеля науки РС (Я), почетного работника высшего профессионального образования РФ, действительного члена Академии наук РС (Я) и международной Академии наук высшей школы, научного руководителя ИГИиПМНС СО РАН, доктора исторических наук, профессора.

Монографические исследования А.Н. Алексеева, посвященные древней истории Северо-Восточной Сибири, материальной культуре русских землепроходцев и полярных мореходов XVII–XVIII вв., проблемам этногенеза и этнической истории коренных народов Якутии, имеют большое научно-теоретическое значение для разработки сложных проблем истории и археологии Северной Евразии.

Появившиеся в последние десятилетия результаты новейших исследований в области изучения археологических культур Якутии под руководством А.Н. Алексеева обозначили необходимость осмысления и интерпретации древнейших памятников в контексте широких междисциплинарных характеристик, что получило отражение в статьях, посвященных актуальным вопросам современной археологии. В них рассматривается проблема установления контактов древнего населения Арктической Евразии (Сибирь – Фенноскандия) по археологическим, антропологическим и палеогенетическим данным, приводятся результаты комплексного изучения местонахождения Муостах в Булунском районе Якутии, открытого совместными усилиями сотрудников ИГИиПМНС и ИАЭТ СО РАН. В номер вошли статьи, в которых представлены типология, анализ и интерпретация предметов сопроводительного инвентаря раннеякутских погребений, керамического комплекса XVIII – начала XIX вв. г. Якутска, изучение периодической печати в качестве источника по истории археологических исследований Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв. Несомненный интерес представляет работа об этнокультурном взаимодействии дауров с аборигенным и пришлым населением Приамурья и сопредельных территорий, в т.ч. Якутии.

Научный авторитет А.Н. Алексеева как одного из ведущих исследователей древней истории Сибири помогает устанавливать деловые контакты, новые каналы сотрудничества с учеными самых разных специальностей. Среди иногородних авторов статей – ученые из Санкт-Петербурга, Новосибирска, Иркутска, Улан-Удэ и Абакана. Тематический, географический и хронологический охват представленных в выпуске материалов отражает широкий диапазон научных интересов юбиляра.

Р.И. Бравина, д.и.н., профессор

В.Я. Шумкин

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.001

УДК 903/904(48)

Проблема установления контактов древнего населения Арктической Евразии (Сибирь – Фенноскандия) по археологическим, антропологическим и палеогенетическим данным*

Научная новизна. Впервые вводятся в научный оборот данные по антропологическому и генетическому исследованию взаимно дополняемых материалов археологических, антропологических и палеогенетических источников.

Целью исследования является реконструкция культурных и хозяйственных связей древнего населения на основе анализа всех имеющихся материалов. Для выполнения поставленной цели следует изучить старые и систематизировать новые данные современной археологии, антропологии и биологии. Необходимы публикации новых материалов, полученных в ходе проведения исследований Кольской экспедиции (КолАЭ) ИИМК РАН за последние годы, и рассмотрение исторического фона становления, развития арктической археологии и достижения ее создателей, благодаря усилиям которых современная наука, продолжая вектор предшественников, в традиционном содружестве с представителями естественно-научных дисциплин выходит на новый уровень.

Методы исследования. При полевых работах и составлении научной отчетной документации применялись самые современные методики: ведение обмеров и фиксации находок, структур и комплексов *in situ* строго по слоям электронными тахеометрами в трехмерной системе координат Пулковско-42 и Балтийской системе высот. Проводилась постоянная фотофиксация всего процесса раскопок цифровыми камерами с максимальным разрешением. Все сложные анализы и обработка образцов выполнялись в Санкт-Петербурге в лабораториях ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа, РГПУ. Установление возраста и культурной принадлежности выявленного материала производилось на основе сравнительно-типологического сопоставления с уже известными находками по технико-типологическим характеристикам и с помощью методов естественных наук. Совместная, начиная с раскопок, работа с антропологами и биологами позволила получить качественные источники и обеспечить корректную атрибуцию археологического материала, что способствовало успеху разработок по краииологии и палеодНК. В процессе комплекса полевых, кабинетных и лабораторных исследований получены качественно новые интегрированные данные по истории древнего населения Арктики.

*Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012)

Результаты. После длительных исследований нескольких поколений отечественных и зарубежных археологов установлено, что Арктическая Европа (Северная Фенноскандия, включающая северные территории Норвегии, Швеции, Финляндии и Кольский полуостров России) были впервые заселены не позднее 10 тысяч лет тому назад (мезолит) с юго-запада наследниками аренбургской позднепалеолитической археологической культуры, первоначально проникшими на юг шведского полуострова Сконе и далее продвигавшимися к северу вдоль кромки западного побережья, уже освободившегося от ледника благодаря Гольфстриму. Постулируемое ранее использование на этом пути водных транспортных средств небольшими сообществами (культура комса), основанное на очень раннем заселении далеко отстоящих от материка островов, да еще и в незамерзающих водах северных морей, получило недавно фактическое подтверждение находкой на скалах в Северной Норвегии изображения крупной лодки для передвижения по морю, датированной около 10 тыс. лет назад. Предположительно была и некоторая инфильтрация с Европейского юго-востока наследниками бутовской археологической культуры. В неолитическую эпоху (6,5–4 тыс. лет назад) развитие местных популяций, получивших название «лапландская археологическая культура», имевших, судя по месту первоначальной дислокации, европеоидный генотип, происходило относительно изолированно, с освоением приморской адаптационной модели, превратившей их к концу этого периода в специализированных охотников на морского зверя. При раскопках Кольского Оленеостровского могильника (3,5 тыс. лет назад) с применением новых методов анализа выяснилось, что антропологические и генетические особенности (ДНК) погребенных не находят прямых аналогий с представителями современного населения Северной Фенноскандии, кардинально отличаются по характеристикам как от неолитических лапландцев, так и от саамских групп, и, следовательно, древние оленеостровцы не могут быть ни потомками первых, ни предками вторых, проявляя при этом тенденцию к сближению с представителями так называемой «уральской расы», проживающими сейчас на севере Западной Сибири.

Ключевые слова: археологические культуры: аренбургская, бутовская, комса, лапландская, ымыяхтахская; оленеостровцы, «уральская раса»

*Но Запада нет и Востока нет, нет наций, родов и преград,
Когда двое сильных и смелых мужчин друг другу в глаза глядят.*
(Джозеф Редьярд Киплинг. Перевод К. Филатова)

1. Введение. Нельзя сказать, что российской арктической археологии совсем не повезло. Ведь еще почти за 100 лет до открытия знаменитого комплекса (около 30 стоянок) каменного века Костёнки (1879 г., И.С. Павлов) молодой русский флотоходец Гавриил Андреевич Сарычев (1763–1831) уже в 1787 г. предпринимал раскопки земляных жилищ на омываемом Восточно-Сибирским морем мысе Баранов Камень (ныне мыс Большой Баранов). Вот как он сам описывал происходящее: «По разрытии земли в середине нашли кости тюленей и оленей, также много черепьев от разбитых глиняных горшков и два каменных треугольных ножа наподобие геометрического сектора: сторона, которая дугою – острая, две другие – прямые и толстые». [Сарычев, 1802: 95–96]. Таким образом, Г.А. Сарычев, помимо большого вклада в океанологию, мерзлотоведение, мамонтоведение и этногра-

фию, также положил начало полярной археологии [Хлобыстин, 1990: 3]. Потом в силу разных обстоятельств если археологическое изучение южных территорий развивалось сравнительно успешно, то арктические земли России оставались в некотором историческом забвении.

Между тем изучение древностей в скандинавских странах началось еще в XVII в. с учреждения в Швеции Коллегии античности. Деятельность этого органа заключалась в основном в собирании и коллекционировании отдельных вещей и раритетов в виде отдельных находок, как правило, в процессе производства земляных работ. Но это происходило в основном на юге Скандинавии и касалось древностей эпохи викингов, а север оставался археологически практически нетронутым. Положительные изменения в исследовании археологии севера Скандинавии начались в 1925 г. по инициативе извест-

ного археолога А. Брэггера хранителем Национального музея города Осло А. Нуммедалем. Его изыскания в Финмаркене (северная Норвегия) оказались очень успешными, а основные их результаты были опубликованы в отдельной монографии [Nummedal, 1929]. Выход в свет этой работы вызвал большой интерес среди археологов и геологов, так как ее данные и выводы во многом меняли сложившиеся представления о позднем заселении человеком Крайнего Севера Европы. Кульминационным моментом многочисленных обсуждений и споров явилось отнесение А. Нуммедалем некоторых стоянок на основании их высотного расположения на древних морских террасах и грубости форм археологического материала к арктическому палеолиту и датировка их концом плейстоцена. Работы, начатые А. Нуммедалем, были вскоре продолжены на территории соседних стран.

За почти сто последующих лет были подвергнуты археологическому обследованию практически все арктические провинции Норвегии, Швеции и Финляндии: раскопаны и изучены сотни древних поселений, стоянок, селищ, курганов, мест добычи сырья, грунтовых могильников, культовых мест, относящихся к разным эпохам, начиная от памятников каменного века до Средневековья. На основании полученных данных за этот период были опубликованы сотни монографий и тысячи статей, освещающих под разными углами зрения древнюю историю населения западной части Северной Фенноскандии. Некоторые из этих публикаций имеют сейчас лишь историографический интерес, другие же не потеряли своего значения по сей день.

Положение с археологией в российской части Северной Фенноскандии было не лучшим. Хотя еще в 1844 г. академик К. Бэр указывал [Baer, 1844: 70–79] на нахождение лабиринтов в бухте Виловой и в устье р. Поной (восточное побережье Кольского полуострова), а в 1904 г. знаменитый археолог А.А. Спицын посвятил этим памятникам статью в выпуске «Известий Императорской археологической комиссии», в которой дал полный список известных к тому времени лабиринтов и предпринял попытку их интерпретации и датировки с привлечением широких аналогий [Спицын, 1904: 101–112].

Но далее лабиринтов археологическое дело не пошло. Были сборы отдельных артефактов,

упоминание некоторых скандинавских исследований, собрание материалов для этнографических выставок... и только. Но вот в этой разреженной гуманитарной (а тем более – в археологической) атмосфере, где обитали такие лжеученые, как пресловутый эзотерик и оккультист, поклонник телепатии А.В. Барченко, появилась вдруг замечательная личность, сыгравшая значительную роль в изучении первобытной истории края. Энциклопедически образованный, уже успевший проявить себя как опытный археолог, известный востоковед и финно-угровед Алексей Викторович Шмидт в 1928 г. возглавил Антрополого-этнографический отряд Кольской экспедиции АН СССР, созданный для полевых исследований могильника, расположенного на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Выбор руководителя работ и объекта исследования, безусловно, превзошел все ожидания. Небольшой отряд (А.В. Шмидт, М.И. и А.В. Хвостовы, А.С. Юневич) в тяжелых климатических условиях заполярного июня провел раскопки на самом современном для того времени научном уровне. Через год методично, комплексно, с привлечением антрополога, палеоботаника и палеозоолога (С.Д. Синицын, А.Ф. Гаммерман, В.И. Громова) все материалы были обработаны и опубликованы [Шмидт, 1930: 119–169]. Это стало событием в изучении древней истории всей Лапландии. После этого ученый больше не возвращался в Мурманский край. Алексей Викторович Шмидт был арестован в 1933 г. по «академическому делу», инициированному ОГПУ против ученых, и умер во время следствия 28 апреля 1935 года [Формозов, 2006]. Оставив глубокий след своими, пусть однолетними, исследованиями Мурманна, Алексей Викторович Шмидт заслуженно по своему вкладу признается основоположником Кольской археологии по целому ряду оснований: 1) впервые раскопки были проведены отечественным профессиональным археологом; 2) могильник был первым, единственным (и остается до сих пор таковым) некрополем II тыс. до н.э. в Евразийской Арктической зоне; 3) по достоверному материалу представлен широкий обзор природных условий, состояния растительного и животного мира, многих сторон жизнедеятельности населения того времени и его антропологического облика; 4) привлечен

интерес отечественных и зарубежных исследователей к древней истории северо-западной заполярной территории России; 5) дан образец и вектор полевых исследований, комплексной обработки полученных материалов, по которому Кольская археологическая экспедиция (КАЭ) следует и поныне вот уже более 90 лет.

На археологическое изучение Мурманского края повлияли в значительной степени успешные исследования А. Нуммедала. В 1935 г. по поручению Советской секции Международного союза по изучению четвертичного периода (INQUA), Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) и по просьбе норвежских и финских исследователей было проведено археологическое обследование полуострова Рыбачий экспедицией под руководством ученика А.А. Спицына, видного геолога и археолога Бориса Федоровича Землякова с целью поисков на полуострове Рыбачий таких же, как в северной Норвегии памятников арктического палеолита. Результатом явилось открытие 12 стоянок арктического палеолита (часть из них впоследствии отнесена к мезолитической культуре комса) и неолита, а также публикация нескольких статей, в которых на основании изучения высотных данных дается относительная хронология памятников полуострова Рыбачий, не потерявшая своего значения до настоящего времени [Земляков, 1940: 107–144]. В наше время, обладая более обширными знаниями и техническими средствами, мы получили и вводим в научный оборот данные по антропологическому и генетическому исследованию, взаимно дополняемые материалами археологических источников, полученных в ходе проведения исследований Кольской экспедиции (КолАЭ) ИИМК РАН за последние годы.

Анализируя реальное развитие исторических знаний и полученные достоверные археологические результаты, необходимо помнить тех подвижников, с героических усилий которых начиналось изучение арктических территорий. В российской европейской части это Карл Эрнст Риттер фон Бэр Эдлер фон Хутхорн (Карл Максимович Бэр), А.А. Спицын, А.Ф. Шмидт, Б.Ф. Земляков, Н.Н. Гурина, В.С. Стоколос, О.В. Овсянников, В.Ф. Старков, А.А. Куратов; в азиатской: Г.А. Сарычев, Я. Санников, А.А. Штукенберг, Н.А.Э. Норденшельд, А.П. Окладни-

ков, В.С. Адрианов, С.И. Руденко, Г.А. Чернов, Н.Н. Диков, Л.П. Хлобыстин, Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева, А.Н. Алексеев. Именно благодаря многолетним плодотворным усилиям этих исследователей современная археология, продолжая вектор предшественников, в традиционном содружестве с представителями естественно-научных дисциплин, выходит на новый практический и теоретический уровень, постепенно переставая быть «историей, вооруженной лопатой».

Теоретическая и практическая значимость. Основываясь на новой серии добытых археологами КолАЭ РАН антропологических материалов, с помощью применения современных кра ниометрических и палеогенетических методов удалось наконец после почти 100-летней дискуссии определить пришлый характер древних оленеостровцев, погребенных в Кольском Оленеостровском могильнике и их полную генетическую обособленность от предшествующего (лапландцы) и последующего (саамы) населения Северной Фенноскандии. Более того, они не получили никаких генетических признаков от первых и не передали свои вторым.

II. Материалы и методы исследования. Полевые работы выполнялись с соблюдением Положения о порядке проведения археологических полевых работ (раскопок и разведок) и составлении научной отчетной документации, утвержденной «Постановлением (№17) Отдела историко-филологических наук РАН» от 17 января 2013 года, но с добавлением самых современных методик: ведение обмеров и фиксации находок, структур и комплексов *in situ* строго по слоям электронными тахеометрами в трехмерной системе координат Пулковско-42 и Балтийской системе высот. Проводилась постоянная фотофиксация всего процесса раскопок цифровыми камерами с максимальным разрешением. Все сложные анализы и обработка образцов выполнялись в Санкт-Петербурге в лабораториях ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа, РГПУ. Установление возраста и культурной принадлежности выявленного материала производилось на основе методов сравнительно-типологического сопоставления с уже известными находками и по уровню его технико-типологических характеристик, и методами естественных наук. Совместная, начиная с раскопок, работа с антропологами и биологами позволила

Рис. 2. Нарисованные красной охрой наскальные изображения (писаницы). Полуостров Рыбачий, р. Пяйве. Местонахождение Галерея. 7–6 тыс. до н.э. Фотография И. Георгиевского

1986: 15–34; Shumkin, 1992: 146–150], а недавно еще и находкой на скалах Эфьорда в округе Нурланд (Северная Норвегия) изображения 4-метрового корпуса лодки, выполненного в древней технике шлифовки контурных линий округлым камнем по поверхности скалы на уровне 70 м над уровнем моря около 10 тыс. лет назад. В этих и других фигурах (контурные крупные изображения медведей, тюленей, семейства оленей) – самых древних в Северной Фенноскандии проявлениях творчества первопоселенцев, выполненных в такой же технике – улавливаются традиции палеолитического пещерного искусства Франко-Кантабрии.

Благодаря всем этим факторам северные первопроходцы уже в бореальный период (не позднее 10 000 лет назад) достигли арктического побережья Фенноскандии [Шумкин, 1986: 15–33; Shumkin, 2006: 301–312]. Возможно, был и второй поток уже восточноевропейского населения (рис. 4), предпочитавшего пластинчатую технику раскалывания, который достиг Кольского полуострова и северной Финляндии с юга и юго-востока [Rankama, Kankanaa, 2014: 147–159].

Судя по расположению памятников, основой существования первопроходцев было морское собирательство и охота в прибрежной зоне, на литоральных, дополняемые охотой на сухопутных животных. Орудия изготавливались в основном из местного кварца и кремненных пород. Кро-

ме чумов, использовались небольшие, слабо углубленные жилища.

Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыбаков, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже деградацией материальной культуры, но тем не менее сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом шлифовки линий петроглифы этого времени и несколько более поздние писаницы (рис. 2). Мезолитические памятники Лапландии большинство специалистов традиционно связывают с культурой комса.

Определенное, более ускоренное развитие начинается с благоприятными изменениями климатических условий (атлантический оптимум), позволившее к началу неолита (около 6,5 тыс. лет назад) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии. Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий. Начинается широкое применение шлифованных изделий из сланца, налаживаются контакты с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства. Появляются многочисленные групповые и общеплеменные центры наскаль-

Рис 3. Петроглифы Канозера. Группа Каменный 7. Прорисовка с выделением (черным) зимней охоты лыжника с копьем на медведя

ного творчества (рис. 3), выполнявшие, видимо, роль святилищ и мест традиционных встреч родственных популяций. Все более существенными становятся признаки начала активного морского зверобойного промысла. Эти изменения оказывали, наряду с природными и социальными факторами, значительное стабилизирующее воздействие на местное население.

Наметившиеся тенденции аккумулируются в эпоху раннего металла (4–2,5 тыс. лет назад), когда на побережье Северной Фенноскандии складывается яркая культура специализированных морских охотников и рыбаков. Возникают многочисленные постоянные поселения с долговременными жилищами типа грессбаккен (рис. 4), расположенными вдоль древней береговой линии. Для этого периода (конец неолита и эпоха раннего металла) известны поселения, на которых сохранилась органика. Помимо каменных, присутствуют костяные и роговые орудия, гарпуны (в том числе поворотные), остроги, рыболовные крючки, кинжалы, наконечники стрел и изделия неутилитарного назначения. Среди кухонных отходов до 90 % кости морских животных (тюленей, моржей, китообразных). Немало костей морских рыб семейства тресковых. Долговременные углубленные зимние жилища этого периода представляли собой довольно сложные сооружения, в которых могло проживать 10–20 человек.

Таким образом, население самой северной окраины Европы, начиная с эпохи мезолита, по-

Рис 4. Раскопки жилища типа грессбаккен на берегу Дроздовской гуты Нокуевского залива Баренцева моря. 2 тыс. до н.э.

степенно вырабатывает комплекс культурных адаптаций, позволяющий в рамках присваивающего хозяйства вести оседлый образ жизни в суровых арктических условиях. Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определенно свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво процветать и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных по размерам углубленных жилищ. Умение изготавливать деревянные лодки, документально подтверждается присутствием изображений лодок (рис. 3) в многочисленных сюжетах петроглифов Канозера [Колпаков, Шумкин, 2012].

Все это, а также наличие специализированных эффективных орудий морского промысла (особенно поворотных гарпунов) обеспечивало постоянный достаток и даже изобилие продуктов жизнеобеспечения охотникам на морского зверя [Shumkin, 1992: 146–150]. Если рассма-

тривать проблему с точки зрения исторических реконструкций по археологическим данным, то не вызывает сомнений, что с мезолита на этой территории идет непрерывное развитие местной адаптационной модели древними коллективами. Таким образом, возможность крупных миграций в Северную Фенноскандию после первоначального заселения выглядит маловероятной. Правда, некоторые эпохальные инновации (внедрение керамики, металл) приходят с южных территорий, но это можно объяснить заимствованиями.

Особое место в археологии Лапландии занимает уникальный для всей Евразийской Арктики эпохи раннего металла (середина II тыс. до н. э.) Кольский Оленеостровский могильник (КОМ) на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Немногочисленные другие находки погребений этого времени ничего не могут добавить к выводам, имеющим своим источником этот могильник, обладающий редчайшей для Севера сохранностью органических материалов, которая вызвана тем, что погребения были совершены в песчаном грунте с обильной примесью морских раковин и еще в древности перекрыты слоем торфа. В 1925 г. географами С.Ф. Егоровым и Г.Д. Рихтером было обнаружено здесь два разрушенных погребения. В 1928 г. проведены первые раскопки отрядом Кольской экспедиции АН СССР под руководством А.В. Шмидта, исследовавшим 11 погребений [Шмидт, 1930: 119–169]. Значительная часть могильника была разрушена карьером середины 30-х гг. при постройке оборонительных сооружений базы Северного флота. В ходе этих работ военным инженером (техник-лейтенант) А.В. Ципленковым был собран археологический и антропологический материал из примерно 25 погребений, а 4 предмета были им переданы в АН СССР (ныне хранятся в Кунсткамере). Судьба остальной коллекции до сих пор неизвестна. В 1947–48 гг. Н.Н. Гуриной было вскрыто еще 10 погребений. В 2000–2004 гг. Кольской археологической экспедицией (КАЭ ИИМК РАН) под руководством В.Я. Шумкина [Колпаков, Мурашкин, Хартанович, Шумкин, 2019] было раскопано 9 погребений, из которых некоторые были коллективными, до 6 костяков (всего 22 погребенных). Погребения представляли собой в основном трупоположения (всего

3 неполных сожжения за все годы раскопок), вытянутые на спине, головой на восток и северо-восток, помещались в могильные прямоугольные или овальные в плане ямы глубиной до 0,5 м от древней поверхности (до 1 м от современной). Отмечены каменные обкладки разной конфигурации на древней дневной поверхности. Нередко также камни укладывались в ногах и за головой погребенных. Результаты наших раскопок доставили принципиально новую информацию и качественно расширили возможности судить о погребальной практике, применявшейся на Большом Оленьем острове в эпоху раннего металла (рис. 5).

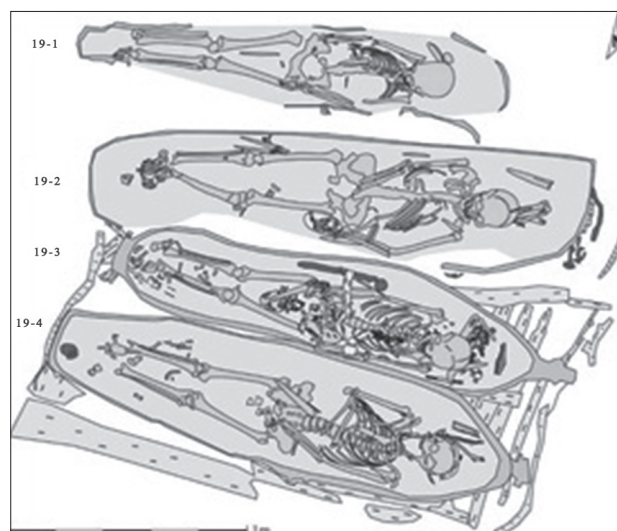

Рис 5. Коллективное погребение (№ 19, 1-4), КОМ. 2 тыс. до н.э.

Большинство погребенных помещено в своеобразные гробовища – лодки-кережки, закрытые деревянными крышками. Стыки между бортами и крышками густо просмолены. Судя по остаткам, корпуса лодок были сделаны из тонких деревянных досок, имели шпангоуты. Для двух детских погребений, видимо, были специально изготовлены маленькие лодки-кережки. Вероятнее всего, лодки-гробовища были специально изготовлены для погребальной процедуры по технологии производства настоящих лодок. Помимо уникальной по сохранности большой палеоантропологической коллекции, представлены многочисленные погребальные дары сородичей как утилитарного, так и художественно-культового характера, выполненные из камня рога и кости (кинжалы, наконечники стрел и

Рис 6. Наконечники (кость, рог) гарпунов.

КОМ, 2 тыс. до н.э. Слева простые зубчатые (один из них, самый правый, с уже вставленным каменным наконечником), справа – все поворотного типа

дротиков, долота, тесла, крючки рыболовные, гарпуны зубчатые и поворотные (рис. 6), иглы, игольники, накладки из резцов бобра, втулки, острия разные, заколки, наворачия с головой оленя, так называемые колотушки бубна, гребни, подвески и другие украшения), а также керамика, абразивы из пемзы, раковины, остатки поминальной трапезы.

По результатам наших раскопок можно говорить о различиях в инвентаре между мужскими и женскими погребениями. Только в мужских имеются пары двузубых костяных наконечников дротиков, гарпуны любых типов, рыболовные крючки, выпрямители древков стрел из пемзы, заколки с зубчатой головкой. Только в женских – створки раковин *Unio*, челюсти оленей, четырехзубые гребни.

Можно предположить, что оленеостровцы были сравнительно небольшой пришлой группой. Однако этому противоречит отсутствие типологических различий между погребальным инвентарем Кольского Оленеостровского могильника и комплексами артефактов со стоянок и поселений Арктического побережья эпохи раннего металла.

На некоторую связь материальной культуры (рогожный орнамент) обратил внимание еще в середине прошлого века археолог А.П. Окладников [Окладников, 1951: 151–166]. Более определенно по этому поводу высказывался Л.П. Хлобыстин: «продвигаясь по привычному экологическому коридору тундры и лесотундры,

ограниченному побережью Северного Ледовитого океана и тайгой, в обход основной территории, на которой происходило формирование финно-угро-самодийской общности, эти люди по мере своего продвижения вступали в контакты с различными аборигенными этносами и постепенно растворялись в среде местного населения» [Хлобыстин, 1998: 102].

Во многих своих работах автор статьи [например, Шумкин, 1986: 112; 1990: 10–15; Shumkin 1990: 3–20] также неоднократно приводил и акцентировал археологические свидетельства возможного проникновения около 3–4 тыс. лет назад крайне малочисленных групп пришельцев скорее всего восточного происхождения, которые, как мы считаем, не могли серьезно повлиять на достаточно развитые сообщества лапландцев, тем более изменить их облик, быт и традиции. Они должны были быстро ассимилироваться, оставив единичные следы в культуре, возможно, в генофонде. Предположения основывались на единовременности появления и неутилитарности некоторых модификаций:

1) присутствие в некоторых памятниках (от Большеземельской тундры до Северной Финляндии, но особенно важно, что в том числе и в Кольском Оленеостровском могильнике) фрагментов вафельной керамики, которая близка сосудам ымыяхтахской культуры, выглядит инородной и не имеет местного типологического развития (рис. 7);

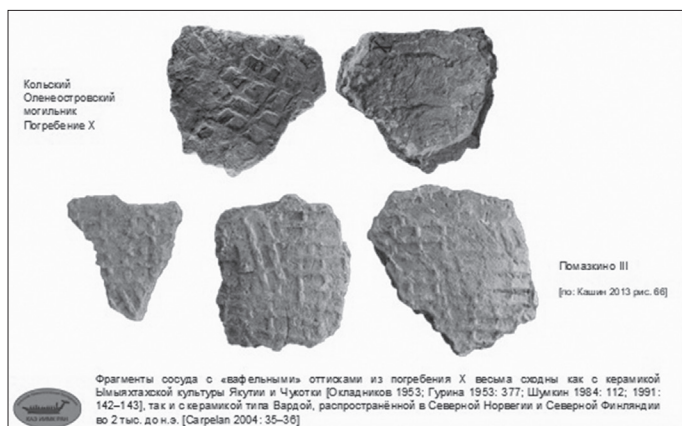

Рис 7. Вафельная ымяхтахская керамика погребения X КОМ. Фонды МАЭ РАН (верхний ряд). Вафельная ымяхтахская керамика поселения Помажино III (нижний ряд)

2) новые сакральные представления, в частности, единичные инновации в наскальном творчестве;

3) отдельные элементы, как считают, шаманской атрибутики у местных колдунов-нойдов.

Все это скорее не следствие заимствований или конвергенции, а результаты непосредственного присутствия носителей новшеств на древней земле Северной Фенноскандии. Но оказывается, все происходило более серьезно и основательно.

Изучение всей краниологической серии (1928; 1946–48; 2000–2004 годы раскопок) погребенных в Кольском Оленеостровском могильнике, квалифицированно проведенное известным специалистом-антропологом В.И. Хартановичем (МАЭ РАН–Кунсткамера), начатое со стадии постоянного присутствия в полевых работах на могильнике (при участии С.В. Васильева и С.Б. Боруцкой) и продолженное в лаборатор-

ных условиях с применением самых передовых методов и методик, дает, помимо определения пола и возраста погребенных, неоценимые свидетельства их прижизненного физического состояния [Васильев, Боруцкая, Галлеев, Шумкин, 2016: 77–87] и свидетельствует о крайне специфическом антропологическом облике оленеостровцев. Выяснилось, что антропологические и генетические особенности (ДНК) погребенных в Кольском Оленеостровском могильнике (3,5 тыс. лет назад) не находят прямых аналогий в современном населении Северной Фенноскандии, существенно отличаются от характеристик саамских групп, и поэтому древние оленеостровцы не могут быть их предками, проявляя при этом тенденцию к сближению с представителями так называемой уральской расы (рис 8–10), проживающими сейчас за Уральским хребтом [Моисеев, Хартанович, 2012: 145–154; Clio Der Sarkissian, et al, 2013: 174–181].

Рис 8. Краниология. Положение 39 древних групп лесной зоны Восточной Европы, Северной Европы и континентальной Азии. В пространстве первых двух канонических векторов. По В.И. Хартановичу (МАЭ РАН–Кунсткамера)

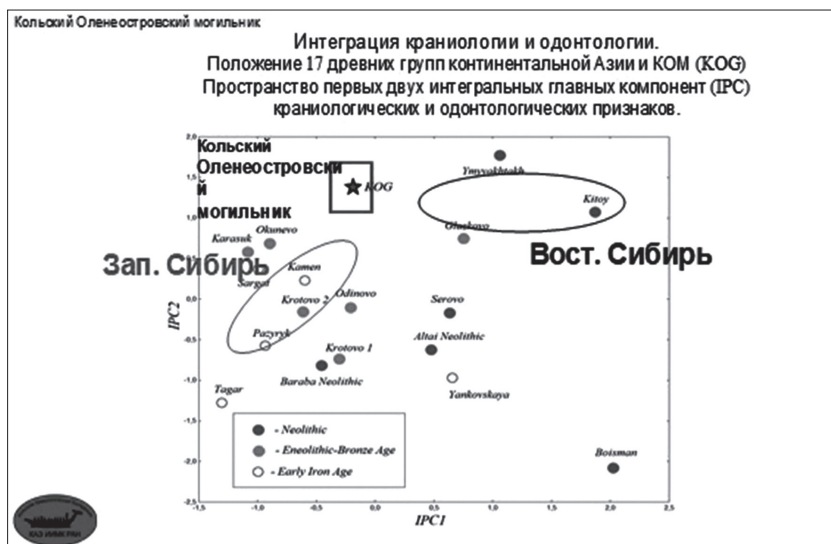

Рис 9. Интеграция краниологии и одонтологии. Положение 17 древних групп континентальной Азии и Кольского Оленеостровского могильника. Пространство первых двух интегральных компонент (ИРС) краниологических и одонтологических признаков. По В.И. Хартановичу (МАЭ РАН–Кунсткамера)

Рис 10. Краниология, одонтология, палеогенетика. Интегрированные результаты. Наибольшее сходство древних и современных групп. По В.И. Хартановичу (МАЭ РАН–Кунсткамера)

IV. Обсуждение. Со времени первых раскопок Кольского Оленеостровского могильника в 1928 г. велись постоянные дискуссии по поводу этнической принадлежности погребенных там людей. С.Д. Сеницын писал, что они близки [Сеницын, 1930: 182] к современному лопарскому (саамскому) населению. П.П. Якимов после продолжения раскопок этого могильника, напротив, подчеркивал неидентичность олене-

островцев с саамами [Якимов, 1953: 463]. Дискуссии продолжались и позднее [Моисеев, Хартанович, 2012: 145–154], причем диапазон мнений все время расширялся.

Такая разность позиций объясняется в основном отсутствием в то время статистически значимых древних краниологических материалов. Раскопки 2000–2004 гг. КолАЭ РАН восполнили эту недостаку, а усовершенствованные

антропологические методики совместно с проведенным в лаборатории Университета Аделаиды (Австралия) анализом митохондриальной ДНК, выделенной из костного материала серии Кольского Оленеостровского могильника, полностью подтвердили зауральские (сибирские) связи «оленеостровцев», выявленные на основе анализа краниометрических показателей [Clio Der Sarkissian et al., 2013].

Современные антропологические и палеогенетические данные показывают, что у погребенных в КОМ оленеостровцев присутствует как минимум два компонента, ни один из которых не проявляет сходства ни с верхнепалеолитическими и мезолитическими популяциями Западной Европы, ни с современными саамами. Один из них – западносибирский – находит ближайшие аналогии в населении юга западной Сибири, начиная с эпохи неолита и до современных угрозычных народов (уральская раса). Аналогии второму компоненту присутствуют у древнего населения Северо-Восточной Сибири в погребениях Ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1980].

По археологическим данным определить время и место смешения этих компонентов пока не представляется возможным, как и территорию распространения в Фенноскандии подобных антропологических комплексов. Вместе с тем доказана преемственность развития материальной и духовной культуры первооселенцев (на протяжении 8 тыс. лет), которые изначально являлись западноевропейским, финально-палеолитическим (аренбургская культура) населением и, возможно, второй волной уже восточно-европейских мезолитических (бутовская культура) коллективов, постепенно выработавших атрибуты сложной практики специализированных охотников на морского зверя и собственные специфические мировоззренческие представления. Как могли они передать эти навыки пришлым сибирякам, не смешавшись с ними, ведь по всем параметрам погребенные в Кольском Оленеостровском могильнике были, без сомнения, именно специализированными охотниками на морского зверя? Выработать такую практику пришельцы сами явно не могли даже во время длительного продвижения из мест раннего обитания на востоке, поскольку и на их родине, и на побережье восточных арктических морей вплоть до Чукотки в то время не было таких

специализированных морских сообществ, да и весь орудийный комплекс оленеостровцев не отличается от уже существовавшего у более древнего населения прибрежной Лапландии.

V. Заключение. Возникла амбивалентность в наших знаниях, которую еще предстоит разрешить сообществу, вероятно, в процессе комплексных исследований представителями гуманитарных и естественных дисциплин. Постановка в эпиграф только третьей и четвертой строк знаменитого стихотворного шедевра Д.Р. Киплинга, сделана намеренно, так как обычно цитируемые первые строки не только ошибочны по своей сути, но и противоречат двум последующим, да и, пожалуй, всему дальнейшему поэтическому повествованию.

Сокращения

ИИАК – Известия Императорской археологической комиссии

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

РГПУ – Российский государственный педагогический университет

Список литературы:

Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Галеев Р.М., Шумкин В.Я. Антропологическая реконструкция индивида из неординарного погребения Кольского Оленеостровского могильника // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 15. С. 77–90.

Земляков Б.Ф. Арктический палеолит на севере СССР // Советская археология. 1940. Вып. V. М.-Л. С. 107–144.

Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник: 1925–2013. СПб.; Вологда: Древности Севера, 2019. 480 с.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 425 с.

Моисеев В.Г., Хартанович В.И. Краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1(49). С. 145–154.

Окладников А.П. Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы // Ученые записки ЛГУ. 1951. № 157. С. 151–166.

Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении восьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под началом флота капитана Беллингса с 1793 по 1795 год. СПб., 1802. Ч.1. С. 95–96.

Синицын С.Д. Костные останки человека в раскопках А.В. Шмидта // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Л.: Изд-во Академии наук, 1930. С. 181–183.

Спицын А.А. Северные лабиринты // ИИАК. Вып. 6. СПб., 1904. С. 101–112.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980. 224 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2006. С. 200–202.

Хлобыстин Л.П. 200 лет Арктической археологии // КСИА. Вып. 200. М., 1988. С. 3–8.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб., 1998. 340 с.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Л.: Изд-во Академии наук, 1930. С. 119–169.

Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. 1986. № 2. С. 15–34.

Шумкин В.Я. Западные и восточные традиции культуры аборигенного населения Северной Фенноскандии // *Uralo-Indogermanika*. Ч. 2. М., 1990. С. 10–15.

Якимов В.П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом оленьем острове (Баренцево море) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1953. С. 448–485.

Baer E. Uiber labyrinth-formige Steinsetzungen in russischen Norden. Bulletin de la classe historico-philologique de L'Academie des sciences de S. Peterbourg. 1884. Vol. I. Pp. 70-79.

Clio Der Sarkissian, Oleg Balanovsky, Guido Brandt, Valery Khartanovich, Alexandr Buzhilova, Sergey Koshel, Valery Zaporozhchenko, Detlef Gronenborn, Vyacheslav Moiseyev, Eugen Kolpakov, Vladimir Shumkin, Kurt W. Alt, Elena Balanovska, Alan Cooper. Wolfgang Haak, the Genographic Consortium. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberian the Complex Human Population History of North East Europe. PLOS Genetics, 2013. Vol. 9. Issue 2. Pp. 174-181.

Nummedal A. Stone age finds in Finnmark. Aschehoug & Co. Oslo, 1929. 100 p.

Rankama T., Kankanpaa J. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland. Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Ed. by Riede F. Tallavaara M. BAR International Series 2599. Oxford, 2014. Pp. 147–159.

Shumkin V.Y. Models of subsistence among the ancient population of the Kola peninsula. Fenno-ugri et slavi. Helsinki, 1992. Pp. 146-150.

Shumkin V.Y. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View. Acta Borealia. 1990. № 2. Pp. 3-20.

Shumkin V.Y. Initial colonization of the Arctic zone. Human Palaeontology and Prehistory. France Academie des sciences. Paris, 2006. Pp. 301-312.

Zvelibil M. Innovating hunter-gathers: the Mesolithic in the Baltic. Eds. G. Bailey, P. Spikins. In: Mesolithic Europe. Cambridge: Cambridge Press, 2008. Pp. 18-59. Fig. 2.

References:

Baer E. Uiber labyrinth-formige Steinsetzungen in russischen Norden. Bulletin de la classe historico-philologique de L'Academie des sciences de S. Peterbourg. 1884. Vol. I. Pp. 70-79. (In English)

Clio Der Sarkissian, Oleg Balanovsky, Guido Brandt, Valery Khartanovich, Alexandr Buzhilova, Sergey Koshel, Valery Zaporozhchenko, Detlef Gronenborn, Vyacheslav Moiseyev, Eugen Kolpakov, Vladimir Shumkin, Kurt W. Alt, Elena Balanovska, Alan Cooper. Wolfgang Haak, the Genographic Consortium. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberian the Complex Human Population History of North East Europe. PLOS Genetics, 2013. Vol. 9. Issue 2. Pp. 174-181. (In English)

Fedosееva S.A. *Ymyyakhhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoi Azii* [Ymyyakhhtakh culture of North-east Asia]. Novosibirsk, 1980. 224 p. (In Russian)

Formozov A.A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [Russian archaeologists in the period of totalitarianism. Historiographical essays]. Moscow, 2006. Pp. 200-202. (In Russian)

Khlobystin L.P. *Drevnyaya istoriya Taimyrskogo Zapolyar'ya* [Ancient history of the Taimyr Polar region]. St. Petersburg, 1998. 340 p. (In Russian)

Khlobystin L.P. 200 let Arkticheskoi arkheologii [200 years of Arctic archeology]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology]. Release 200. Moscow, 2000. Pp. 3-8. (In Russian)

Kolpakov E.M., Murashkin A.I., Khartanovich V.I., Shumkin V.Ya. *Kol'skii Oleneostrovskii mogil'nik: 1925–2013* [Kola Oleneostrovsky burial ground: 1925-2013]. St. Petersburg, Vologda: Antiquities of the North, 2019. 480 p. (In Russian)

- Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya. *Petroglify Kanozera* [Petroglyphs of Kanozera]. St. Petersburg: The Art of Russia, 2012. 425 p. (In Russian)
- Moiseev V.G., Khartanovich V. I. Kraniologicheskie materialy iz mogil'nika epokhi rannego metalla na Bol'shom Olen'em ostrove Barentseva morya [Cranio-logical materials from the burial ground of the early metal age on the Big Deer Island of the Barents Sea]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2012. №1 (49). Pp. 145-154. (In Russian)
- Nummedal A. *Stone Age finds in Finnmark. Aschehoug & Co.* Oslo, 1929. 100 p. (In English)
- Okladnikov A.P. Drevnie kul'turnye svyazi mezhdru arkticheskimi plemenami Azii i Evropy [Ancient cultural ties between the Arctic tribes of Asia and Europe]. *Uchenie zapiski Leningradskogo universiteta* [Scientific Notes of the Leningrad University]. 1951. №157. Pp. 151-166 (In Russian)
- Rankama T., Kankanpaa J. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland. Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Ed. by Riede F. Tallavaara M. BAR International Series 2599. Oxford, 2014. Pp. 147–159. (In English)
- Sarychev G.A. *Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po severo-vostochnoi chasti Sibiri, ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu v prodolzhenii os'mi let pri geograficheskoi i astronomicheskoi morskoi ekspeditsii, byvshei pod nachalom flota kapitana Bellingsa s 1793 po 1795 god* [The voyage of Captain Sarychev's fleet through the north-eastern part of Siberia, the Arctic Sea and the Eastern Ocean in the course of axes of years during the geographical and astronomical marine expedition, which was under the command of Captain Bellings' fleet, from 1793 to 1795. St. Petersburg]. St. Petersburg: 1802. Part 1. Pp. 95-96. (In Russian)
- Shmidt A.V. Drevnii mogil'nik na Kol'skom zalive [The ancient burial ground on the Kola Bay.] *Kol'skii sbornik. Trudy antropologo-etnograficheskogo otryada Kol'skoi ekspeditsii. Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy* [Kola Collection. The works of the anthropological and ethnographic detachment of the Kola expedition. Materials of the Expedition Research Commission]. Release 23. Leningrad: Publ. of the Academy of Sciences, 1930. Pp. 119-169. (In Russian)
- Shumkin V.Ya. Models of subsistence among the ancient population of the Kola peninsula. Fenno-ugri et slavi. Helsinki, 1992. Pp. 146-150. (In English)
- Shumkin V.Ya. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View. *Acta Borealia*. 1990. № 2. Pp. 3-20. (In English)
- Shumkin V.Ya. Mezolit Kol'skogo poluoostrova [Mesolithic of the Kola Peninsula]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. Moscow, 1986. № 2. Pp.15-34 (In Russian)
- Shumkin V.Ya. Zapadnye i vostochnye traditsii kul'tury aborigennogo naseleniya Severnoi Fennoskandii [Western and Eastern traditions of the culture of the Aboriginal population of North Fennoscandia] // *Uralo-Indogermanika*. Part 2. Moscow, 1990. Pp. 10–15. (In Russian)
- Shumkin V.Ya. Initial colonization of the Arctic zone. *Human Palaeontology and Prehistory*. France Academie des sciences. Paris, 2006. Pp. 301–312. (In English)
- Sinitin S.D. Kostnye ostanki cheloveka v raskopkakh A.V. Shmidta [Bone remains of a man in the excavations of A.V. Schmidt]. *Kol'skii sbornik. Trudy antropologo-etnograficheskogo otryada Kol'skoi ekspeditsii. Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy* [Kolsky collection. Proceedings of the anthropological and ethnographic detachment of the Kola expedition. Materials of the Expeditionary Research Commission]. Release 23. Leningrad: Academy of Sciences Publ., 1930. Pp. 181-183. (In Russian)
- Spitsin A.A. Severnye labirinty [Northern labyrinths]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission]. Release 6. St. Petersburg: 1904 Pp. 101-112. (In Russian)
- Vasil'ev S.V., Borutskaya S.B., Galeev R.M., Shumkin V.Ya. Antropologicheskaya rekonstruktsiya individa iz neordinarnogo pogrebeniya Kol'skogo Oleneostrovskogo mogil'nika [Anthropological reconstruction of an individual from an extraordinary burial of the Kola Oleneostrovsky burial ground]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Irkutsk State University]. 2016. Volume 15. Pp. 77-90. (In Russian)
- Yakimov V.P. Antropologicheskaya kharakteristika kostyakov iz pogrebenii na Bol'shom Olen'em ostrove (Barentsevo more) [Anthropological characteristics of bones from burials on the Bolshoy Oleny Island (Barents Sea)]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow; Leningrad, 1953. Pp. 448-485. (In Russian)
- Zemlyakov B.F. Arkticheskii paleolit na severe SSSR. [Arctic Paleolithic in the North of the USSR]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology]. Volume V. M.-L., 1940. Pp. 107-114. (In Russian)
- Zvelibil M. Innovating hunter-gathers: the Mesolithic in the Baltic. Eds. G. Bailey, P. Spikins. In: *Mesolithic Europe*. Cambridge: Cambridge Press, 2008. Pp. 18-59. Fig. 2. (In English)

V.Ya. Shumkin

The Establishing Contacts Problem of the Ancient Population Arctic Eurasia (Siberia - Fennoscandia) According to Archaeological, Anthropological and Paleogenetic Data

Scientific novelty. For the first time, data on anthropological and genetic research of mutually complementary materials from archaeological, anthropological and paleogenetic sources are introduced into scientific circulation.

The aim of the article is based on the analysis of all available materials to reconstruct the cultural and economic ties of the ancient population. To achieve this goal, it is necessary to study old and systematize new data by modern archaeology, anthropology and biology. Publication of new materials obtained during the research of the Kola Expedition (KolAE) of the IHMC RAS in recent years and consideration of the historical background of the formation the development of Arctic archaeology and the achievements of its creators, thanks to whose efforts modern science continuing the vector of its predecessors in traditional cooperation with representatives of natural science disciplines, reaches a new level.

Research methods. During the field work and the preparation of scientific reporting documentation the most modern methods were used: conducting measurements and fixing finds, structures and complexes *in situ* strictly by layers with electronic total stations in the three-dimensional coordinate system of Pulkovo-42 and the Baltic altitude system. The entire excavation process was constantly photographed with digital cameras with maximum resolution. All complex analyses and sample processing are performed later in St. Petersburg in the laboratories of the IHMC RAS, the State Hermitage Museum RSPU. The age and cultural affiliation of the identified material was established on the basis of methods of comparative typological comparison with already known finds and according to the level of its technical and typological characteristics and methods of natural sciences. Collaboration with anthropologists and biologists since excavation allowed us to obtain high-quality sources and ensure correct attribution of archaeological material which contributed to the success of developments in craniology and in the field of paleoDNA. In the course of a complex of field, cabinet and laboratory studies qualitatively new integrated data on the history of the ancient population of the Arctic were obtained.

Results. After long-term studies of several generations of domestic and foreign archaeologists it was established that Arctic Europe (Northern Fennoscandia including the northern territories of Norway, Sweden, Finland and the Kola Peninsula of Russia) were first settled no later than 10 thousand years ago (Mesolithic) from the southwest by the heirs of the Arensburg Late Paleolithic archaeological culture who originally penetrated to the south of the Swedish peninsula of Skone and then moving north along the edge of the west coast already freed from the glacier, thanks to the Gulf Stream. The previously postulated use of water vehicles on this route by small communities (called the Komsa culture), based on the very early settlement of islands far from the mainland and even in the non-freezing waters of these northern seas has recently received factual confirmation by the discovery on the rocks in Northern Norway) of the image of a large boat of the sea dating back about 10 thousand years go back. Presumably there was some infiltration from the southwest by the heirs of the Butovo archaeological culture. In the Neolithic Era (6.5-4 thousand years ago) the development of local populations called the Lapland archaeological culture which judging by the place of initial dislocation had a Caucasoid genotype occurred relatively isolated mastering the seaside adaptation model which turned them into specialized hunters of sea animals by the end of this period. During the excavations of the Kola Oleneostrovsky burial ground (3.5 thousand years ago) using new methods of analysis it turned out that the anthropological and genetic features (DNA) of the buried do not find direct analogies in the modern population of the Northern Fennoscandia. They radically differ in characteristics both from the Neolithic Laplanders and from the Saami groups, and therefore the ancient Oleneostrovians cannot be either descendants of the former or ancestors of the latter, while showing a tendency to approach representatives of the so-called Ural race living now in the north of Western Siberia.

Keywords: archaeological cultures: Arensburg, Butovskaya, Komsa, Lapland, Ymyyakhtakh; oleneostrovtsy, Ural race

А.В. Кандыба, Л.В. Зоткина, И.С. Павлов,
В.М. Дьяконов, В.В. Пархомчук, А.В. Петрожицкий,
Д.А. Кулешов, Н.И. Павлова, А.В. Протопопов

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.002

УДК 902/904(571.56)

Комплексное изучение палеолитических объектов Арктической зоны (местонахождение Муостах, Булунский район, Республика Саха (Якутия) *

Научная новизна. Реконструкция физико-географических условий в плейстоцене в Восточной Сибири с детальным изучением районов первоначального расселения и этапов освоения данной территории древним гоминами в рамках решения фундаментальной задачи проблемы освоения человечеством Евразии и проникновением на территорию Северной Америки является одной из важнейших задач палеолитоведения. Многие обнаруженные ранее археологические и палеонтологические находки изучены фрагментарно без учета литолого-стратиграфической ситуации.

Цель: определение палеоэкологической обстановки на обнаруженном объекте археологии и плейстоценовой фауны и характеристики взаимодействия палеопопуляций человека, природной среды и позднеплейстоценовой мегафауны. Многочисленные археологические и палеонтологические материалы предоставляют исключительную возможность для восстановления путей миграции и определения ресурсной базы первобытного населения и реконструкции культурных взаимодействий в пространстве и времени.

Задачи: 1) проведение палеонтологического анализа для установления видового состава фаунистического комплекса Муостах; 2) проведение трасологического анализа для определения следов антропогенного воздействия на фаунистические остатки местонахождения Муостах; 3) проведение радиоуглеродного анализа для определения хронологического возраста фаунистических остатков местонахождения Муостах; 4) определение места археологического и палеонтологического комплекса Муостах в эколого-хронологической обстановке Северо-Восточной Азии.

Методы исследования. Район разведочного исследования 2020 г. был определен ранее сделанной единичной находкой каменного изделия на острове Муостах неподалеку от одноименного мыса. Обнаружение в 2020 г. местонахождения Муостах на одноименном мысе полуострова Быковский также демонстрирует поверхностный характер залегания палеонтологического и археологического материала, который был изучен палеонтологическим и трасологическим методами, а также проведен радиоуглеродный анализ находок.

Результаты. В разрозненном состоянии обнаружены останки восьми видов плейстоценовой фауны (мамонт, бизон, северный олень, сайгак, лошадь, волк, заяц, овцебык), часть которых была фрагментирована древним человеком. Таким образом, зафиксирован новый палеонтологический и археологический памятник на территории Булунского района, что говорит о несомненной перспективности данного региона в обнаружении новых свидетельств присутствия человека в период плейстоцена.

Ключевые слова: Булунский район, местонахождение Муостах, плейстоцен, мамонтовая фауна, термоденудация, трасологический анализ, радиоуглеродный анализ

I. Введение. Исследование характера первоначального расселения и последовательности развития человеческих палеопопуляций в условиях меняющихся экстремальных палеоэкологических условий арктического Севера Якутии в позднем плейстоцене и установление значения мамонтовой мегафауны в качестве ресурсной базы палеолитических охотников всегда

*Работа проведена в рамках выполнения плана НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

было актуальной проблемой таких наук, как археология, палеонтология и антропология. Быстрое распространение и относительное единообразие культуры древнего человека в Северо-Восточной Азии, а также его существенная схожесть с синхронными комплексами Сибирской Арктики во многом делает феномен первого освоения данного региона почти глобальным примером адаптации человека к экстремальным арктическим условиям на территории Азии. Наиболее древние стоянки фиксируются на территории севера Якутии ок. 30 тыс. л.н., причем единичные свидетельства проникновения человека позволяют отодвинуть время проникновения на 10 тыс. лет раньше. Географическое распространение, хронологические интервалы существования древнего населения и морфологические особенности наземных млекопитающих тесно связаны с конкретными условиями среды, существовавшими в арктической зоне России. Поэтому одним из важнейших моментов является абсолютное датирование фаунистических комплексов Арктики. Мамонтовая фауна плейстоцена является особым фаунистическим сообществом, существовавшим в условиях, которые до настоящего времени остаются во многом не исследованными, и их изучение требует особых методологических подходов. Поиски археологических комплексов плейстоценового времени на территории полярной зоны Севера Якутии ведутся давно. Но полученные данные для региона очень фрагментарны в силу географической локализованности и специфических климатических особенностей арктической криолитозоны. Одним из новых местонахождений, открытых в 2020 г., является участок мыса Муостах полуострова Быковский со стороны бухты Буор-Хайа и моря Лаптевых. Здесь на пляже у размываемой морем береговой линии с обрывистыми и частично сложенными берегами был собран палеонтологический материал (рис. 1).

В основании мыса Муостах находится известное урочище Мамонтовый-Хаята, откуда в 1799 г. М. Адамс вывез в Санкт-Петербург «выпавший из ледяной стены» скелет мамонта с остатками мягких тканей [Томирдиаро, Черненький, 1987: 74].

Местонахождение Муостах расположено на участке мыса Муостах полуострова Быковский со стороны бухты Буор-Хайа и моря Лаптевых.

Рис. 1. Мыс Муостах. Расположение обнаруженных находок заключено в прямоугольник

Здесь был собран фаунистический материал вдоль береговой линии с обрывистыми и частично сложенными берегами. В разрозненном состоянии обнаружены останки восьми видов плейстоценовой фауны (мамонт, бизон, северный олень, сайгак, лошадь, волк, заяц, овцебык), часть которых была фрагментирована древним человеком [Полевые исследования на территории Булунского района..., 2020]. В районе обнаружения остеологических и археологических находок находится один из опорных геологических разрезов Мамонтовый-Хаята [Куницкий, 1989; Schirrmeister et al., 2002]. Местность представляет собой злако-ивкомыховые и полигональные моховоразнотравные тундры на суглинках увалистой равнины в сочетании с термокарстовыми комплексами на невысоких водоразделах. Район исследований расположен на территории-останце Приморской низменности, как и остров Муостах, на прилегающих участках дна моря Лаптевых и водоразделе Приморского кряжа. В строении останцов предгорной аккумулятивной равнины принимает участие четвертичный ледовый комплекс, слагающий поверхность с абс. отм. 10–43 м, расчлененную аласами, лагунами, термоэрозион-

ными оврагами и понижениями, т.е. имеет полигональный рельеф с широким проявлением термокарстовых процессов [Зигерт и др., 2009].

Останцы равнины расположены в зоне сочленения северной оконечности Верхоянской складчатой системы и шельфа моря Лаптевых и относятся к Буорхайнской структурно-фациальной зоне [Зигерт и др., 2017]. В геологическом строении данной территории и ее обрамлении принимают участие палеозойские известняки, конгломераты, интрузии базальтов и диабазов, преобладают темноокрашенные аргиллиты, алевролиты, сланцы, песчаники – так называемый верхнепалеозойский Верхоянский комплекс. Кайнозойские образования включают палеогеновые угленосные глины, неогеновые железистые конгломераты с глыбами интрузивных пород, миоцен-нижнеплейстоценовые пески, выходы которых отмечены в дельте р. Лены, по берегам Быковской протоки и бухты Тикси, на фрагментах поверхности выравнивания Приморского кряжа. Четвертичные отложения района – многолетнемерзлые и талые пески, супеси, суглинки, торфяники – слагают надводные части останцов равнины дна моря, также включают отложения ледового комплекса повышенной мощности (до 47 м) [Schirrmeister et al., 2002]. Следует отметить, что этот район расположен в пределах денудационно-тектонического глыбового сооружения и характеризуется интенсивными неотектоническими движениями с палеогена до рубежей позднего плейстоцена–голоцена, спровоцировавшими тектоническое опускание территории в позднем неоплейстоцене и определившими современный геоструктурный облик территории [Иванов, Катасонова, 1978].

На востоке Быковского полуострова песчаные слабодыстые отложения залегают на абсолютных отметках от –50 до +9 м [Grosse et al., 2006]. Они представлены песчано-гравийными осадками плиоцена–раннего неоплейстоцена [Куницкий, 1989], перекрытыми аллювиальными тонкопесчаными, слабодыстыми осадками зырянского возраста. Начало накопления толщи предполагается по высотно-возрастной модели [Meуer et al., 2002] около 80 тыс. лет. Сверху залегают резко отличающиеся по литологическому составу и содержанию льда лёссовидные каргинско-сарганские осадки. Разрез Мамонтов-Хаята демонстрирует, что осадки данного

участка Быковского п-ова формировались 60–5 тыс. л.н. [Sher et al., 2005; Siegert et al., 2002; Schirrmeister et al., 2002].

Целью данной работы является определение палеоэкологической обстановки на обнаруженных объектах археологии и плейстоценовой фауны и характеристики взаимодействия палеопуляций человека, природной среды и позднеплейстоценовой мегафауны с использованием палеонтологического и трасологического методов, а также определение хронологического возраста с помощью радиоуглеродного анализа.

Теоретическая значимость заключается в том, что палеонтологические материалы являются важной составляющей для палеоэкологических реконструкций разных культурно-хронологических периодов. Комплексные исследования многослойных стоянок и пещерных комплексов Северной Азии продемонстрировали безусловную значимость всестороннего изучения остеологических коллекций.

Практическая значимость данной информации заключается в том, что эти материалы позволяют реконструировать адаптационные стратегии, поведенческие особенности и палеодиету древнейшего населения арктической зоны. Таких исследований проведено крайне мало для палеонтологических и археологических объектов Севера, поэтому данные по мультидисциплинарному изучению любого обнаруженного объекта несут важную информацию и делают ценный вклад в понимание общей картины древней истории региона.

II. Материалы и методы. Палеонтологические исследования млекопитающих мамонтовой фауны проводились по методикам Е.В. Машченко [Maschenko, 2002], Н.В. Гарутт с дополнениями из методик измерения черепа К. Герена и И.А. Вислобоковой [Гарутт, 1998]. Индивидуальный возраст исследуемых образцов определялся по степени срастания (облитерации) черепных швов, формирования зубной системы и уровня стертости зубов, степени окостенения дистальных и проксимальных эпифизов конечностей, а также степени срастания краниальных и каудальных суставных дисков позвонков.

Для определения следов воздействия антропогенного характера на костном материале использовался трасологический анализ. Классический подход С.А. Семенова предполагает рас-

смотрение в комплексе трех типов следов на археологических артефактах: технологических (следов изготовления), функциональных (следов использования) и следов деградации поверхности, связанных с природными изменениями [Семенов, 1957: 7, 14]. Особенно важно отличать свидетельства антропогенного воздействия от формообразования, спровоцированного естественными процессами. В некоторых случаях характер следов не позволяет с точностью сказать, природного они происхождения или нет. Особенно это актуально для археологических материалов, найденных не *in situ*, и когда условия залегания не стабильны и перемещение находок в грунте неизбежно, как, например, у находок в байджарахах.

Кроме того, помимо деформаций, связанных со спецификой условий залегания, на костях могут встречаться различные погрызы, следы вытаптывания и прочих воздействий, не связанных с преднамеренной обработкой, выполненной человеком [См. например, Naupes, 2017; Naupes et al., 2020]. И хотя существуют неоспоримые свидетельства разделки туши и обработки бивней, не все найденные на костях следы могут быть интерпретированы как результат антропогенного воздействия на них.

Для установления хронологической принадлежности был проведен радиоуглеродный анализ образцов. Химическая предобработка образцов проводилась в лаборатории изотопных исследований ИАЭТ СО РАН следующим образом. Фрагменты костных образцов промывались дистиллированной водой, сушились при комнатной температуре и размалывались в порошок на криогенном гомогенизаторе FreezerMill. Затем порошок каждого образца помещался в ячейку автоматического экстрактора ASE350 и промывался хлористым метилом при комнатной температуре однократно, после чего высушивался. Затем проводилась деминерализация костного порошка путем обработки 0,5 М водным раствором HCl при комнатной температуре и промывки водой до pH = 7, затем порошок обрабатывался 0,05 М водным раствором NaOH при комнатной температуре в течение 15 минут, промывался дистиллированной водой до pH = 7 и повторно обрабатывался раствором HCl 0,5 М при комнатной температуре в течение 30 минут. После этого порошок промывался дистиллирован-

ной водой до pH = 3 и выдерживался при данной кислотности и 70 °С в течение 12 часов. Затем раствор отделялся от осадка центрифугированием на приборе LMC-3000 со скоростью 3000 об/мин в течение 3 минут, раствор переносился в пробирки, повторно центрифугировался со скоростью 14500 об/мин в течение 70 минут и, отделенный от осадка, высушивался при 70 °С для получения порошка коллагена.

Далее проводилась процедура графитизации коллагена на AGE-3, прессование по 1 мг углерода в мишени, которые направлялись на радиоуглеродный анализ на уникальной научной установке «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН». Процедуре графитизации, помимо исследовательских образцов, подвергались также стандартные образцы щавелевой кислоты OxI и сахарозы ANU. Относительное содержание радиоуглерода $^{14}\text{C}/^{13}\text{C}$ в исследовательских образцах рассчитывалось как среднее по двум параллельно изготовленным графитовым мишеням и нормировалось на содержание $^{14}\text{C}/^{13}\text{C}$ в стандартах.

III. Результаты. В силу продолжающейся активной термоденудации происходит разрушение рельефа мыса Муостах, особенно в его приморской части. Чуть менее активно термоденудационные процессы действуют по долинам рек и ручьев, на относительно ровных тундровых площадях вдали от водотоков развиваются термокарстовые процессы. Все это в той или иной степени способствует обнаружению палеонтологических остатков так называемой мамонтовой фауны. Обнаруженные кости в зависимости от того, залегали ли они в мерзлоте или были перезахоронены, имеют разную степень сохранности и в основном фрагментированы. Их цвет варьируется от желтого до темно-коричневого.

Были обнаружены следующие виды. Одним из первых был найден шерстистый мамонт (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799)). Собрано четырнадцать фрагментов костей: шейный позвонок, тазовая кость (2 экз.), хвостовой позвонок, фрагмент ребра (3 экз.), плюсневая кость, фаланга, щепка бивня (3 экз.), фрагменты трубчатых костей (2 экз.). К взрослой особи шерстистого мамонта относится седьмой шейный позвонок (малой карликовой формы), тазовые кости (2 экз.), хвостовой позвонок, фрагмент ребер (3 экз.), фрагмент проксималь-

ной части плюсневой кости, фаланга, щепа бивня (3 экз.). Фрагменты двух зубов примерно DP4 и M1 принадлежат мамонту возрастом 6–9 лет. Обнаруженные фрагменты бедренной кости и большой берцовой кости без эпифизов соответствуют детенышу мамонта. Обе кости от одной особи возрастом не более 3-х месяцев.

Собрано девятнадцать фрагментов костей от разных особей степного или первобытного бизона (*Bison priscus* (Vojanus, 1827)). Это фрагмент черепа, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й шейные позвонки, фрагмент грудного отдела позвоночника, фрагмент крестца, фрагмент первого ребра, фрагмент ребра, фрагмент лопатки, фрагмент плечевой кости, фрагмент лучевой кости, фрагмент дистального эпифиза бедренной кости, пяточные кости (2 экз.), фрагмент пястной кости, III фаланга (3 экз.).

Обнаружено одиннадцать фрагментов костей ископаемой ленской лошади (*Equus lenensis*), в том числе левая нижняя челюсть, у которой отсутствует передняя и проксимальная части, сустав нижней челюсти, шейный позвонок, фрагмент грудного отдела позвоночника, крестец, фрагмент левой лопатки, пястная кость, фрагмент бедренной кости, фаланга, копытцевая кость молодой особи.

Находки костей северного оленя (*Rangifer tarandus* (Linnaeus, 1758)) насчитывают двенадцать фрагментов. Это обломок черепа с основанием рога (2 экз.), фрагменты грудного отдела позвоночника, крестца, тазовой кости (3 экз.), плечевой кости, плюсневая кость, таранная кость (2 экз.), фаланга.

В единственном экземпляре обнаружена пястная кость детеныша ископаемого овцебыка (*Ovibos moschatus* (Blainville, 1816)). Также найден обломок дистальной части лопатки ископаемого сайгака (*Saiga borealis* (Tschersky, 1876)). Интерес представляет фрагмент правой части черепа волка с сохранившимися тремя зубами. Существенным отличием по сравнению с голоценовым волком является более короткие размеры черепа. Последним видом, обнаруженным на местонахождении Муостах, является заяц, а точнее фрагмент черепа особи с сохранившимися тремя зубами в левой части.

Предварительный трасологический анализ остеологической коллекции с местонахождения Муостах показал, что следы искусственной об-

работки присутствуют на пяти фрагментах костей. Одной из самых насыщенных по количеству свидетельств искусственной обработки находок является фрагмент кости волка. Недалеко от эпифиза фиксируется серия многочисленных параллельных тонких линейных следов, расположение которых указывает на диагональное относительно продольной оси скобление. Кость также подверглась строганию, о чем свидетельствуют ярко выраженные серии тонких прямых линейных следов, локализованных параллельно продольной оси в медиальной части ближе к зоне фрагментирования. Причем ближе к эпифизу эти следы иногда перекрывает яркая заполировка, возможно, кость использовали для лощения. Не все участки предмета отличаются хорошей сохранностью, на противоположной стороне поверхность повреждена процессами деградации. Однако сочетание следов обработки с целью придания формы и интенсивный блеск предположительно от утилизации, указывают на активное использование этого фрагмента кости волка человеком. Возможно, характер слома также указывает на искусственный характер фрагментирования кости. Радиоуглеродный возраст данного образца составляет 16212 ± 81 лет. (GV-03118). Кроме того, общая морфология некоторых предметов указывает на искусственную обработку. На двух фрагментах крупных костей мамонта (рис. 2) отмечаются ровные края, свидетельствующие о рубке (рис. 2, 1abc, 2ab).

Радиоуглеродный возраст этих образцов составляет 34792 ± 782 лет (GV-03120) и 53119 ± 7764 лет (GV-03122). Пластина из бивня также, несмотря на отсутствие микро- или макропризнаков искусственной модификации, предположительно могла быть получена путем расщепления или расклинивания пульпарной стенки бивня (рис. 3), и имеет радиоуглеродную дату 25392 ± 257 (GV-03115).

Также еще один фрагмент бивня мамонта сохраняет участки тонких линейных следов порезов и имеет открытую дату >50000 (GV-03117) (рис. 4).

Из вышеуказанного видно, что подъемный комплекс местонахождения Муостах разновременный и фиксирует эпизодическое появление древнего населения на данном участке побережья моря Лаптевых. Фаунистический комплекс без следов антропогенного воздействия также

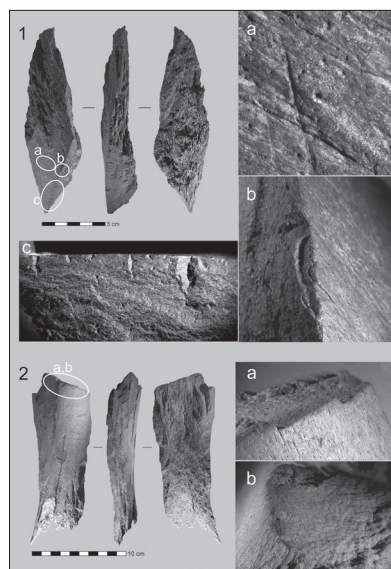

Рис. 2. Фрагменты кости мамонта: 1 – общий вид на фрагмент кости мамонта в трех проекциях, а – участок с линейными следами (увеличение $\times 40$), б, с – ровный край фрагмента с небольшими зазубринами (увеличение $\times 8$); 2 – общий вид на крупный отщеп из кости мамонта в трех проекциях, а, б – ровный край фрагмента (увеличение $\times 8$)

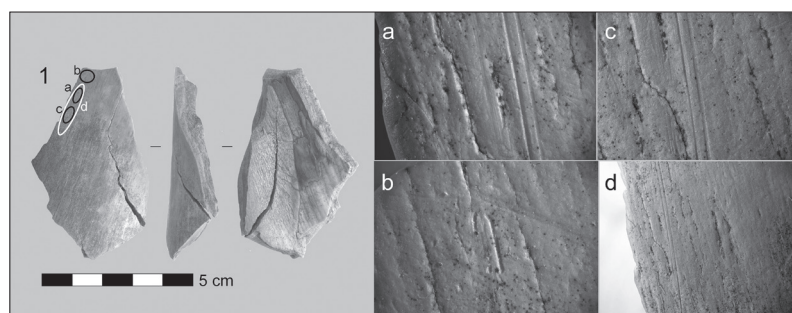

Рис. 3. Фрагмент стенки пульпарной полости бивня мамонта: 1 – общий вид на фрагмент бивня в трех проекциях, а – один из наиболее представительных участков с линейными следами (увеличение $\times 20$), б – участок с линейными следами различной глубины и направленности (увеличение $\times 32$), с – серии линейных следов на поверхности фрагмента (увеличение $\times 8$)

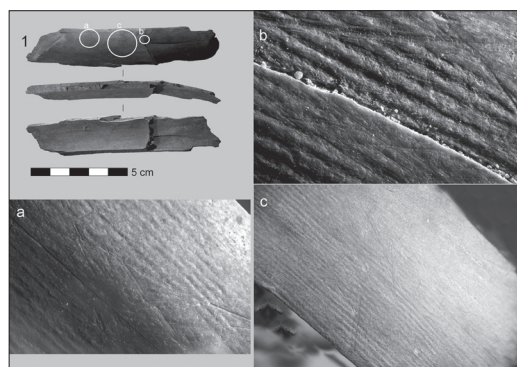

Рис. 4. Отщеп из бивня мамонта: 1 – общий вид на фрагмент бивня в трех проекциях, а – линейные следы различной глубины (увеличение $\times 56$), б – участок пересечения линейных следов (увеличение $\times 56$), с – серии линейных следов (увеличение $\times 50$), d – расположение наиболее глубоких следов по краю отщепы (увеличение $\times 16$)

демонстрирует различный возраст обнаруженных образцов. Так, лопатка лошади имеет радиоуглеродный возраст 26997 ± 298 лет (GV-03124), а пятка бизона – 53231 ± 7738 (GV-03125).

IV. Обсуждение. В изучении археологии арктического Севера Якутии наиболее значительные открытия были сделаны в 1989–1990, 2000–2005 гг., когда была обнаружена и исследована Жоховская стоянка – один из самых северных в мире археологических памятников, датированный возрастом 8250–7800 л.н. [Питулько, 1998; Питулько, Павлова, 2015]. На стоянке были найдены каменные, костяные и роговые орудия, плетеные изделия, фаунистический и антропологический материал, ставшие ценным источником по реконструкции жизни людей в раннем голоцене в этой части Восточно-Сибирской Арктики, когда Новосибирские острова еще оставались частью материковой суши [Питулько, 2019]. Изучение Новосибирских островов продолжалось в 2000-х гг., когда были выявлены также одновременные следы пребывания древнего человека на о-вах Анжу. На острове Котельном была открыта стоянка Тугутгах возрастом 6,7 тыс. лет с микропризматической индустрией, а на острове Новая Сибирь подъемный материал из фрагментов нуклеусов из бивней мамонтов возрастом около 36 тыс. лет [Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене..., 2015]. Позднее в 2019 году на о. Котельный Новосибирского архипелага в ходе изыскательных работ палеонтологической экспедиции РГО в междуречье Кожевена–Воллосовича были обнаружены костные останки шерстистого мамонта, примерно 30–40 % от полного скелета возрастом 26 тыс. л.н. [Павлов, Suzuki, 2020]. На местонахождении были обнаружены фрагменты черепа, бивней, лопатка, шейные, грудные и поясничные позвонки, фрагмент крестца, фрагменты ребер, таза и костей конечностей. Также были обнаружены следы от орудий древнего человека (порезы, царапины) на черепе, позвонках и ребрах. Рядом со скелетными остатками были найдены и идентифицированы орудия труда древнего человека – предположительно точило для ножа со следами интенсивного использования и что-то типа лопаточки. Новые открытия на Новосибирских островах стали известны в 2020 г., когда была открыта стоянка на острове Столбовом,

единичный артефакт на полуострове Тас-Ары острова Котельный и единичный артефакт в центральной части острова Новая Сибирь [Новые местонахождения и объекты археологии на архипелаге Новосибирских островов, 2020].

Также единичные находки плейстоценовой фауны со следами антропогенного воздействия были обнаружены в 2015 г. на острове Большой Ляховский в долине р. Зимовье, где было выявлено 2 местонахождения [Полевые исследования на острове Большой Ляховский, 2015]. В 2017 г. на поверхности песчаной косы, составляющей южную оконечность небольшого острова Муостах, расположенного в море Лаптевых, в 40 км на восток-юго-восток от пос. Тикси было обнаружено ножевидное-скребловидное изделие, относящееся, вероятно, к позднему палеолиту. Выявить культуросодержащий слой тогда не удалось.

Древнейший достоверно установленный на настоящий момент этап палеолита Северо-Востока Азии представлен Янской стоянкой и относится к одному из заключительных интервалов каргинского времени, 27000–28500 л. н. [Питулько, Павлова, 2010]. Результаты серийного датирования материалов из Янской стоянки, радиоуглеродный возраст которой хорошо обоснован, все же не позволяют пока поставить вопрос об определении циклов обитания на стоянке. Имеющиеся датировки уверенно согласуются между собой, но не образуют отчетливых кластеров, которые могли бы свидетельствовать о наличии здесь в пределах одного горизонта различимых на уровне разрешающей способности 14С метода циклов заселения, которой эксплуатировался лишь как источник ценного сырья биогенного происхождения (бивней и длинных костей мамонта) [Pitulko, Pavlova, Nikolsky, 2015]. Дальнейшее развитие янской культуры приводит, возможно, к появлению на приморских низменностях памятников типа Берелёха. Можно предполагать, что возраст культурного слоя стоянки Берелёх соответствует датировке 11450 ± 150 л. н. (Beta-190085), полученной по кости зайца [Питулько, Павлова, 2010]. Возраст костных остатков различных представителей мамонтовой фауны из кострища и стоянки Берелёх позволяют предполагать, что костеносный горизонт образовался в интервале от примерно 14000 до 11000 л. н., с привнесением в него части древнего материала. Истоки янской культуры неяс-

ны, но очевидно, что она предшествует дюктайской на значительной части Северо-Востока Азии, а в северной части этого региона продолжает существовать и после распространения в сарганском криохроне дюктайских памятников.

Полученные результаты изучения местонахождения Муостах имеют существенное значение для активно разрабатываемой в современном научном сообществе тематики путей заселения человеком современного антропологического типа территории Евразии и развития моделей палеоэкологических ситуаций в позднем плейстоцене. Мультидисциплинарные исследования, которые охватывают все стороны палеогеографических обстановок в контексте взаимодействия древнего человека и палеосреды на территории Восточной Сибири на основе современных методов изучения, имеют важное прикладное значение как пример применения этих методик для археологических и палеоэкологических обстановок, происходящих из различных территорий и относящихся к различным культурно-хронологическим этапам.

V. Заключение. Обнаруженный видовой состав может говорить о принадлежности костей к плейстоценовой фауне. Исследования сравнительного небольшого участка мыса Муостах продемонстрировал перспективность подобных исследований, но в то же время и трудоемкость данных работ. Следует также отметить, что активные термоденудационные процессы, происходящие в Сибирской Арктике, хоть и относительно облегчают поисковую работу, однако фактически уничтожают остатки фаунистического комплекса и свидетельства пребывания древнего человека на арктическом пространстве. Не исключено, что наличие такого фаунистического рефугиума могло способствовать и длительному существованию поздних форм гоминид на данной территории, что сказалось на специфике антропогенеза в Восточной Сибири. Популяции, осваивавшие территории арктической зоны Севера Якутии в условиях неоднократного изменения климата позднего плейстоцена, сохраняли стабильную и единообразную технологию утилизации камня и кости, схожих в своих проявлениях. В связи с этим большое значение имеет определение характера человеческих адаптаций к разнообразным ландшафтам и климату севера Якутии, нашедших свое отраже-

ние в характере использования и получения каменного и костяного сырья, стратегий мобильности, способов жизнеобеспечения и поселенческой активности, взаимодействия с палеосредой.

Список литературы:

Гарутт Н.В. Шерстистый носорог: Морфология, систематика, геологическое значение: Дис. ... канд. геолого-минерал. наук. Санкт-Петербург, 1998. 247 с.

Зигерт К., Куницкий В.В., Ширмейстер Л. Отложения ледового комплекса пород – архив данных для реконструкции климата и экологии на побережье моря Лаптевых в позднем плейстоцене // Система моря Лаптевых и прилегающих морей Арктики. Современное состояние и история развития. М.: Изд-во МГУ. 2009. С. 320–331.

Зигерт К., Сергеев А.И., Ширмейстер Л. Четвертичные отложения Северного Верхоянья: геохронология, вопросы их генезиса // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. №75. 2017. С. 100–111.

Иванов М.С., Катасонова Е.Г. Особенности криолитогенных отложений острова Муостах // Геокриологические и гидрогеологические исследования Якутии. Якутск: ИМЗ СО АН СССР, 1978. С. 12–25.

Куницкий В.В. Криолитология низовья Лены. Якутск: Ин-т мерзлотоведения СО РАН, 1989. 164 с.

Новые местонахождения и объекты археологии на архипелаге Новосибирских островов / Дьяконов В.М., Симокайтис Т.Б., Протопопов А.В., Павлов И.С., Плотников В.В., Хлагула И., Долакова Н. // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий: тез. междунар. науч. конф. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 24–25.

Павлов И.С., Suzuki N. Табаюрский мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum, 1799) с острова Котельный, Новосибирский архипелаг // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2020. Т. 25, № 2. С. 56–66.

Питулько В.В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 103–136.

Питулько В.В. Жоховская стоянка. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 186 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб: Наука, 2010. 264 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) // Записки ИИМК РАН. 2015. № 12. С. 27–55.

Полевые исследования на острове Большой Ляховский (Российская восточная Арктика) / Кандыба А.В., Григорьев С.Е., Тихонов А.Н., Никольский П.А., Обадэ Т.Ф., Чепрасов М.Ю., Макаров В.С., Новгородов Г.П. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. XXI. С. 82–85.

Полевые исследования на территории Булунского района (Республика Саха (Якутия) в 2020 году / Кандыба А.В., Дьяконов В.М., Павлов И.С., Зоткина Л.В., Протопопов А.В., Симокайтис Т.Б. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 107–112.

Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте / Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В., Базилян А.Е., Анисимов М.А., Ремизов С.О. // IV Северный археологический конгресс: доклады. Екатеринбург, 2015. С. 152–176.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА. № 54).

Томирдиаро С.В., Черненький Б.И. Криогенно-эоловые отложения Восточной Арктики и Субарктики. М.: Наука, 1987. 198 с.

Grosse G., Schirmermeister L., Malthus T.J. Application of Landsat-7 satellite data and a DEM for the quantification of thermokarst-affected terrain types in the periglacial Lena-Anabar coastal lowland // Polar Res., 2006. Vol. 25. Pp. 51–67.

Haynes G. Taphonomy of the Inglewood mammoth (*Mammuthus columbi*) (Maryland, USA): Green-bone fracturing of fossil bones // Quaternary International. 2017. Vol. 445. Pp. 171–183.

Haynes G., Krasinski K., Wojtal. P. Elephant bone breakage and surface marks made by trampling elephants: Implications for interpretations of marked and broken *Mammuthus* spp. Bones // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 33. Pp. 102–191.

Maschenko E.V. Individual development, biology and evolution of the woolly mammoth // Cranium. 2002. Vol. 19. Pp. 4–120.

Meyer H., Dereviagin A.Y., Siegert C., Hubberten H.-W. Paleoclimate studies on Bykovsky Peninsula, North Siberia – Hydrogen and oxygen isotopes in ground ice // Polarforschung. 2002. Vol. 70. Pp. 37–51.

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu., Nikolsky P.A. Processing of the Mammoth Tusk in the Upper Palaeolithic of the Arc-

tic Siberia (with Particular Reference to the Materials of the Yana Site) // Stratum Plus. 2015. Vol. 1. Pp. 223–283.

Schirmermeister L., Siegert C., Kuznetsova T., Kuzmina S., Andreev A., Kienast F., Meyer H., Bobrov A. Paleoenvironmental and paleoclimatic records from permafrost deposits in the Arctic region of Northern Siberia // Quaternary International, 2002. Vol. 89. Pp. 97–118.

Sher A.V., Kuzmina S.A., Kuznetsova T.V., Sulerzhitsky L.D. New insights into the Weichselian environment and climate of the East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants, and animals // Quaternary Science Reviews. 2005. Vol. 24. № 5/6. Pp. 553–569.

Siegert C., Schirmermeister L., Babiy O. The sedimentological, mineralogical and geochemical composition of Late Pleistocene deposits from the Ice complex on Bykovsky Peninsula, Northern Siberia // Polarforschung. 2002. Vol. 70. Pp. 3–11.

References:

Garutt N. V. *Sherstistyyi nosorog: Morfologiya, sistematika, geologicheskoe znachenie: Dis. ... kand. geologo-mineral. nauk* [Woolly rhinoceros: Morphology, systematics, geological significance: Dissertation ... candidate of geological and mineralogical sciences]. Saint Petersburg Publ., 1998. 247 p. (In Russian)

Grosse G., Schirmermeister L., Malthus T.J. Application of Landsat-7 satellite data and a DEM for the quantification of thermokarst-affected terrain types in the periglacial Lena-Anabar coastal lowland. Polar Res., 2006. Volume 25, Pp. 51–67. (In English)

Haynes G. Taphonomy of the Inglewood mammoth (*Mammuthus columbi*) (Maryland, USA): Green-bone fracturing of fossil bones. Quaternary International. 2017. Volume 445. Pp. 171–183. (In English)

Haynes G., Krasinski K., Wojtal. P. Elephant bone breakage and surface marks made by trampling elephants: Implications for interpretations of marked and broken *Mammuthus* spp. Bones. Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Volume 33. Pp. 102–191. (In English)

Ivanov M.S., Katasonova E.G. Osobennosti kriolitogennykh otlozhenii ostrova Muostakh [Peculiarities of cryolithogenic deposits of Muostakh Island]. *Geokriologicheskie i gidrogeologicheskie issledovaniya Yakutii* [Geocryological and hydrogeological studies of Yakutia]. Yakutsk: Permafrost Institute Siberian Branch of Academy of Science of Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1978. Pp. 12–25. (In Russian)

Kunitskii V.V. *Kriolitologiya nizov'ya Leny* [Cryolithology of the lower Lena]. Yakutsk: Permafrost Institute Siberian Branch of Russian Academy of Science Publ., 1989. 164 p. (In Russian)

Maschenko E.V. Individual development, biology and evolution of the woolly mammoth // *Cranium*. 2002. Volume 19. Pp. 4–120. (In English)

Meyer H., Dereviagin A.Y., Siebert C., Hubberten H.-W. Paleoclimate studies on Bykovsky Peninsula, North Siberia – Hydrogen and oxygen isotopes in ground ice. // *Polarforschung*. 2002. Volume 70. Pp. 37-51. (In English)

Novye mestonakhozhdeniya i ob'ekty arkheologii na arhipelage Novosibirskikh ostrovov [New locations and objects of archeology on the archipelago of the New Siberian Islands]. D'yakonov V.M., Simokaitis T.B., Protopopov A.V., Pavlov I.S., Plotnikov V.V., Khlakhula I., Dolakova N. *Mezhdistsiplinarnye arkheologicheskie issledovaniya drevnikh kul'tur Eniseiskoi Sibiri i sopredel'nykh territorii*: tez. Mezhdunar. nauch. konf. (Krasnoyarsk, 20–22 oktyabrya 2020 g.) [Interdisciplinary archaeological research of ancient cultures of Yenisei Siberia and adjacent territories: abstracts. International Scientific conference. (Krasnoyarsk, October 20-22, 2020)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2020. Pp. 24–25. (In Russian)

Pavlov I.S., Suzuki N. Tabayuryakhsii mamont (*Mammuthus primigenius* Blum, 1799) s ostrova Kotel'nyi, Novosibirskii arhipelag [Tabayuryakhsy mammoth (*Mamutnus primigenius* Bloom, 1799) from Kotelny Island, Novosibirsk archipelago]. *Prirodnye resursy Arktiki i Subarktiki* [Natural resources of the Arctic and Subarctic]. 2020. Volume 25, Issue 2. Pp. 56–66. (In Russian)

Pitul'ko V.V. *Zhokhovskaya stoyanka* [The Zhohov site]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1998. 186 p. (In Russian)

Pitul'ko V.V. Gonka so vremenem: v poiskakh nachal'nogo etapa osvoeniya chelovekom Sibirskoi Arktiki [Race against time: in search of the initial stage of human development of the Siberian Arctic]. *Proshloe chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysyacheletii (K 100-letiyu sozdaniya rossiiskoi akademicheskoi arkheologii)* [The past of humanity in the works of St. Petersburg archaeologists at the turn of the millennium (To the 100th anniversary of the creation of Russian academic archeology)]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2019. Pp. 103–136. (In Russian)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. *Geoarkheologiya i radiouglerodnaya khronologiya kamennogo veka Severo-vostochnoi Azii* [Geoarcheology and Radiocarbon Chronology of the Stone Age in Northeast Asia]. Saint Petersburg: Science Publ., 2010. 264 p. (In Russian)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. Opyt radiouglerodnogo datirovaniya kul'turosoderzhashchikh otlozhenii Zhokhovskoi stoyanki (Novosibirskie o-va, Sibirskaya Arktika) [Experience of radiocarbon dating of culture-bearing sediments of the Zhokhov site (Novosibirsk Islands, Sibe-

rian Arctic)]. *Zapiski IIMK RAN* [Notes of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Science]. 2015. Volume 12. Pp. 27–55. (In Russian)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Nikolsky P.A. Processing of the Mammoth Tusk in the Upper Paleolithic of the Arctic Siberia (with Particular Reference to the Materials of the Yana Site). *Stratum Plus*. 2015. Volume 1. Pp. 223–283. (In English)

Polevye issledovaniya na ostrove Bol'shoi Lyakhovskii (Rossiiskaya vostochnaya Arktika) [Field research on the Bolshoy Lyakhovskiy Island (Eastern Russian Arctic region)]. Kandyba A.V., Grigor'ev S.E., Tikhonov A.N., Nikol'skii P.A., Obade T.F., Cheprasov M.Yu., Makarov V.S., Novgorodov G.P. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Volume XXI. Pp. 82–85. (In Russian)

Polevye issledovaniya na territorii Bulunskogo raiona (Respublika Sakha (Yakutiya)) v 2020 godu [Field research on the territory of Bulunsky district (Republic of Sakha (Yakutia)) in 2020]. Kandyba A.V., D'yakonov V.M., Pavlov I.S., Zotkina L.V., Protopopov A.V., Simokaitis T.B. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Volume XXVI. Pp. 107–112. (In Russian)

Rasselenie cheloveka v Sibirskoi Arktike v pozdnem neopleistotsene i golotsene: novye materialy k arkheologicheskoi karte [Human settlement in the Siberian Arctic in the late Neopleistocene and Holocene: new materials for the archaeological map]. Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Nikol'skii P.A., Ivanova V.V., Basilyan A.E., Anisimov M.A., Remizov S.O. *IV Severnyi arkheologicheskii kongress: doklady. 19–23 oktyabrya 2015, g.* [IV Northern Archaeological Congress: reports. 19-23 October 2015]. Khanty-Mansiisk. Ekaterinburg, 2015. Pp. 152–176. (In Russian)

Semenov S.A. *Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty)* [Primitive technology (experience of studying the most ancient tools and products on the trail of work)]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1957. 240 p. (MIA. Volume 54). (In Russian)

Schirrmeister L., Siebert C., Kuznetsova T., Kuzmina S., Andreev A., Kienast F., Meyer H., Bobrov A. Paleoenvironmental and paleoclimatic records from permafrost deposits in the Arctic region of Northern Siberia. *Quaternary International*, 2002. Volume 89. Pp. 97-118. (In English)

Sher A.V., Kuzmina S.A., Kuznetsova T.V., Sulerzhitsky L.D. New insights into the Weichselian environ-

ment and climate of the East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants, and animals. *Quaternary Science Reviews*. 2005. Volume 24. № 5/6. Pp. 553-569. (In English)

Siegert C., Schirmermeister L., Babiy O. The sedimentological, mineralogical and geochemical composition of Late Pleistocene deposits from the Ice complex on Bykovsky Peninsula, Northern Siberia. *Polarforschung*. 2002. Volume 70. Pp. 3-11. (In English)

Tomirdiario S.V., Chernen'kii B.I. *Kriogenno-eolovyye otlozheniya Vostochnoi Arktiki i Subarktkiki* [Cryogenic-aeolian deposits of the Eastern Arctic and Subarctic]. Moscow: Science Publ., 1987. 198 p. (In Russian)

Zigert K.; Sergeenko A.I.; Shirmeister L. Chetvertichnye otlozheniya Severnogo Verkhoyan'ya: geokhronologiya, voprosy ikh genezisa [Quaternary deposits of the Northern Verkhoyansk region: geochronology, ques-

tions of their genesis]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary]. Volume 75. 2017. Pp. 100-111. (In Russian)

Zigert K., Kunitskii V.V., Shirmeister L. Otlozheniya ledovogo kompleksa porod – arkhiv dannykh dlya rekonstruktsii klimata i ekologii na poberezh'e morya Laptevykh v pozdnem pleistotsene [Deposits of the ice complex of rocks – data archive for the reconstruction of climate and ecology on the coast of the Laptev Sea in the Late Pleistocene]. *Sistema morya Laptevykh i prilegayushchikh morei Arktiki. Sovremennoe sostoyanie i istoriya razvitiya* [System of the Laptev Sea and adjacent Arctic Seas. Current state and history of development]. Moscow: Moscow State University Publ., 2009. Pp. 320-331. (In Russian)

*A.V. Kandyba, L.V. Zotkina, I.S. Pavlov, V.M. Dyakonov, V.V. Parkhomchuk,
A.V. Petrozhitsky, D.A. Kuleshov, N.I. Pavlova, A.V. Protopopov*

Comprehensive Study of Paleolithic Objects in the Arctic Zone (Muostakh Site, Bulunsky District, Republic of Sakha (Yakutia))

Scientific novelty. Reconstruction of the physical and geographical conditions in the Pleistocene in Eastern Siberia with a detailed study of the areas of initial settlement and the stages of development of this territory by ancient hominins in the framework of solving the fundamental problem of the problem of the development of Eurasia by mankind and penetration into the territory of North America is one of the most important tasks of paleolithology. Many previously discovered archaeological and paleontological finds have been studied in fragments without taking into account the lithological and stratigraphic situation.

The aim of the study is determination of the paleoecological situation at the discovered object of archeology and the Pleistocene fauna and characteristics of the interaction between human paleopopulations, the natural environment and the Late Pleistocene megafauna. Numerous archaeological and paleontological materials provide an exceptional opportunity to restore migration routes and determine the resource base of the primitive population and reconstruct cultural interactions in space and time.

Tasks: 1. Carrying out paleontological analysis to establish the species composition of the Muostakh faunal complex; 2. Carrying out a trace analysis to determine the traces of anthropogenic impact on the faunal remains of the Muostakh site; 3. Carrying out radiocarbon analysis to determine the chronological age of the faunal remains of the Muostakh site; 4. Determining the location of the Muostakh archaeological and paleontological complex in the ecological and chronological setting of Northeast Asia.

Research methods. The exploratory study area for 2020 was determined by an earlier single find of a stone product on the Muostakh Island near the cape of the same name. The discovery in 2020 of the Muostakh site on the cape of the same name on the Bykovsky Peninsula also demonstrates the surface nature of the occurrence of paleontological and archaeological material which was studied by paleontological and trace methods, as well as a radiocarbon analysis of the finds.

Results. In a scattered state, the remains of eight species of the Pleistocene fauna (mammoth, bison, reindeer, saiga, horse, wolf, hare, muskox) were found some of which were fragmented by ancient man. Thus, a new paleontological and archaeological monument was recorded on the territory of the Bulunsky district which indicates the undoubted prospects of this region in discovering new evidence of human presence during the Pleistocene.

Keywords: Bulunsky district, Muostakh site, Pleistocene, mammoth fauna, thermal denudation, trace analysis, radiocarbon analysis

Топоры эпохи Средневековья и Нового времени Якутии: типология и интерпретация*

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в отсутствии специальных работ, посвященных изучению и анализу железных топоров Якутии, датируемых эпохой Средневековья и Нового времени, что объясняется прежде всего редкостью их находок в археологических памятниках.

Цель настоящей работы – обобщение и систематизация археологической, этнографической, фольклорной и лингвистической информации по железным топорам Якутии. В задачи входят рассмотрение морфологических особенностей, выделение видов и типов, поиск аналогов в сопредельных регионах, а также обзор их роли и значения в военной, хозяйственной и мифо-религиозной сферах жизни якутов.

Методами выступили обобщение, анализ, системный подход, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Результаты. Все рассматриваемые нами топоры за исключением одного топора-кельта относятся к проушным: топоры-чеканы 2-х типов и плоскообушные – 4-х типов. Шпеньковые топоры, случайно найденные на территории Центральной Якутии, имеют аналоги в культуре средневековых чжурчженей Приамурья, в материалах памятников енисейских киргизов и алтайских тюрок Тувы, Минусинской и Кузнецкой котловин. Основной тип плоскообушных топоров проявляет морфологическое сходство с топорами Приамурья и Западной Сибири, которые восходят к эпохе бронзы. Топоры-чеканы, по всей вероятности, использовались в качестве боевого оружия, а плоскообушные топоры имели универсальное (боевое и рабочее) значение, что подтверждается данными фольклора. Обнаружение топоров в родовитых погребениях с богатым сопроводительным инвентарем свидетельствует об их высоком статусе и элитном значении.

Ключевые слова: Якутия, Средневековье, Новое время, железные топоры, типология, шпеньковый топор-чекан, плоскообушный топор, топор-кельт

I. Введение. Поводом к написанию настоящей статьи явились случайные находки шпеньковых топоров-чеканов, ранее не зафиксированных на территории Якутии, что поставило задачу ввести их в научный оборот. Актуальность предлагаемого исследования определяется отсутствием специальных работ, посвященных изучению и анализу железных топоров Якутии, датируемых эпохой Средневековья и Нового времени. Это объясняется прежде всего редкостью их находок в археологических памятниках. Всего в материалах якутских погребений XVII–XVIII вв. зафиксировано 16 топоров: 13 – в грунтовых погребениях бассейнов Средней Лены, Алдана, Амги, Вилюя и Яны, 3 – в воздушных

(арангасных) захоронениях на реке Оленёк. Кроме одного «кельтеобразного» втульчатого изделия [Гоголев, 1990], все они относятся к проушным топорам. За исключением нескольких погребений [Гоголев, 1958: 74; Константинов, 1971: 106–108; Crubézy, 2004, 2013], нет подробных описаний находок. Из этнографических трудов следует отметить работы В.Л. Серошевского о якутских топорах *чохороон* [Серошевский, 1993: 381–382] и Ф.М. Зыкова с общей характеристикой рабочих топоров *сюгэ* конца XIX – начала XX вв. [Зыков, 1989: 116–117]. В словаре якутского языка Э.К. Пекарского приводится толкование разновидностей топоров [1959].

*Автор выражает благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании центра, приобретенном по гранту №13.ЦКП.21.0016.

Цель настоящей работы – обобщение и систематизация археологической, этнографической и фольклорной информации с привлечением лингвистических данных по железным топорам Якутии. В задачи входят рассмотрение морфологических особенностей, выделение видов и типов топоров, поиск аналогов в сопредельных регионах, а также обзор их роли и значения в военной, хозяйственной, мифо-религиозной сферах жизни якутов традиционного времени.

Теоретическая значимость исследования. Содержащиеся в статье новые материалы и научные факты представляют ценность для исследований по археологии, этнографии и истории народов Якутии, в том числе этногенетических процессов и историко-культурных взаимодействий средневекового населения Южной, Западной Сибири и Дальнего Востока. В статье приводятся данные как первичного описания материалов, их археологической классификации, типологии, хронологии, так и историко-этнографических интерпретаций. *Практическая значимость исследования* отражается в возможности использования полученных знаний при составлении полевой описи артефактов, а также описи и атрибуции музейных экспонатов.

II. Материалы и методы. Источниками для данной статьи послужили материалы археологических раскопок якутских погребений XVII–XVIII вв. и случайные находки из Амгинского,

Хангаласского улусов и г. Якутска. За основу типологии нами взята разработка А.И. Соловьева по материалам Западной Сибири, в которой качестве основных типобразующих признаков топоров выступают общие пропорции, форма обуха (шпеньковые и плоскообушные) и лезвия (узколезвийные и широколезвийные), наличие или отсутствие выступа и бородки [Соловьев, 1987: 91–97, рис. 28]. Методами выступили обобщение, анализ, системный подход, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

III. Результаты. По основному типобразующему признаку – форме обуха – рассматриваемые нами проушные топоры делятся на 2 вида (группы): шпеньковые и плоскообушные.

Первый вид представлен двумя случайно найденными экземплярами топоров-чеканов, которые относятся к двум типам: высокообушный и низкообушный.

Тип 1. Чекан с высоким вытянутым обухом обнаружен в 1984 г. на склоне сопки Чочур Муран недалеко от Молотовской пади на окраине с. Кильдямцы в 4,5 км от г. Якутска. Это небольшой топорик с округлыми щековинами, с оттянутым к топоричу лезвием и высоким чеканом изогнутой формы (рис. 1, 1). Общая длина 16,2–16,4 см, высота обуха 4,9–5,2 см, ширина лезвия 5,1–5,2 см. Проушина овальной формы размером 3,5×2 см. Вес 240 г.

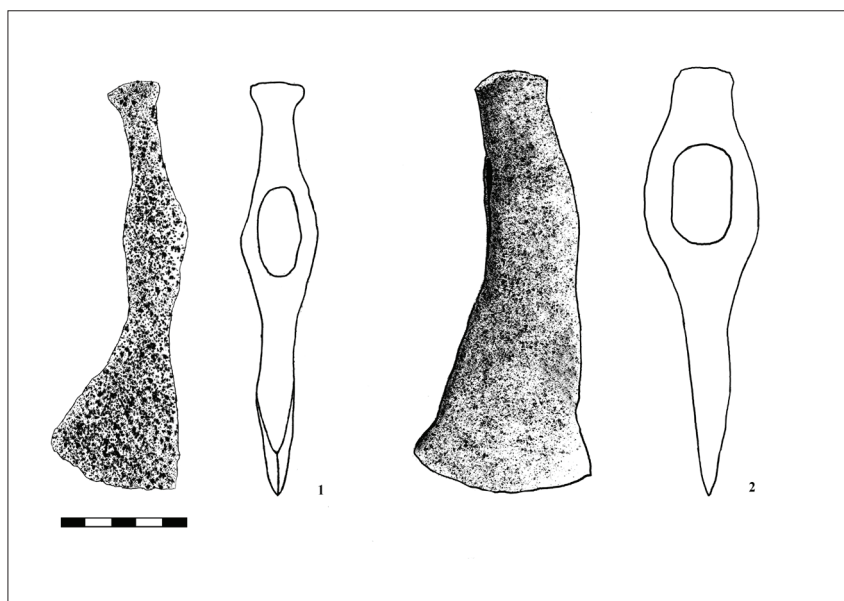

Рис. 1. Шпеньковые топоры: 1 – кильдямский; 2 – абагинский

Тип 2. Чекан с низким обухом найден в 2017 г. возле раннеякутского поселения Сасыл Етех (XIII–XIV вв.) в Абагинском наслеге Амгинского улуса. Топор имеет узкое вытянутое лезвие, слегка скошенное в сторону рукояти и расширяющееся от проуха к острию. Щековины топора округлые и утолщенные (рис. 1, 2). Длина топора от лезвия до обуха 16,6–16,7 см, ширина лезвия 7,8–7,9 см. Тыльная часть топора снабжена молоточком-обушком квадратной формы со слабовыраженной грибовидной шляпкой. Высота обушка 2,4–2,6 см, ширина 5 см. Проух прямоугольной формы с закругленными краями размером 2,6×4,6 см. Масса топора 990 г. Лезвийная часть изготовлена путем кузнечной сварки, на теле топора визуально определяется слабопрокованная линия наварки. Вероятно, при изготовлении применялась технология закрепления стального лезвия на железной основе, что позволяло получать острое и твердое лезвие при вязком теле, увеличивая тем самым прочность изделия и повышая его боевые качества. На одной стороне имеется вдавление правиль-

ной ромбической формы, похожее на клеймо. На рабочей кромке присутствуют следы применения в виде мелких сколов и зазубрин.

Второй тип – плоскобушные топоры. Все экземпляры, описание которых имеется, однотипные – кованые, клиновидные в сечении, с симметричным лезвием. Обух прямоугольный или слегка закругленный, проух треугольный или подтреугольный. Общая длина от лезвия до обуха 8,5–15 см, ширина лезвия 6,5–14 см, длина обуха 5–8 см, длина рукояти 54–71 см. Три экземпляра имеют выступы бородки *эрбэх*, что, судя по этнографическим материалам, характерно для поздних топоров русского образца.

К концу XIX в. у якутов распространение имели две разновидности плоскобушных топоров: узколезвийный *чохороон* и широколезвийный *тэрээх сюэ*. Первым кололи дрова и раскалывали бревна, а вторым рубили и тесали [Зыков, 1989: 117]. Исходя из формы лезвия, а также по наличию или отсутствию выступа и бородки проушные топоры из якутских погребений XVII–XVIII вв. можно разделить на 4 типа.

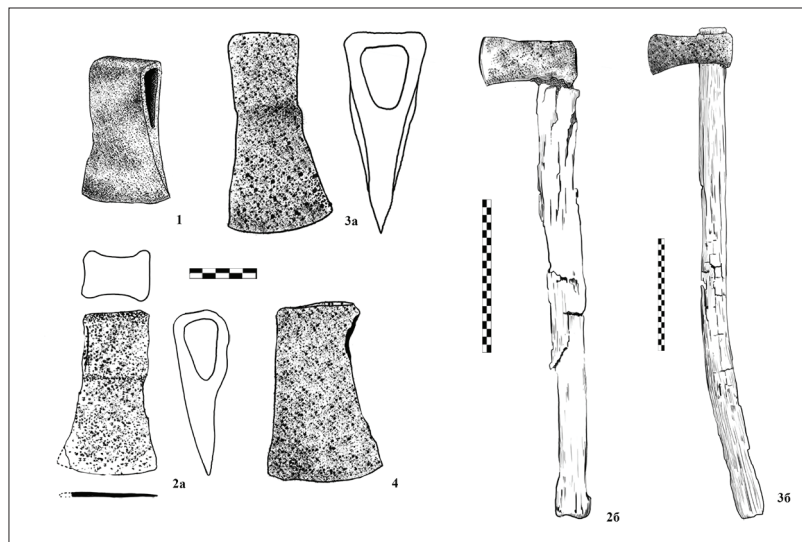

Рис. 2. Плоскобушные узколезвийные топоры из погребений:

1 – Лёглю Бёгё; 2 а, б – Атыыр Мэйиитэ 1; 3 а, б – Шаманское дерево 1; 4 – Ходуса Эбэ

Тип 1. Узколезвийные традиционные якутские топоры *чохороон*. Первый из них (рис. 2, 1) найден в погребении родоначальника бётюнгских якутов Лёглю Бёгё (Эгей Дёлю), раскопанного на левом берегу р. Амги (Бетюнский наслег, Амгинский улус). Погребение, датированное первой половиной XVII в., имеет богатый сопроводительный инвентарь. Топор был най-

ден лежащим у ног умершего. Длина от симметричного прямого лезвия до обуха 11 см, ширина лезвия 6,5 см, длина обуха 5 см [Гоголев, 1958: 74, рис. 19]. Вторым топор (рис. 2, 2а, б) из погребения Атыыр Мэйиитэ 1 (Сартанский наслег, Верхоянский улус). Длина 12 см, ширина лезвия 6,5 см. Сохранилось деревянное топориче длиной 60 см и толщиной 4 см [Crubézy,

2004: 63–64; 2013, рис. 37 Д, С]. Третий топор (рис. 2, 3а, б) найден в групповом семейном погребении Шаманское дерево 1 в местности Охтубут (Ожелунский наслег, Чурапчинский улус). Погребение датировано французскими коллегами началом XVIII в. Местность Охтубут, где были исследованы погребения с богатым сопроводительным инвентарем, в полевом отчете экспедиции МАФСО обозначена как «долина знати». Топор обнаружен под седлом. Общая его длина 15 см, ширина лезвия 7,5 см, толщина обуха 4 см. Проушина подтреугольной формы с закругленными краями. Ширина ее по верхней стороне 3 см, по нижней 1,5 см. Топор имеет слегка изогнутую в районе захвата березовую рукоять длиной 71 см с утолщением на конце [Срубézy, 2004: 65; 2013, рис. 37 А, В].

К этому типу, по всей вероятности, относятся топоры из погребений родоначальников ослёхских и мегинских якутов начала XVII в. Суор Бугдука (Батаринский наслег, Усть-Алданский улус) и Аба Уос Дьорго (Морукский наслег, Мегино-Кангаласский улус) [Гоголев, 1958: 73, рис. 13; Бравина, Попов, 2008: 223], а также из погребения Тиит Арыы на родовой территории хангаласского клана (4-й Мальжаргарский наслег, Кангаласский улус) [Бравина, Попов, 2008: 221]. Первый топор лежал на уровне плеч, третий – справа от костяка.

Примечательно, что все топоры найдены в погребениях с богатым сопроводительным инвентарем, куда входили лук, колчан со стрелами и древковое оружие с железным наконечником (пальма) *батыйа*. Серебряная круглая пластина

туосахта на шапке, массивная медная шейная гривна, перстень-печатка, плеть, привозные вещи, обнаруженные в погребениях, свидетельствуют о высоком социальном статусе умерших.

Тип 2. По своим размерам они несколько превосходят топоры *чохороон*. Отличительной их особенностью является наличие выступа на обухе в сторону топорича. Этот тип топоров по материалам погребений представлен двумя экземплярами. Первый из них (рис. 2, 4) найден в шаманском погребении Ходуса Эбэ (Ожелунский наслег, Чурапчинский улус). В погребении, датированном первой половиной VIII в., помимо топора, находились шаманский костюм и детали бубна. Длина топора 13,5 см, ширина лезвия 8,5 см, длина обуха 6,5 см [Константинов, 1971: 41, 42, 107, табл. XV, 4]. Второго топора обнаружен в том же наслеге в местности Дьагарама. Данное погребение местное население называет «могилой тойона». Топор находился внутри медного котла вместе с предметами верхового снаряжения коня. Все железные изделия, в т.ч. топор, судя по дымчатым налетам от закаливания в воде, были изготовлены по смерти погребенного, т.е. не были в употреблении [Там же: 40, 107].

Тип 3. Широколезвийные топоры *тэрээк сюээ* (букв. топор с широким лезвием [Пекарский, 1959: 2642]) зафиксированы в трех погребениях, датированных XVIII в. Топор из родового могильника Ампаардаах (Мегинский наслег, Мегино-Кангаласский улус) имеет следующие размеры: длина 13 см, ширина лезвия 10,7 см, длина обуха 5,7 см (рис. 3, 1). Местные жители эти погребения с монументальными деревянными

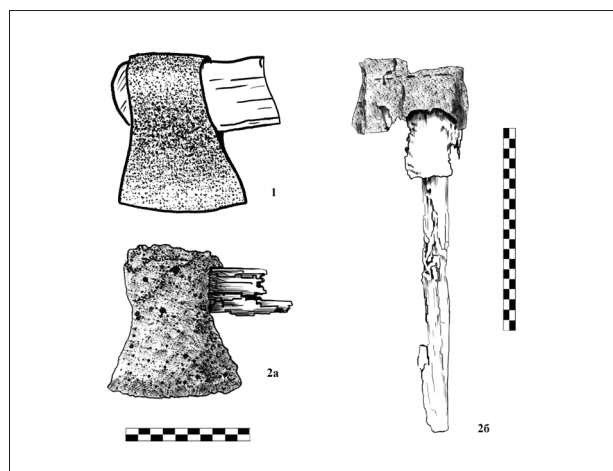

Рис. 3. Плоскообушные широколезвийные топоры из погребений:
1 – Ампаардаах; 2 а, б – Кус Чаарбыт

ми надмогильными сооружениями называют «могилами господ». Топор вместе с предметами вооружения и конского снаряжения находился в заднем отсеке гроба, предназначенного для сопроводительного инвентаря [Там же: 48, 107, табл. XXI 1]. Второй топор (рис. 3, 2 а, б) найден в погребении Кус Чаарбыт (Жулейский наслег, Таттинский улус). Длина 14 см, ширина слегка закругленного лезвия 11 см, длина обуха 4,5 см. Проушина подтреугольной формы

5×3 см. Сохранилось березовое топориче длиной 54 см. Топор вложен в кожаный чехол прямоугольной формы с клапаном с двумя кожаными шнурками [Crubézy, 2013: рис. 37 E, F].

Тип 4. Топоры с бородкой *эрбэх* (букв. большой палец), конец которой обозначен пропилом, обнаружены в двух погребениях. Якуты этот тип топора называют русским. Первый топор (рис. 4, 1) найден в арангасном захоронении, расположенном на приустьевом мысу реч-

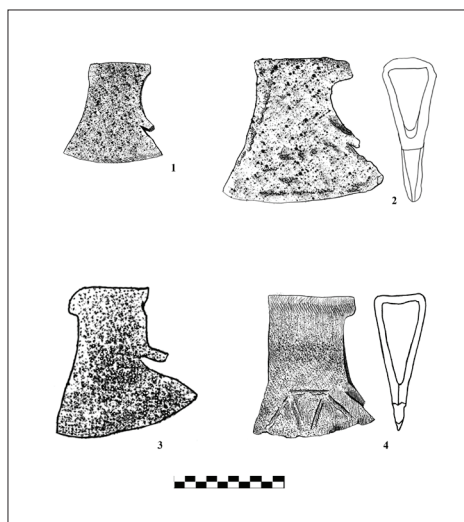

Рис. 4. Топоры с бородкой: 1 – Чурбукулаах; 2 – Булгуннях I; 3 – Мунгур Юрэх; 4 – Оргудах

ки Чурбукулаах – левого притока р. Оленек, в 190 км вверх от п. Оленек. Длина топора 9,5 см, ширина лезвия 8,5 см, длина обуха 5,5 см, проух треугольный. Длина топорича до обуха 26 см¹. Второй топор (рис. 4, 2) зафиксирован в погребении Булгуннях I на р. Виллой (Бордонский наслег, Сунтарский улус). Длина изделия 13 см, ширина слегка закругленного лезвия 14 см. Обух несколько закруглен, размеры 7,5×4,5 см. Проух треугольный, ширина верхней стороны 3,5 см. Сохранилось топориче из березы длиной 65 см, толщиной 4 см. Закругленное лезвие и присутствие пропила, по словам якутского информанта, характерны для русских топоров [Crubézy, 2004, p. 54; 2013, рис. 37G]. Аналогичной формы топор с длинной рукояткой (рис. 4, 3) найден в погребении Мунгур Юрэх (Болтогинский наслег, Чурапчинский район) между

гробом и внутримогильным срубом *тэбиэх* [Crubézy, 2004: 48].

К этому же типу относится экземпляр топора (рис. 4, 4), случайно найденный в местности Оргудах возле оз. Аргаа Кюёль (Немюгинский наслег, Хангаласский улус). По преданиям, местность входила в территорию родовых земель Дойдуса Дархана (Баджея) – деда легендарного «царя» кангаласских якутов Тыгына. В начале XX в. здесь жил известный кузнец Кёёдёён Уус². Общая длина изделия 11,5 см, длина прямоугольного обуха 7,9 см, включая длину выступа в 1 см. Проух треугольной формы 3,2×7,2 см. Полотно (тело) топора на длину 8,5 см от обуха сверху прямое, а затем, расширяясь, переходит в лезвие шириной 11 см. Топор имеет небольшую бородку, которая отделяется узким пропилом. Над лезвием нанесен зигзагообразный орнамент высотой в 3,5 см.

¹Оленекский историко-этнографический музей народов Севера. Рукописный фонд. Архипов Н.Д. Протоколы раскопок арангасов Л. 313. Шифр Ч-84-6.

²Новогицин Прокопий Романович, 1955 г. р., учитель Немюгинской средней школы Хангаласского улуса, краевед, член РГО.

И, наконец, к самостоятельной группе топоров можно отнести железный втульчатый топор-кельт, найденный в погребении Элэмэстээх (Чурапчинский наслег, Чурапчинский улус). По описанию автора раскопок А.И. Гоголева, он представлял собой тесло-топор с клинком в виде колуна и овальной втулкой, куда была вставлена Г-образная поперечная рукоять. По параметрам клинка и рукояти он походил на топор. Изделие находилось в восточной части гробницы, т.е. у ног костяка рядом с медным котелком. Похожими топорами якуты пользовались до 1930-х гг. в качестве своеобразного долота для выдалбливания отверстий столбов для изгороди [Гоголев, 1990: 85].

Таким образом, на территории Якутии случайно найдены 2 шпеньковых топора – высокообушный кильдямский и низкообушный абагинский. Плоскообушные топоры, найденные в погребениях, можно сгруппировать по четырем типам: тип 1 – топоры *чохороон* из шести погребений (Лёглю Бёгё, Шаманское дерево 1, Атыыр Мэйиитэ, Суор Бугдук, Аба Уос Дьорго, Тиит Ары); тип 2 – топоры с выступом из двух погребений (Ходуса Эбэ, Дьагарамма); тип 3 – широколезвийные топоры *тэрээк сюгэ* из двух погребений (Ампаардаах, Кус Чаарбыт); тип 4 – топоры с пропилом *эрбэх* из трех погребений (Чурбукулаах, Булгуннаах 1, Мунгур Юрэх) и случайная находка в местности Оргудах. Отдельный вид представляет втульчатый топор-кельт из погребения Элэмэстээх.

Топоры в погребениях располагались на уровне плеч – 1 случай, у ног – 6, возле седла – 3, в котелке – 2. Якуты в повседневной жизни носили топоры за поясом, в специальных чехлах из кожи или ткани, либо пристегивали к седлу.

IV. Обсуждение. В эпоху Средневековья боевые топоры-чеканы были широко распространены у племен Кавказа [Кочкарев, 2008], хазар, печенегов [Плетнева, 1967], волжских болгар [Измаилов, 1997], русских дружинников [Кирпичников, 1966], енисейских кыргызов [Худяков, 1980], алтайских тюрков [Илюшин, 2009], чжурчжэней [Деревянко, 1987; Медведев, 1977], монголов [Горелик, 2002], племен Западной Сибири [Соловьев, 1987; Зыков, Кошкарлов, Масленников, 2020].

По своей форме и параметрам кильдямский топор-чекан представляется нам более близким к топорам, найденным в археологических памятниках X–XI вв. в Туве (Азас I), южной части Красноярского края и на Алтае [Худяков, 1980: 63, табл. XII, 3,5; Илюшин, 2009: рис. 1]. Лезвие этих топоров узкой вытянутой формы, слегка скошенное в сторону рукояти и расширяющееся от проуха к острию, проушное отверстие овальное, чекан смещен в сторону рукояти. Боевые топоры относятся к категории редких археологических находок в памятниках степной и лесостепной зон Южной Сибири и Саяно-Алтая, ландшафт территорий которых предполагал дистанционный бой. По некоторым данным, узколезвийные «бронепойные» топоры применялись в ближнем бою для поражения противника, одетого в металлические доспехи. Заслуживает особого внимания тот факт, что находки фиксируются в воинских захоронениях с лошаадьми. Это позволяет предполагать, что боевые топоры как вид оружия использовались лишь военной аристократией и были достаточно ценными в местной среде [Илюшин, 2009].

Отличительной чертой абагинского шпенькового низкообушного топора 2-го типа можно считать клеймо в виде ромба, вдавленное на его полотне. По этнографическим материалам, якутские кузнецы издавна ставили на «щеке» топора свою тамгу¹. Клейма, выбитые на боковых гранях зубильцем, характерны для плоскообушных с прямоугольной проушиной топоров чжурчжэней Приамурья из Шайгинского городища [Шавкунов, 1993: 59–60, рис. 36, 3; рис. 37, фиг. 4]. Близкий к ним по форме абагинский чекан по своим метрическим параметрам и соответственно по весу намного превосходит шайгинские и обнаруживает большее сходство с низкообушными топорами XI–XII вв. н.э., найденными в Туве (Бий-Хем) и Минусине [Худяков, 1980: 62–63, табл. XII, 1,2, 4]. Такие же топоры встречаются в синхронных памятниках Кузнецкой котловины на Алтае, где фиксируется устойчивая традиция погребения по обряду кремации на стороне, характерная для аборигенного населения этого региона с V по XIV вв. н.э. [Илюшин, 2009: 97, рис. 5]. По некоторым данным, единичные экземпляры по-

¹Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 51. Л. 36.

добных топоров просуществовали у коренного населения Алтая и таежного Приенисея вплоть до середины XVIII в. [Скобелев, 2009: 235; рис. 1, 1]. В этой связи определенный интерес вызывает рассказ известного сказителя якутского эпоса олонхо А.С. Попова-Муотаана о том, что раньше у якутов были легкие топорики-чеканы на длинной рукояти. Они были удобны для рубки веток в пути, а молоточек использовался для починки снаряжения, также по необходимости служил оружием для самозащиты¹. В своем словаре Э.К. Пекарский приводит название старинного топора «дуктуй» [1959: 746]. Судя по смыслу глагола «дуктуруй» – замахиваться, угрожать чем-либо – он мог представлять собой боевое оружие. А.В. Смоляк сравнивает это название топора с названием колотушки в виде топора *дуктынги* орочнонов Нижнего Амура [Смоляк, 1984: 233].

По архивным документам XVII в., традиционные якутские плоскообушные топоры с узким симметричным прямым лезвием заметно отличались от русских и поэтому обозначались как «якутские» [См.: Зыков, 1989: 116]. Согласно описанию В.Л. Серошевского, топор *чохороон* «узок, в 2 ½ – 3, ровен, с тонким обухом, без бородки и обушной закраины, с прямым тонким острием», что «сильно сближает его с бронзовыми сибирскими топорами позднейшего периода» [Серошевский, 1993: 381]. По словарю Э.К. Пекарского, *чохороон*=*чохороон* – маленький топор, топорик [Пекарский, 1959: 3633]. В старину они были «еще уже и еще меньше; рубили ими, точно долотом долбили». Их было несколько видов и все с разными названиями [Серошевский, 1993: 381]. Например, *чокос* – топорок (меньше топорика), применялся для мелких поделок; *чокотчу*, *чокоччу*, *согоччу* (ср. тюрк. *чокуч* – молоток; русс. *чекуша*, *чекан*) – небольшой деревянный молоток [Пекарский, 1959: 3633]. Эти топорики, очевидно из-за узкого лезвия, иносказательно еще называли *киргил* (черный дятел), *тонгсогой* (дятел) [Там же: 1101, 2731].

А.И. Соловьев сравнивает этот тип плоскообушных топоров якутов с бойками 3-го типа из Западной Сибири [Соловьев, 1987: 97]. Однако, на наш взгляд, он по своим признакам и параметрам проявляет большее сходство с бойками 1-го типа [См. там же: 93, рис. 30, 1, 2], которые явля-

ются древнейшими и восходят к эпохе бронзы, оставаясь в раннее Средневековье в комплексе боевых средств кочевых народов. Из сопредельных с Якутией регионов топоры такой же архаичной формы найдены в надеждинском могильнике амурских чжурчжэней [Медведев, 1977: табл. XLVII]. Длина этих изделий 6,5–12 см при ширине лезвия 5–7 см и ширине обуха 4–5 см, т.е. метрические параметры аналогичны параметрам якутских топоров 1-го типа. Они находили весьма широкое применение в качестве боевого оружия, являясь одновременно хозяйственным, в первую очередь деревообрабатывающим инструментом. Такие топоры бытовали у нанайцев вплоть до этнографического времени [Там же: 137–138].

Плоскообушные топоры 1-го типа явились, очевидно, основой для формирования топоров типа 2-го, которые по размерам несколько превосходили первые. Их отличительной деталью является выступ в сторону топорика. Появление широколезвийных топоров 3-го типа *тэрээк сюгэ*, вероятно, связано, с одной стороны, с эволюцией местных традиций, а с другой – со знакомством с русскими образцами. В мифах в отношении к ним применяется термин «балта» [Попов В.Г., 2019: 110]. Известно, что в комплексе ударно-рубящего оружия казахов в XVIII – середине XIX вв. имелись боевые топоры «балта», которые занимали промежуточное положение между «бронзобойными» узколезвийными топорами «шакан» и секирами «айбалта» [Бобров, Сальников, 2015]. В то же время топоры такой же формы в качестве деревообрабатывающего инструмента имели распространение в Западной Сибири после прихода русских в XIV–XVII вв. 4-й тип проушных топоров с бородкой аналогичны бойкам 4-го и 5-го типов из Западной Сибири [Соловьев, 1987: 93, 94, рис. 33, 2, 3, 4] и, безусловно, относится к топорам русского образца. Особенностью топора этого типа из местности Оргудай Хангаласского улуса является зигзагообразный орнамент, представляющий собой горизонтальную рельефную полоску, к которой вершинами вверх расположены два равнобедренных треугольника высотой 3,5 см. Рисунок отдаленно напоминает орнамент мурьинского и нюрбинского бронзовых кельтов, найденных в разные годы в Якутии [Дьяконов, Бравина, 2015: 12–14].

¹Попов В.Г. Абагинский «томагавк» // Якутск вечерний. 2021. 19 ноября.

Самостоятельный вид представлен втульчатым топором-кельтом. Подобной формы тесла-топоры с «глаголевидными ручками» найдены при раскопке древнетюркских курганов в Туве [Кызласов, 1969: 21]. С.П. Нестеров не исключает возможности использования их в качестве оружия, исходя из факта, что многие тесла найдены вместе с набором вооружения в погребениях воинов [Нестеров, 1981]. Близкую к теслам форму имеет и якутская втульчатая мотыга *басымны*. В олонхо зафиксированы имена эпических богатырей Бысымны Баатыр и Басымнылаан Баатыр [Емельянов, 1980: 343].

Э.К. Пекарский, объясняя слово *сюгэ* (якут. топор) монгольского происхождения, придает ему не только значение бытового орудия, но и боевого оружия, близкого киргизскому *айбалту* [Пекарский, 1959: 2378]. В якутском эпосе олонхо слово «топор» присутствует в имени богатырей: Чохороон-дохсун бухатыыр (букв. Отважный богатырь Боевой Топорик), Сюгэ Бёгё, Сюгэ Буурай [Там же: 2378, 3633]. Любопытно отметить, что эпический персонаж Сюгэ Лонгсуора – отец тунгусского богатыря Арджамаана – живет на востоке в каменном доме [Емельянов, 1980: 223–225, 358].

В монографии Ф.Ф. Васильева приводится выдержка из текста боевой ритуальной песни, посвященной божеству войны Илбис, где наряду с другими предметами вооружения упоминается боевой топор *чөхөрөөн сюгэ* [Васильев, 1995: 162, 163]. В исторических рассказах и легендах упоминается узколезвийный боевой топор, применяемый специально обученными воинами в ближнем бою. В этом отношении примечательно предание, записанное известным фольклористом А.А. Саввиным в 1943 г., про родоначальника чериктейских якутов Борогонского (ныне Усть-Алданского) улуса Лага Батыра.

Его родовое поселение находилось в местности Ньэгэдэй. Лага Батыр славился как лучший стрелок из лука. Когда пришли русские, он отказался воевать против них: «Мы не в состоянии отразить военную силу русских (*нуучча ньыматын кыайбаппыт*), поэтому должны сдаваться». У него был боевой топорик *чохороон* с узким лезвием и длинной рукоятью, которым он искусно владел. Одряхлев, он стал по-

стоянно держать этот топорик при себе и даже спал, положив его рядом с собой. Однажды поздней осенью домочадцы увидели, что к ним с западной стороны усадьбы направляется человек богатырского сложения на высоком белом коне, одетый во все черное. Когда доложили об этом старику, то он быстро разделся и уселся посреди юрты. Держа топорик над головой, приказал накрыть его сверху шкурой жеребенка и сказал: «Он едет убивать меня». Человек вошел в дом и сказал: «Я – Ёндёк Батыр из Намской волости. Приехал убить тебя за предательство. Ты уговорил нас тогда отдаться русским. Приехал за это отомстить». На что Лага Батыр ответил: «Сынок мой, я нынче не в состоянии противостоять тебе. Можешь меня утопить, можешь в огонь бросить – как сам рассудишь». Ёндёк Батыр взял свое оружие *батыйа* и с размаха опустил его на голову старика. Пальма, попав на лезвие топора, разломилась на две части. Тут старик рывком поднялся на ноги, а его противник выскочил во двор. Старик пустился бегом за ним. Подбежали к речке Мыла (приток р. Алдан). Ёндёк Батыр перепрыгнул через речушку, и тут Лага Батыр, взяв за длинную рукоять свой топорик и вытянув руку наподобие натянутой веревки (*илиштин быа курдук уунан баран*), бросил ему вдогонку. Топорик попал в Ёндёк Батыра и рассек его мягкое место. Ёндёк Батыр, кое-как преодолев 20 км, добрался до местности Тэбик (ныне Дюпсюнский наслег). И там отлеживался полмесяца, прежде чем отправиться обратно домой в Намскую волость¹.

В рассказе описано функциональное назначение топора как оружия ближнего боя, так и метательного оружия. Это дает основание считать, что топор входил в комплекс вооружения якутов.

Все погребения с топорами имеют богатый и разнообразный сопроводительный инвентарь. Из 15-ти погребений в 13-ти встречаются лук и колчан со стрелами. Пальма встречается 12 раз, копьё – 1 раз (погребение Суор Бугдука), нож – 5 раз. В семи погребениях найдены принадлежности конской сбруи: седла, стремяна, удила и подпружные пряжки. В восьми погребениях зафиксированы предметы, подчеркивающие вы-

¹Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп. 12. Д. 52. Л. 21–35.

сокий социальный статус погребенного (серебряный круг *туосахта* на шапке с рогами, массивная шейная гривна, кольца с печатками, кнут, нагайка), привозные вещи (шелковый платок, китайские чашки, бисер) и т.д. Все это подчеркивает элитное значение топора в жизни и культуре якутов. Универсальное значение топора как символа санкционированной небесными божествами власти родоплеменной знати наглядно иллюстрируется в якутском фразеологизме «Сюгэ-балта тыл – веское внушительное слово (букв. слово, как топор и молот)» [Нелунов, 2002: 145].

По мифологическим представлениям якутов Сээркээн Сэсэн – дед верховного божества Юрюнг Аар Тойона – обладал боевым молотом *балта*, которым мог насмерть оглушить любого богатыря [Попов В.Г., 2019: 110]. В пантеоне небесных божеств якутов и бурят присутствуют божества-громовники Сюгэ-тойон и Сухэ-нойон-тэнгэри (Топор-господин) [Дашиева, 2017: 30]. По всей вероятности, эти божества восходят к культуре индоевропейских богов-громовников, почитавшихся древними скотоводческими народами Евразии. Сюгэ-тойону приписывались очистительные и оберегательные функции. Вилюйские якуты «при первой весенней грозе трижды обходили снаружи юрту, стегая стены красной талинкой и приговаривая каждый раз: «Всякая нечисть отойди! ...Божественным огнем очищаю!» [Попов А.А., 1949: 271]. Лучинки из разбитого молнией дерева использовались в обряде очищения *арчы*. Особое значение придавалось так называемому *этинг сюгэтэ* – топору грома, представлявшему собой «маленький черный камень, по форме напоминающий топор. Тот топор, оказывается, находил счастливый человек, которому суждено жить благополучно. Топор грома в любых случаях мог служить, по рассказам, амулетом или лекарством» [Якутские мифы, 2004: 262]. Этот ряд представлений прослеживается и в погребальном обряде якутов: например, вечером после похорон на погреб клали топор острием наружу.

V. Заключение. Анализ морфологических особенностей топоров, относящихся к эпохе позднего Средневековья и Нового времени, зафиксированных на территории Якутии, позволяет выделить следующие их виды: шпеньковый, плоскообушный и втульчатый кельт-топор.

Первый вид имеет близкие аналоги в культуре средневековых чжурчженей Приамурья и в памятниках енисейских киргизов и алтайских тюрок Тувы, Минусинской и Кузнецкой котловин. На наш взгляд, эти случайные находки как по своей форме, так и по метрическим параметрам можно отнести к тем немногочисленным артефактам, которые свидетельствуют об эпизодических проникновениях средневековых тюрко-монгольских групп, в частности, енисейских кыргызов, в Ленский край. Проушные плоскообушные топоры отличаются типологическим многообразием. Типы 1 и 2 представляются нам традиционно якутскими, они проявляют морфологическое сходство с клиновидными узколезвийными топорами, которые восходят к эпохе бронзы, оставаясь в раннем Средневековье в комплексе боевых средств кочевых народов. Тип 3 занимает промежуточное положение между традиционными изделиями и русскими образцами клиновидных топоров с симметрично расширяющимся лезвием. Топоры 4-го типа с бородкой изготовлены местными кузнецами по русским образцам, появившимся в Якутии вместе с русскими первопроходцами в начале XVII в.

По всей вероятности, узколезвийный топор *чохороон* имел универсальное (боевое и рабочее) назначение. На это частично указывает длина рукояти топоров из якутских погребений – 50–71 см, тогда как средняя длина рукояти рабочих топоров этнографического времени составляет 40–45 см. Следует отметить, что в Якутии русские боевые топоры и бердыши не получили распространения, как в других регионах Сибири и Дальнего Востока [Бобров, 2011: 306]. Успешным их конкурентом выступали якутские колюще-рубящие орудия *батас*, *батыйа* на длинном древке, значительно более легкие и компактные, что имело немаловажное значение при длительных переходах в таежных условиях. Вполне возможно, что у якутов некогда распространенные боевые топоры были вытеснены в дальнейшем этими более универсальными орудиями, которые входили в комплекс оружия ближнего боя.

Обнаружение топоров в погребениях именитых родоначальников с богатым сопроводительным инвентарем свидетельствует об их высоком статусе и элитном значении.

Сокращения

САИ – Свод археологических источников
MAFSO – Mission Archeologique Franfaise en Siberie Orientale

Список литературы:

Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев и проблема применения длиннодревкового ударно-рубящего оружия в Сибири в XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2011. Т. 10. № 7. С. 300–307.

Бобров Л.А., Сальников А.В. Широколезвийные топоры «балта» из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 1. С. 29–35.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции XV–XIX вв. Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 217 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего Средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.

Гоголев З.В. Раскопки якутских могил XVII века // Труды Якутского филиала СО АН СССР. 1958. Вып. 1. С. 65–75.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Техника–молодежи, 2002. 84 с.

Дашиева Н.Б. Знак «топор» в мировоззрении древнего населения Забайкалья и традиционной культуре бурят конца XIX – начала XX вв. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 4. С. 19–30.

Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 225 с.

Дьяконов В.М., Бравина Р.И. Нюрбинский бронзовый кельт: к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (13). С. 12–15.

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Масленников Е.Р. Типология средневековых топоров с севера Западной Сибири // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 74–84.

Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1989. 141 с.

Измаилов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. / РАН, Дальневост. отд-ние, Сев.-Вост. науч. центр и др. Казань; Магадан, 1997. 213 с.

Илюшин А.М. Элитное оружие ближнего боя у средневекового населения Кузнецкой котловины (к вопросу об эволюции боевых топоров на северной периферии Саяно-Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2009. № 4/4 (64/4). С. 96–100.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. 1966. Вып. E1-36. 216 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.

Кочкарев У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус, 2008. 176 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в Средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 214 с.

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней: конец X–XI век. По материалам грунтовых могильников. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: 1981. С. 168–172.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтовомаяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сб. МАЭ. Т. 11. М.; Л.: Наука, 1949. С. 255–323.

Попов В.Г. Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1 (26). С. 106–116.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Ассоциация «Рос. политич. энцикл.», 1993. 736 с.

Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. 246 с.

Скобелев С.Г. Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения Юга Приенисейского края в позднем Средневековье – начале Нового времени (по данным археологии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 8. Вып. 3. Археология и этнография. 2009. С. 231–250.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Шавкунов Э.В. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток: «Дальнаука», 1993. 185 с.

Якутские мифы = Саха ёс-номохторо. Новосибирск: Наука, 2004. 460 с.

Crubézy E. MAFSO. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2004. Rapport Université Paul Sabatier (Toulouse), UMR 8555 du CNRS. Toulouse, 2004. 125 p.

Crubézy E. MAFSO–HUMAD. Peuplements Human et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe euRAS Iatique au cours de l’holocène. Rapport Université Paul Sabatier Toulouse 32004. Toulouse, 2013. 298 p.

Словари:

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. В 2 т. Т. 2: Л–Э. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. 420 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. В 3 т. Т. 1. 1280 стб.; Т. 2. 2508 стб.; Т. 3: 3858 стб. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

References:

Bobrov L.A. Russkie berdyshi i “toporki” iz sibirskikh muzeev i problema primeneniya dlinnodrevkovogo udarno-rubyashchego oruzhiya v sibiri v XVII veke [Russian berdyshs and “puffins” from Siberian museums and the problem of using long-handled shock-chopping weapons in Siberia in the 17th century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: history, philology]. 2011. Volume 10. № 7. Pp. 300–307. (In Russian)

Bobrov L.A., Sal’nikov A.V. Shirokolezviynye topory “balta” iz fondov omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. Istoricheskaya i sotsial’noobrazovatel’naya mysl’ [Broad-blade axes “balta” from the funds of the Omsk State Museum of History and Local Lore]. *Istoricheskaya i sotsial’noobrazovatel’naya mysl’* [Historical and social education thought]. 2015. Volume 7. № 6. Ч. 1. Pp. 29–35. (In Russian)

Bravina R.I., Popov V.V. Pogrebal’no-pominal’naya obryadnost’ yakutov: Pamyatniki i traditsii XV–XIX vv. [Funeral and memorial rites of the Yakuts: Monuments and traditions of the 15th – 19th centuries]. Novosibirsk: Science Publ., 2008. 296 p. (In Russian)

Crubézy E. MAFSO. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2004. Rapport Université Paul Sabatier (Toulouse), UMR 8555 du CNRS. Toulouse, 2004. 125 p. (In English)

Crubézy E. MAFSO–HUMAD. Peuplements Human et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe euRAS Iatique au cours de l’holocène. *Rapport Université Paul Sabatier Toulouse 32004*. Toulouse, 2013. 298 p. (In English)

Dashieva N.B. Znak “topor” v mirovozzrenii drevnego naseleniya Zabaykal’ya i traditsionnoy kul’ture buryat kontsa XIX – nachala XX vv. [Sign “axe” in the worldview of the ancient population of Transbaikalia and the traditional culture of the Buryats of the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul’tury* [Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture]. 2017. № 4. Pp. 19–30. (In Russian)

Derevyanko E.I. *Ocherki voennogo dela plemen Priamur’ya* [Essays on the military affairs of the Amur tribes]. Novosibirsk: Science Publ., 1987. 225 p. (In Russian)

D’yakonov V.M., Bravina R.I. Nyurbinskiy bronzovyy kel’t: K voprosu o kul’turnykh svyazyakh Yakutii i sopredel’nykh territoriy v epokhu paleometalla. Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik [Nyurba Bronze Celt: On the Question of Cultural Relations of Yakutia and Adjacent Territories in the Paleometal Age]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2015. № 4 (13). Pp. 12–15. (In Russian)

Emel’yanov N.V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of the Yakut olonkho]. Moscow: Science Publ., 1980. 375 p. (In Russian)

Gogolev A.I. *Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii pozdnego srednevekov’ya (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological monuments of Yakutia in the late Middle Ages (14th–18th centuries)]. Irkutsk: Publ. Irkut. un-ta, 1990. 192 p. (In Russian)

Gogolev Z.V. *Raskopki yakutskikh mogil XVII veka*. [Excavations of the Yakut graves of the 17th century]. *Trudy Yakutskogo filiala SO AN SSSR* [Branch of the USSR Academy of Sciences]. 1958. Release 1. Pp. 65–75. (In Russian)

Gorelik M.V. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* [The armies of the Mongol-Tatars of the X–XIV centuries. Military art, equipment, weapons]. Moscow: Technique-Youth Publ., 2002. 84 p. (In Russian)

Ilyushin A.M. Elitnoe oruzhie blizhnego boya u srednevekovogo naseleniya Kuznetskoy kotloviny (k voprosu ob evolyutsii boevykh toporov na severnoy periferii Sayano-Altaya) [Elite melee weapons among the medieval population of the Kuznetsk Basin (to the question of the evolution of battle axes in the northern periphery of the Sayano-Altai)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy*

[News of the Altai State University. Series: History, Political Science. Journal of Theoretical and Applied Research]. 2009. № 4/4 (64/4). Pp. 96–100. (In Russian)

Izmailov I.L. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X–nachala XIII v. [Armament and military affairs of the population of the Volga Bulgaria in the 10th-beginning of the 13th centuries]. *Rossiyskaya akademiya nauk, Dal'nevostochnoe otdelenie, Severo-Vostochnyy nauchnyy tsentr i dr.* [Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, North-Eastern Scientific Center, etc]. Kazan; Magadan, 1997. 213 p. (In Russian)

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov VI–XII vv. [Armament of the Yenisei Kyrgyz 6th – 12th centuries]. Novosibirsk: Science Publ., 1980. 176 p. (In Russian)

Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie: Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. [Old Russian weapons: spears, sulits, battle axes, maces, flails of the 9th – 13th centuries]. *Svod arkhologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. 1966. Release E1-36. 216 p. (In Russian)

Kochkarev U.Yu. Vooruzhenie voynov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya) [Armament of the warriors of the North-Western Ciscaucasia of the 8th-14th centuries. (melee weapon)]. Moscow: Taus Publ., 2008. 176 p. (In Russian)

Konstantinov I.V. Material'naya kul'tura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebeniy) [Material culture of the Yakuts of the 18th century (based on burial materials)]. Yakutsk: Yakutknigoizdat Publ, 1971. 212 p. (In Russian)

Kyzlasov L.R. Istoriya Tuvy v Srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Publ. of Moscow State University, 1969. 214 p. (In Russian)

Medvedev V.E. Kul'tura amurskikh chzhurchzheney: konets X–XI vek. Po materialam gruntovykh mogil'nikov [The culture of the Amur Jurchens: the end of the 10th – 11th centuries. According to the materials of soil burial grounds]. Novosibirsk: Science Publ., 1977. 224 p. (In Russian)

Nelunov A.G. Yakutsko-russkiy frazeologicheskii slovar'. V 2 t. T. 2: L–E [Yakut-Russian phraseological dictionary. In 2 vols. Volume 2: L–E]. Novosibirsk: Publ. of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Branch “Geo”, 2002. 420 p. (In Russian)

Nesterov S.P. Tesla drevnetyurkskogo vremeni v Yuzhnoy Sibiri. Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii [Tesla of the ancient Turkic period in Southern Siberia. Warfare of the ancient tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: 1981. Pp. 168–172. (In Russian)

Pekarskiy E.K. Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut Language]. In 3 volumes. Volume 1.

1280 stb.; Volume 2. 2508 stb.; Volume 3: 3858 stb. 2nd ed. Moscow: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. (In Russian)

Pletneva S.A. Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura [From nomads to cities. Saltovo-Mayak culture]. Moscow: Science Publ., 1967. 200 p. (In Russian)

Popov A.A. Materialy po istorii religii yakutov byvshego Vilyuyskogo okruga [Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Veluogo (Kunstkamera) Rossiyskoy akademii nauk* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 11. Moscow, Leningrad: Science Publ., 1949. P. 255–323. (In Russian)

Popov V.G. Nazvaniya vidov starinnogo yakutskogo nastupatel'nogo kholodnogo oruzhiya kak ob'ekta sravnitel'nogo issledovaniya [Names of types of ancient Yakut offensive edged weapons as an object of comparative research]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2019. № 1 (26). Pp. 106–116. (In Russian)

Seroshevskiy V.L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [Yakuts. The experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: Association “Russian Political Encyclopedia”, 1993. 736 p. (In Russian)

Shavkunov E.V. Vooruzhenie chzhurchzheney XII–XIII vv. [Armament of the Jurchens of the 12th-13th centuries]. Vladivostok: “Dalnauka” Publ., 1993. 185 p. (In English)

Skobelev S.G. Predmetnoe sodержanie russkikh vliyaniy na material'nuyu kul'turu korennykh naseleeniya Yuga Prieniseyskogo kraya v pozdnem srednevekov'e – nachale novogo vremeni (po dannym arkhologii) [The subject content of Russian influences on the material culture of the indigenous population of the South of the Yenisei Territory in the late Middle Ages – at the beginning of the new time (according to archeology)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Volume 8. Issue. 3. Archeology and Ethnography. 2009. Pp. 231–250. (In Russian)

Smolyak A.V. Traditsionnoe khozyaystvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Etnogeneticheskiy aspekt [Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Ethnogenetic aspect]. Moscow: Science Publ., 1984. 246 p. (In Russian)

Solov'ev A.I. Voennoe delo korennykh naseleeniya Zapadnoy Sibiri. Epokha Srednevekov'ya [Military affairs of the indigenous population of Western Siberia. The era of the Middle Ages]. Novosibirsk: Science Publ., 1987. 193 p. (In Russian)

Vasil'ev F.F. *Voennoe delo yakutov* [Military affairs of the Yakuts]. Yakutsk: Bichik Publ., 1995. 217 p. (In Russian)

Yakutskie mify = Sakha es-nomokhtoro [Yakut myths = Sakha yos-nomohtoro]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 460 p. (In Russian)

Zykov A.P., Koksharov S.F., Maslennikov E.R. *Типология средневековых топоров с севера Западной*

Сибиря [Typology of medieval axes from the North of Western Siberia]. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2020. № 3 (50). Pp. 74–84. (In Russian)

Zykov F.M. *Traditsionnye orudiya truda yakutov XIX – nachala XX v.* [Traditional tools of labor of the Yakuts of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Science Publ., 1989. 141 p. (In Russian)

R.I. Bravina

Axes of the Middle Ages and Modern Times of Yakutia: Typology and Interpretation

The scientific novelty of the proposed research lies in the absence of special works devoted to the study and analysis of the iron axes of Yakutia dating from the Middle Ages and Modern Ages. This is primarily due to the rarity of their finds in archaeological sites.

The aim of this study is to generalize and systematize of archaeological, ethnographic, folklore and linguistic information on the iron axes of Yakutia. Its *tasks* include consideration of morphological features, identification of species and types, search for analogues in adjacent regions, as well as an overview of their role and significance in the military, economic and mytho-religious spheres of life of the Yakuts.

The methods were generalization, analysis, systematic approach, as well as comparative historical and historical genetic methods.

Results. All the axes we are considering with the exception of one Celt axe belong to the eye axes: 2 types of chased axes and 4 types of flat-headed. Peg (pin) axes accidentally found on the territory of Central Yakutia have analogues in the culture of the medieval Jurchens of the Amur region in the materials of the monuments of the Yenisei Kirghiz and the Altai Turks of Tuva, the Minusinsk and Kuznetsk depressions. The main type of flat-headed axes shows morphological similarity with the axes of the Amur region and Western Siberia which date back to the Bronze Age. Chased axes, in all likelihood, were used as military weapons and flat-butted axes had a universal (combat and working) value which is confirmed by folklore data. The discovery of axes in burials mainly with rich accompanying inventory testifies to their high status and elite significance.

Keywords: Yakutia, Middle Ages, Modern Times, iron axes, typology, peg axe, flat headed axe, Celt axe

А.Н. Прокопьева

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.004

УДК 902.32(571.56)"16-17"

Конское снаряжение в контексте сопроводительного инвентаря якутских погребений XVII–XVIII вв. (гендерный аспект)

Научная новизна. Впервые рассматривается возможность использования сопроводительного инвентаря якутских погребений в качестве источника по изучению гендерных отношений и социальной структуры якут-

© Прокопьева А.Н., 2022

ского социума XVII–XVIII вв. В фокусе исследования оказалось конское снаряжение как наиболее значимое и знаковое для общества со скотоводческим укладом.

Цель – выявление связи между составом и количеством сопроводительного инвентаря и местом женщин в социальной иерархии якутского общества XVII–XVIII вв. *Задачи*: 1) выявление частоты встречаемости предметов конского убранства в мужских и женских погребениях путем количественного анализа; 2) распределение категории предметов по половозрастным группам; 3) соотнесение полученных результатов с данными исторических источников.

Методы исследования. Из общего количества якутских погребений XVII–XVIII вв. были отобраны обладающие достоверной антропологической верификацией пола и возраста и имеющие в составе сопроводительного инвентаря предметы конского снаряжения. Составлено 2 группы по половому признаку и подгруппы по трем возрастным категориям. Путем простого количественного метода выявлена частота встречаемости категорий предметов для каждой подгруппы. Сравнительный анализ полученных данных позволил выявить особенности женских погребений и составить интерпретацию результатов.

Результаты. Выявлено, что предметы конского снаряжения встречаются чаще и больше в женских погребениях, независимо от возраста погребенных. Наибольшая частота наблюдается в группе молодых и пожилых женщин, что связано со статусом категорий «невеста» и «матриарх». Это подтверждают и нормы обычного права, где личное имущество женщины (в т.ч. убранство верхового коня) во многом зависит от приданого и количества рожденных ею детей, что в конечном счете отражалось на составе инвентаря, используемом в погребальной обрядности.

Ключевые слова: социальная археология, якуты, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь, женские погребения, гендер, репродуктивный успех, приданое, обычное право

I. Введение. В последние годы тема роли и статуса женщин в обществе все чаще звучит в научном дискурсе. Путем всестороннего изучения погребального обряда, сопроводительного материала и костных останков реконструируются социальные отношения, положение человека в обществе в зависимости от пола, возраста, происхождения и религии. Актуальными направлениями в археологии являются социальная и гендерная археология [Conkey, Spector, 1984; Geller, 2009], развивающаяся и в отечественной науке [Кондрашов, 2004; Серегин, 2012; Берсенева, 2019]. Благодаря новым подходам выявляется ошибочность сложившихся стереотипов о поле и возрасте в древних обществах, пересматриваются вопросы, связанные с социальной структурой общества. Все чаще объекты материальной культуры и особенности погребального обряда рассматриваются как источники для изучения роли, места и положения женщин в древних обществах [Белинская, 2009; Хомякова, 2020], данные археологии привлекаются для гендерных исследований [Бутовская, 2013].

XVII–XVIII вв. являются временем якутской культуры, еще не подвергшейся сильному влиянию правил и норм христианства, оседлости и земледелия. Характерные компоненты кочевой

скотоводческой культуры (включая погребения коней и человека с конем) и предметный комплекс были распространены на территории практически всей Якутии. Изучению происхождения и развития культуры и реконструкции различных аспектов жизни и быта якутов XVII–XVIII вв. посвящено большое количество научных трудов, но при описании и реконструкции взаимоотношений внутри общества угол исследовательского обзора исходил с позиций «мужской» истории. Письменные источники, затрагивающие положение женщины в обществе, трактовались как свидетельства «крайне приниженного положения женщины» [Токарев, 1945: 63]. Археологические материалы, связанные с женским миром, привлекались в качестве дополнения и подтверждения этнографических описаний и редко рассматривались как источники, характеризующие положение женщин в обществе. Женщина рассматривалась в контексте свадебной [Слепцов, 1989; Брагина, 2015] и погребальной обрядности [Бравина, Попов, 2008] как собирательный образ, часто имеющий подчиненное положение. Из объектов материальной культуры в контексте «женской» темы изучались костюм и украшения и трактовались как универсальная система, характерная для опре-

деленных социальных групп женщин [Носов, 1955; Гаврильева, 1998], а другие «неженские» объекты крайне редко рассматривались для изучения женской истории. Между тем сопроводительный инвентарь женских погребений может и должен быть изучен как источник информации о сложной структуре якутского общества XVII–XVIII вв. и взаимоотношениях внутри него.

В кочевых скотоводческих обществах одним из маркеров социального положения человека при жизни было наличие, количество и качество убранства верхового коня в контексте погребального памятника [Серегин, 2015: 134]. Богатое конское убранство обладало особым статусом и символизмом и входило в «комплекс богатства» кочевников наряду с предметами торевтики и шелковой одеждой. Подобные знаковые явления прослеживаются в якутской погребальной обрядности дохристианского периода, и многие исследователи якутской культуры уделяли особое внимание погребениям человека с конем и отдельным погребениям коня [Васильев, 1993; Константинов, 1970; Попов, Бравина, 2009; Ферре и др., 2012]. Традиционно в отечественной науке конское снаряжение, наряду с вооружением, считается общекультурной и по умолчанию «мужской» темой, но сегодня многие тезисы пересматриваются в русле постколониальных и гендерных исследований.

Целью данной работы является установление связи между сопроводительным инвентарем в якутских погребениях и местом женщин в социальной иерархии якутского общества XVII–XVIII вв. Для достижения цели поставлены следующие задачи: сравнение частоты встречаемости предметов конского убранства в мужских и женских погребениях путем количественного анализа; распределение категорий предметов по половозрастным группам; соотношение полученных результатов с данными исторических источников.

Теоретическая значимость исследования состоит в возможности переосмысления существующего представления о том, что конское убранство в контексте сопроводительного инвентаря погребений является показателем высокого социального положения прежде всего мужчин и является «мужским» атрибутом. *Практическая значимость* заключается в том, что результаты исследования могут быть применены в

дальнейшей разработке вопросов социальной структуры якутского общества и отношений внутри него.

II. Материалы и методы исследования. В исследовании применен часто используемый в археологии простой количественный метод, который позволит выявить частоту встречаемости убранства верхового коня и среднее количество его категорий в мужских и женских погребениях. Сравнительный анализ полученных данных покажет наличие или отсутствие гендерной дифференциации. Основными источниками исследования стали полевые отчеты, дневники и протоколы вскрытий погребений, опубликованная литература.

III. Результаты. В понятие «конское снаряжение» или «убранство верхового коня» были включены все категории предметов, обнаруженные в погребениях: удила, узда/недоуздки, седло, седельная подушка, седельная крышка, чепрак, подпружные пряжки, стремяна, кнут. Некоторые проблемы в выделении предметов состояли в том, что в полевой документации иногда допускалась путаница в терминах или были обобщены разнородные предметы, что могло быть вызвано плохой сохранностью предмета. Так, категория «узды» включает в себя узду, недоуздки или части узды кроме удила, т.к. четко идентифицировать можно только удила; аналогично дело обстоит с категорией «кнут», куда включены как кнуты, так и кнуты-скребницы. В работе сознательно не затронута типологизация и систематизация элементов конского снаряжения, т.к. был интересен сам факт присутствия убранства на погребальном памятнике и вероятная связь с половой принадлежностью погребенных.

На данный момент известно более 300 якутских погребений, датируемых XVII–XVIII вв. Из этого числа 218 грунтовых погребений имеют биологическое или социальное определение пола, в т.ч. 103 женских и 115 мужских. Среди этих погребений снаряжение верхового коня было обнаружено в 73 погребениях: 22 женских и 51 мужском, что составило 21,36% и 44,35% соответственно. Для половозрастного анализа из этого количества были отобраны погребения, имеющие определение возраста: 13 женских и 24 мужских. Было составлено 2 группы по половому признаку и внутри них были сформиро-

ваны подгруппы по возрастным категориям *adultus* (20-35 лет), *maturus* (35-50 лет), *senilis* (старше 50 лет). Здесь стоит отметить, что среди возрастных групп до 20 лет конское снаряжение не было обнаружено ни в женских, ни в мужских погребениях. В итоге была сформирована сводная таблица, где обозначены половозраст-

ные группы и среднее арифметическое значение количества предметов убранства верхового коня, обнаруженных в соответствующих группах, выявлена частота встречаемости отдельных категорий предметов по половозрастным группам и среднее количество единиц категорий в погребении (табл. 1).

Таблица 1.

Конское снаряжение в якутских погребениях XVII–XVIII вв.

Возрастные группы	Удила	Суголовые	Седло	Седельная подушка	Седельная покрывка	Чепрак / Тебеньки	Подпругные пряжки	Стремена	Кнут	Среднее количество категорий предметов в погребении
Женщины										
<i>Adultus</i> (20-35 лет)	0,40	0,40	1	0,40	0,40	0,20	0,20	0,60	0,40	4
<i>Maturus</i> (35-55 лет)	0,64	0,33	0,67	0	0	0	0	1	0,33	3
<i>Senilis</i> (55 лет и старше)	0,80	0,20	0,80	0,20	0,20	0	0,40	1	0,40	4
Средняя частота встречаемости в погребении	0,61	0,30	0,85	0,23	0,23	0,07	0,23	0,84	0,38	
Мужчины										
<i>Adultus</i> (20-35 лет)	0,33	0	0,33	0	0	0	0	0	0,67	0,75
<i>Maturus</i> (35-55 лет)	0,13	0,25	0,50	0,38	0	0	0,50	0,75	0,38	2,75
<i>Senilis</i> (55 лет и старше)	0,15	0,07	0,61	0,23	0	0,07	0,23	0,23	0,69	2,20
Средняя частота встречаемости в погребении	0,16	0,12	0,54	0,25	0	0,04	0,29	0,37	0,58	

Распределение категорий предметов по половозрастным группам выявило интересные особенности. Так, в целом количество предметов в женских погребениях выше, чем в мужских независимо от возраста погребенных. Во всех трех женских группах среднее арифметическое количества предметов варьируется от 3 до 4, тогда как в мужских группах от 0,75 до 2,75. Рассмотрим особенности женских погребений по возрастным группам и в сравнении с мужскими в той же возрастной категории.

Группа *adultus*. В среднем в каждом женском погребении встречается 4 предмета конского снаряжения и только 0,75 в мужском. Из девяти категорий в женских погребениях отмечены все предметы, тогда как в мужских были зафиксированы только удила, седла и кнуты. В каждом женском погребении этой возрастной группы были обнаружены седла, часто встречаются стремяна. Седла были расположены внутри могильной ямы на крышке гроба или саркофага, один раз были уложены внутрь гроба под ноги погребенной. В двух погребениях седла были покрыты или завернуты в бересту. С одинаковой частотой в 0,40 встречаются удила, суголовье, седельные подушки и покрышки, кнуты. Из всех возрастных групп только в этой были обнаружены чепраки и тебеньки. Они были помещены в котелок, расположенный рядом с саркофагом.

Группа *maturus*. Среднее количество предметов в данной группе снижается до 3, здесь отсутствуют седельные подушки и покрышки, чепраки и тебеньки, подпружные пружки. По сравнению с другими возрастными группами данная имеет наименьшее количество атрибутов амуниции. Седла можно отнести к частым находкам, расположение у ног на крышке или в отсеке саркофага. Трензеля, удила и стремяна были расположены вне гроба, часто на крышке гроба в районе ног вместе или рядом с седлом. В одном погребении внутри гроба у головы была уложена узда с металлическими пластинами [Алексеев и др., 2012].

Группа *senilis*. Старшая возрастная группа вновь приближается по количеству и составу предметов конского убранства к *adultus*. Удила,

седла и стремяна встречаются почти в каждом погребении. Расположение, как и в предыдущих случаях, у ног вне гроба. Из общего ряда выбирается погребение Ат Дабан VI, где удила были внутри гроба и частично зажаты зубами¹. Погребение Бэрэ обладало наиболее полным комплексом предметов: удила, седло, седельная подушка с покрышкой, стремяна и кнут. Это единственное погребение в группе *senilis*, где были зафиксированы седельная подушка и покрышка.

Если сравнить вещевой комплекс женских погребений с мужским, то главным отличием будет то, что во всех женских возрастных группах существенно чаще встречались удила (в целом 0,61 в женских погребениях и 0,16 в мужских), стремяна (0,84 и 0,37 соответственно) и седла (0,85 в женских и 0,54 в мужских); только в женских группах были седельные покрышки; среди остальных категорий предметов в мужских погребениях чаще встречались только кнуты. Сравнение возрастных категорий показало, что наибольшее удаление наблюдается в группе *adultus*: наибольшее количество и разнообразие предметов в женских погребениях и наименьшее количество категорий в мужских (только удила, седла и кнуты). Женская и мужская группы *maturus* наиболее близки друг к другу и характеризуются схожим набором предметов и их количеством (3 и 2,75 соответственно). Последняя группа по своим характеристикам близка к первой: большее количество (в среднем по 4) и разнообразие предметов в женских погребениях и обратные показатели в мужских (в среднем 2,20 предмета). Наибольший разрыв наблюдается в категориях «удила» и «стремени».

IV. Обсуждение. Сравнительный анализ показывает, что наибольший разрыв в предметном наборе наблюдается в двух группах: *adultus* и *senilis*, но со своими особенностями. Весь набор предметов конского снаряжения прослеживается в самой молодой возрастной группе, что может быть связано со свадебной обрядностью. Известно, что обряды перехода долгое время аккумулируют в себе элементы архаизма и менее подвержены быстрым изменениям. Из письменных и фольклорных источников известно,

¹Кириянов Н.С. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопок) на территории выявленных объектов культурного наследия в местности «Ат-Дабан» в Хангаласском районе Республики Саха (Якутия) в 2016 году (Открытый лист №746 от 15 июня 2016 года). Том I. С. 74.

что свадебный обряд XVIII–XIX в. был сложным многоэтапным процессом, который мог растянуться на несколько лет [Слепцов, 1989: 29]. Ключевым моментом свадебного обряда был этап «кыыс суктэр» – переезд невесты в семью жениха со всем своим приданым. Вокруг этого этапа и последующих первых лет супружества сложено множество фольклорных сюжетов, где женщины из категорий «невеста» и «молодая жена» умирают и погребаются вместе со свадебной лошадью в полном убранстве [Социн, 2013: 61; Якутские мифы, 2004: 318-320]. Вероятно, в рассмотренных выше погребениях прослеживается символическая замена лошади ее атрибутами, но нельзя исключать наличие невыявленного сопровождающего конского погребения. Погребение со всем приданым и убранной лошадью, описываемое в фольклоре и факт наличия большого количества предметов в погребениях молодых женщин объясняется особенностями обычного права якутов. Калым и приданое часто становились предметами судебных тяжб, что видно из архивных источников XVII–XIX вв. Из них также видно, что дорого украшенное седло, узда, чепрак и тебенки входили в его состав [Борисов, 2010: 162]. Кроме приданого *эһньэ*, которое переходило в совместное с мужем владение (но не распоряжение, распоряжаться мог муж и его ближайшие родственники в случае его смерти), жена имела в своем владении часть приданого, называемого *сэмсэ*. Это излишек между соотношением уплаченного за невесту калыма и ее приданого, та часть, на которую не распространялось право мужа и его родственников на распоряжение, и эту часть женщина могла требовать себе обратно при разводе или смерти мужа [Никитина, 2010]. Как правило, в *сэмсэ* входили одежда, украшения, скот и работники, а в некоторых документах упоминается «лошадь с прибором» [Пекарский, 1925: С.680]. Возможно, сопроводительный инвентарь погребений молодых женщин категорий «невеста» и «молодая жена» в основном составлялся из этой части приданого и мог дополняться другими предметами из общего с мужем владения по усмотрению супруга.

Средняя возрастная группа, как было сказано выше, имела наименьшее количество и разнообразие категорий предметов по сравнению с другими группами. Возможно, объяснение это-

му также кроется в нормах обычного права. С появлением детей *сэмсэ* становился частью их наследования, соответственно сокращалось личное имущество женщины, в том числе и те предметы, которые могли быть включены в состав сопроводительного инвентаря погребения. В целом анализ сопроводительного инвентаря якутских погребений говорит о том, что в его состав входили личные вещи, которыми погребенный пользовался в своей жизни, и отражали его образ жизни и определенные стадии жизненного пути. Например, при разборе состава сопроводительного инвентаря мужских и женских погребений было выявлено, что комплект сменной/запасной одежды и обуви, дорожных сосудов типа «симиирчэх» и складных столов фиксируются только в мужских погребениях. Здесь усматривается не принцип гендерных символов, а скорее два вида образа жизни, который вели мужчины и женщины. Видимо, в период до конца XVIII в. мужчины вели более передвижную жизнь, курсируя между своими земельными владениями, расположенными на разных расстояниях, а женщины были более прикрепленными к землям и занимались ведением хозяйства (фактически или номинально). Об этом свидетельствует наличие полигинии среди знати. Одной из причин многоженства являлась сложность единоличного ведения хозяйства на разрозненных территориях [Слепцов, 1988]. Жены же располагались каждая на отведенной ей территории, со своими детьми и работниками. Имеющиеся предметы богатства и роскоши, к которым относилось и конское убранство, уже было наследным имуществом детей и не было объектом единоличного владения женщин.

Обратный рост количества предметов конского убранства в группе *senilis* является наиболее любопытным. Из литературы известно, что пожилые женщины-вдовы могли быть главами семей [Никитина, 2010] и имели право распоряжаться семейным имуществом, несмотря на то что собственниками были сыновья [Слепцов, 2017]. Другой причиной демонстрации особого отношения к пожилым женщинам был почетный статус, приобретенный с годами в качестве авторитета в религиозно-обрядовой сфере. В фольклорных материалах встречается сюжет, где пожилая женщина, мать героя, позиционируется как хозяйка места и несет ответствен-

ность за судьбы домочадцев и родоначальников. Она руководит ритуальными церемониями, выступает в роли шаманки и имеет атрибуты власти, в частности в виде кнута [Алексеев и др., 2012]. При этом пожилые отцы - патриархи практически не фигурируют как значимые и знаковые лица. Таким образом, большое количество предметов конского снаряжения в погребениях женщин могло быть продиктовано отношением к почтенному возрасту, статусу «матриарха» / почтенной вдовы.

V. Заключение. В итоге можно сказать, что убранство верхового коня в качестве сопроводительного инвентаря чаще встречается в мужских погребениях, но внутри выделенной группы вырисовывается неоднозначная картина: близкий по составу и количеству сопроводительный инвентарь могли иметь мужчины среднего возраста, молодые и пожилые женщины. Пребывая в категории «невеста», женщина символизировала материальное и социальное положение всего рода, а высокий статус старейших женщин рода мог быть обусловлен их состоявшейся репродуктивной успешностью и положением детей. Схожий набор конского снаряжения в составе сопроводительного инвентаря этих трех половозрастных категорий может быть отражением близости их позиций в обществе. Проведенное исследование подтверждает существование сложной вертикальной и горизонтальной социальной иерархии, внутри которой была возрастная и гендерная иерархия в том числе. Положение женщины в обществе было связано не только с ее полом и возрастом, но и набором индивидуальных особенностей, к числу которых можно отнести ее происхождение, наличие и количество детей, их положение внутри социума. Для дальнейших исследований в русле социальной археологии необходимо не только выявление большего количества памятников, но и расширение источниковой базы погребениями с четким антропологическим определением пола и возраста.

Список литературы:

Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Николаева Д.Н., Май Э., Крюбеси Э. Женщины XVIII в. // Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологиче-

ской экспедиции). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. С. 130–133.

Белинская К.И. Изучение гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрок Горного Алтая (по памятникам археологии) // Мир Евразии. №4. 2009. С. 6–11.

Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н.э.: по материалам погребальных памятников: Дисс. ... докт. истор. наук. Новосибирск, 2019. 410 с.

Борисов А.А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время (опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 272 с.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Брагина Д.Г. Семья у якутов: от традиции к современности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 4 (13). 2015. С. 48–53.

Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: Век2. 2013. 256 с.

Васильев Ф.Ф. Неизвестный погребальный обряд // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: тезисы и материалы научной конференции. Улан-Удэ, 1993. С. 92–93.

Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII—XVIII вв. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. 144 с.

Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сrostкинской культуры: По материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII – XII вв. н.э.: Дисс. ... канд. истор. наук. Барнаул, 2004. 378 с.

Константинов И.В. Захоронение с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии. Якутск: Якутское книжное издательство, 1970. С. 183–197.

Никитина С.Е. Обычное право народа саха: гендерные аспекты // Женский мир в научном дискурсе: исследовательские стратегии: материалы Региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2010. С. 126–132.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XVIII вв. // Сб. науч. ст. Якут. республ. краеведч. музея. Якутск. Вып. 1. 1955. С. 84–137.

Пекарский Э.К. Материалы по обычному праву якутов (Три документа) // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при Академии наук СССР. Ленинград, 1925. Т. 5. Вып. 2. С. 657–708.

Попов В.В., Бравина Р.И. Ритуальные комплексы с конем в Якутии (XV–XX вв.). Якутск: Бичик, 2009. 32 с.

Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № (2). 2012. С. 61–69.

Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2015. С. 131–143.

Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX вв.). Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1989. 162 с.

Слепцов П.А. Традиционное право наследования у якутов (XIX – начало XX вв.) // П.А. Слепцов. Научные труды. Публикации. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2017. С. 182–187.

Слепцов П.А. Традиционные формы брака у якутов (XIX – начало XX вв.) // Семья у народов Северо-Востока СССР. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1988. С. 98–105.

Сосин И.М. Суон сурахтаах Суола урэх: очерки, эссе, заметки. Якутск: Алаас, 2013. 600 с.

Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якутское государственное издательство, 1945. 412 с.

Ферре К., Попов В., Бертелло Э., Лемер Ф. Захоронения лошадей // Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. С. 110–114.

Хомякова О.А. Женские погребения Юго-Восточной Прибалтики I–VIII вв. // Российская археология. № 1. 2020. С. 90–106.

Якутские мифы. Саха өс-номохторо. Новосибирск: Наука, 2004. 449 с.

Conkey, Margaret W., Spector Janet D. Archaeology and the Study of Gender. *Advances in Archaeological Method and Theory*. vol. 7. 1984. Pp. 1–38.

Geller, Pamela L. Identity and Difference: Complicating Gender in Archaeology. *Annual Review of Anthropology*. 38:1. 2009. Pp. 65–81.

References:

Alekseev A.N., Gogolev A.I., Nikolaeva D., Maj E., Crubézy E. Zhenshchiny XVIII v. [Women of the 18th century] *Mir drevnih yakutov: opyt mezhdisciplinarnykh issledovaniy (po materialam saha-francuzskoj arheologicheskoy ekspedicii)* [The world of the ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition)]. Yakutsk: Publishing house of NEFU. Pp. 110–114. (In Russian)

Belinskaja K.Y. Izuchenie gendernykh otноshenij i zhenskoj subkul'tury drevnih tjurok Gornogo Altaja (po pamjatnikam arheologii) [Study of gender relations and female subculture of the ancient Turks of the Altai Mountains (based on archaeological monuments)]. *Mir Evrazii* [The World of Eurasia]. №4. 2009. Pp. 6–11. (In Russian)

Berseneva N.A. *Vozrastnaja i gendernaja differenciacija v obshhestvah Juzhnogo Urala II tys. do n.je.: po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov*: Diss. ... dokt. Ist. tor.nauk [Age and gender differentiation in the societies of the Southern Urals of the II millennium BC: based on the materials of funerary monuments]. Novosibirsk, 2019. 410 p. (In Russian)

Borisov A.A. *Social'naja istorija jakutov v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremja: (opyt kompleksnogo issledovaniya)* [Social history of Yakuts in late Middle Ages and New Age: (experience of a comprehensive study)]. Novosibirsk: Nauka, 2010. 272 p. (In Russian)

Bragina D. G. Sem'ja u jakutov: ot tradicii k sovremennosti [Yakut family: from tradition to modernity]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. № 4 (13). 2015. Pp. 48–53. (In Russian)

Bravina R.I. and Popov V.V. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' yakutov: pamyatniki i tradicii (XV-XIX vv.)* [The Yakut funeral and memorial rites: monuments and traditions (the 15th – 19th centuries)]. Novosibirsk: Science Publ., 2008. 296 p. (In Russian)

Butovskaja M.L. *Antropologija pola* [Anthropology of gender]. Frjazino: Vek2, 2013. 256 p. (In Russian)

Conkey M. W., Spector J. D. Archaeology and the Study of Gender. *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 7. 1984. Pp. 1–38. (In English)

Ferret C., Popov V., Berthelot E., Lemaire F. Zahoronenija loshadej [Horse burials]. *Mir drevnih jakutov: opyt mezhdisciplinarnykh issledovaniy (po materialam saha-francuzskoj arheologicheskoy jekspedicii)*. *Mir drevnih yakutov: opyt mezhdisciplinarnykh issledovaniy (po materialam saha-francuzskoj arheologicheskoy ekspedicii)* [The world of the ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition)]. Yakutsk: Publ. of North-Eastern Federal University. Pp. 110–114. (In Russian)

Gavrilyeva, R.S. *Odezhda naroda Saha konca XVII–XVIII vv.* [Clothing of the Sakha people of the late 17th – mid-18th centuries]. Novosibirsk: Science Publ., 1998. 144 p. (In Russian)

Geller P. L. Identity and Difference: Complicating Gender in Archaeology. *Annual Review of Anthropology*. 38:1. 2009. Pp. 65–81. (In English)

Homjakova O. A. Zhenskie pogrebenija Jugo-Vostochnoj Pribaltiki I–VIII vv. [Female burials of the

Southeastern Baltic States of the 1st-8th centuries]. *Rossijskaja arheologija* [Russian Archeology]. № 1. 2020. Pp. 90–106. (In Russian)

Jakutskie mify. Čaha ős-nomohtoro [Yakut myths]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 449 p. (In Yakut)

Kondrashov A.V. *Izuchenie pogrebal'nogo obrjada i social'noj organizacii naselenija srostkinskoj kul'tury: Po materialam arheologičeskich pamjatnikov juga Zapadnoj Sibiri serediny 8 - 12 vv. n. je.*: Diss. ... kand. istor. nauk [The study of the funeral rite and the social organization of the population of the Srostkin culture: Based on the materials of archaeological sites of the south of Western Siberia in the middle of the 8th - 12th centuries AD: Diss. ... Candidate of Historical Sciences]. Barnaul, 2004. 378 p. (In Russian)

Konstantinov I.V. Zahoronenie s konem v Jakutii (novye dannye po jetnogenezu jakutov) [Burial with a horse in Yakutia (new data on the ethnogenesis of the Yakuts)]. *Po sledam drevnih kul'tur Jakutii* [In the trace of ancient cultures of Yakutia]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1970. Pp. 183–197. (In Russian)

Nikitina S.E. Obychnoe pravo naroda saha: gendernye aspekty [Customary law of the Sakha people: gender aspects]. *Zhenskij mir v nauchnom diskurse: issledovatel'skie strategii: materialy Regiona'noj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Women's world in the scientific community: Research strategies: scientific and practical conference]. Novosibirsk, 2010. Pp. 126–132. (In Russian)

Nosov M.M. *Odezhda i ukrasheniya jakutov XVII-XX vv.* [Clothing and jewelry of the Yakuts of 17th-19th century]. Yakutsk: Studiya TTL, Yakut Science Centre SB RAS. 2010. 94 p. (In Russian)

Pekarskij Je.K. Materialy po obychnomu pravu jakutov: (Tri dokumenta) [Materials on the customary law of the Yakuts: (Three documents)]. *Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo pri Akademii nauk SSSR* [Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography at the USSR Academy of Sciences]. Leningrad, 1925. Volume 5. Issue 2. Pp. 657–708. (In Russian)

Popov V.V., Bravina R.I. *Ritual'nye komplekсы s konem v Jakutii (XV-XX vv.)* [Ritual complexes with a horse in Yakutia (15 – 20 centuries)]. Yakutsk: Bichik Publ., 2009. 32 p. (In Russian)

Seregin N.N. Obshhie i osobennye harakteristiki zhenskih pogrebenij rannesrednevekovyh tjurok

Central'noj Azii (k rekonstrukcii nekotoryh aspektov gendernoj istorii) [General and special characteristics of female burials of the early medieval Turks of Central Asia (towards the reconstruction of some aspects of gender history)]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. № 2. 2012. Pp. 61–69. (In Russian)

Seregin N.N. “Jelitnye” pogrebal'nye komplekсы rannesrednevekovyh tjurok Central'noj Azii [“Elite” burial complexes of the early medieval Turks of Central Asia]. *Jelita v istorii drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii* [Elite in the history of ancient and medieval backgammon of Eurasia]. Barnaul: Altai university Publ., 2015. Pp. 131–143. (In Russian)

Sleptsov P.A. *Tradicionnaja sem'ja i obrjadnost' u jakutov (XIX – nachalo XX v.)* [Traditional family and ritual among the Yakuts (19th – early 20th centuries)]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1989. 162 p. (In Russian)

Sleptsov P.A. Tradicionnoe pravo nasledovanija u jakutov (XIX – nachalo XX vv.) [The traditional right of inheritance among the Yakuts (19th – early 20th centuries)]. *P.A. Sleptsov. Nauchnye trudy. Publikacii* [P.A. Sleptsov. Scientific works. Publications.]. Yakutsk: Publ. of North-Eastern Federal University, 2017. Pp. 182–187. (In Russian)

Sleptsov P.A. Tradicionnye formy braka u jakutov (XIX – nachalo XX vv.) [Traditional forms of marriage among the Yakuts (19th – early 20th centuries)]. *Sem'ja u narodov Severo-Vostoka SSSR* [Family among the peoples of the North-East of the USSR.]. Yakutsk: Yakut Branch of Siberian Branch AS USSR, 1988. Pp. 98–105. (In Russian)

Sosin I.M. *Suon surahtaah Suola urjeh: očerki, jesse, zametki* [The legendary Suola River: essays notes]. Yakutsk: Alaas, 2013. 600 p. (In Russian)

Tokarev S.A. *Obshhestvennyj stroj jakutov XVII-XVIII vv.* [The social system of the Yakuts of the 17th – 18th centuries]. Yakutsk: Yakut State Publ., 1945. 412 p. (In Russian)

Vasil'ev F.F. Neizvestnyj pogrebal'nyj obrjad [Unknown funeral rite]. *Jetnosocial'nye obshhnosti v regione Vostochnoj Sibiri i ih social'no-kul'turnaja dinamika: tezisy i materialy nauchnoj konferencii* [Ethnosocial communities in the region of Eastern Siberia and their socio-cultural dynamics: abstracts and materials of the scientific conference]. Ulan-Ude, 1993. Pp. 92–93. (In Russian)

A.N. Prokopenva

Horse Equipment in the Context of the Accompanying Inventory of the Yakut Burials of the 17th – 18th Centuries (Gender Aspect)

Scientific novelty. The possibility of using the accompanying inventory of Yakut burials as a source for the study of gender relations and the social structure of the Yakut society of the 17th-18th centuries is being considered for the first time. The research is based on horse equipment as the most significant and symbolic for a society with a pastoral lifestyle.

The aim is to identify the relationship between the composition and quantity of accompanying inventory and the place of women in the social hierarchy of Yakut society of the 17th-18th centuries. *Tasks:* 1. identification of the frequency of occurrence of horse equipment in male and female burials; 2. distribution of objects categories by gender and age groups; 3. correlation of the results obtained with data from historical sources.

Research methods. From the total number of Yakut burials of the 17th-18th centuries items of horse equipment were selected with reliable anthropological verification of gender and age and having items of horse equipment as part of the accompanying inventory. There are 2 groups by gender and subgroups by three age categories. By a simple quantitative method, the frequency of occurrence of categories of subjects for each subgroup was revealed. A comparative analysis of the data obtained made it possible to identify the features of female burials and to interpret the results.

Results. It was revealed that items of horse equipment are found more often and more in female burials regardless of the age of the buried. The highest frequency is observed in the group of young and elderly women which is associated with the status of the categories “bride” and “matriarch”. This is also confirmed by the norms of customary law where a woman’s personal property (including the decoration of a riding horse) largely depends on the dowry and the number of children born to her which ultimately affected the composition of the inventory used in funeral rites.

Keywords: social archaeology, Yakuts, funeral rite, accompanying inventory, female burials, gender, reproductive success, dowry, customary law

E.H. Соловьёва

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.005

УДК 903.024(571.56)“17-18”

Поливная керамика XVIII – начала XIX вв. в керамическом комплексе г. Якутска (по материалам археологических раскопок на ул. Ярославского)

Научная новизна. Вводятся в научный оборот материалы коллекции поливной керамики XVIII – нач. XIX вв. г. Якутска, полученные в ходе археологических раскопок в полевой сезон 2020 г. на участке по ул. Ярославского, 31, планиграфически входящем в границы исторической части города. Впервые рассматривается место поливной керамики в керамическом комплексе г. Якутска указанного периода.

Целью настоящей статьи является выявление типологических особенностей коллекции поливной керамики XVIII – нач. XIX вв., полученной в ходе полевых исследований в исторической части г. Якутска. Исходя из поставленной цели исследования определены следующие *задачи:* выделение групп поливной керамики в соответствии с цветом кроющей глазури; определение формы сосудов в соответствии с их морфологическими признаками; определение их функционального назначения и определение роли керамики данного типа в повседневной жизни горожан.

Методы исследования. В ходе исследования использовались сравнительно-типологический и сравнительно-морфологический методы, на основе которых выполнена классификация коллекции по типу глазурования, форме изделий и их функциональному назначению.

© Соловьёва Е.Н., 2022

Результаты. В результате исследования установлено, что поливная керамика составляет незначительную часть керамического комплекса, полученного в процессе раскопок 2020 г. Основу коллекции поливной керамики составляет столовая, скорее всего парадная посуда общего и индивидуального пользования, изготовленная с помощью гончарного круга. Выделено 6 групп керамики в соответствии с цветом поливы (глазури). Для изготовления данного типа керамики использовались разные формовочные массы, что, вероятно, объясняется ее экспортом из разных производственных центров.

Ключевые слова: Якутск, керамический комплекс, поливная керамика, культурный горизонт, Новое время

I. Введение. Глазурование поверхности сосудов – это способ покрытия поверхности сосуда перед обжигом или после первого этапа обжига порошковидной или полужидкой минеральной массой, состоящей обычно из легкоплавких силикатных соединений [Цетлин, 2017: 39–40].

Использование поливы (глазури) в процессе производства керамики служит достижению двух целей: во-первых, полному устранению влагопроницаемости стенок сосуда, поскольку, проникая в поры сосуда, полива прочно соединяется с керамическим тестом и образует на поверхности блестящую глянцевую корку; во-вторых, полива выступает в качестве внешнего декора [Там же: 298].

Родиной глазурированной керамической посуды является Египет, где технология поливы керамики глазурью появилась еще в IV тыс. до н.э. В середине II тыс. до н.э. подобная технология появились в Китае, затем около VII в. до н.э. – на Древнем Востоке и, наконец, в I тыс. н.э. – в Европе [Там же: 40].

На Руси данная технология появилась в конце X – начале XI вв. и развивалась параллельно с обработкой стекла и металла. В технологии русской поливной посуды наблюдается воздействие греческого стеклоделия, а появление поливной керамики исследователи связывают с организацией мастерских по производству керамических украшений храмов. К наиболее ранней русской поливной керамике исследователями относится белоглиняная керамика с ярко-зеленой непрозрачной поливой [Макарова, 1963]. Однако появление поливной керамики не было повсеместно одновременным. Так, например, в Москве массовое появление поливной посуды относят лишь к XVII в., который считается периодом расцвета древнерусского изразца. Именно в это время в разных уголках Русского государства появляются новые мастерские по изготовлению изразцов, новые технологии их изго-

товления, расширяется цветовая гамма поливных глазурей [Розенфельдт, 1968: 48].

Первые находки поливной керамики на территории Якутии были сделаны в 1942 г. А.П. Окладниковым при обследовании старинных якутских этехов вблизи Якутска, в районе Малой Мархи. Описывая находки традиционной якутской лепной керамики, он обращает внимание на встречающиеся среди них редкие находки керамики, изготовленной на гончарном круге и политой темно-зеленой глазурью, и относит их к XVIII – первой половине XIX вв. [Окладников, 1945: 14].

Известно, что якуты не знали гончарного круга и технологией глазурирования посуды не владели [Серошевский, 1993: 364; Прыткова, 1955: 148]. Появление керамики на территории Якутии связано с культурой первых русских поселенцев, что подтверждается материалами археологических раскопок.

Начало археологического изучения первых поселений русских землепроходцев на территории Якутии связано с работами Юкагирской экспедиции АН СССР. В 1959 г. С.А. Федосеевой в нижнем течении Колымы на территории Стадухинского острога (1644 г.) были вскрыты одно захоронение и оклады двух строений, проведены подъемные сборы, а также составлен план памятника [Федосеева, 1971: 26]. В последующие годы археологические исследования первых русских поселений проводились археологической экспедицией Сибирского отделения (СО) АН СССР под руководством А.П. Окладникова на территории Зашиверского острога (р. Индигирка) (1969, 1971 гг.), археологической экспедицией Музея археологии и этнографии Якутского государственного университета (МАЭ ЯГУ) под руководством А.Н. Алексева на территории Алазейского (р. Алазея) и Нижнеколымского Стадухинского (р. Колыма) острогов (1986–1992 гг.), экспедицией под руководством В.Ф. Старкова на территории Оленекского зи-

мовья (р. Оленек) (1999, 2002 гг.), экспедицией под руководством Г.П. Визгалова на территории Нижнеколымского Стадухинского острога (2009–2011 гг.), экспедицией ИГИИПМНС СО РАН под руководством Е.А. Строговой и Е.Н. Соловьёвой на территории Средневиллюйского (Танарейского) ясачного зимовья (р. Вилюй) (2015–2016 гг.)¹. Согласно опубликованным результатам этих исследований, поливная керамика была обнаружена только в керамических комплексах Алазейского и Стадухинского острогов. [Окладников и др., 1977; Алексеев, 1996; Старков, 2013; Старков, 2014; Результаты дендрохронологической датировки Стадухинского острога, 2014; Строгова, 2015; Работы Института гуманитарных исследований..., 2016].

В начале 2000-х годов началось археологическое изучение культурного слоя исторической части города Якутска, основанного русскими землепроходцами в первой половине XVII в. С самого начала своего существования город являлся административным, экономическим и культурным центром огромного северо-восточного региона. Археология Якутска представляет особый интерес в контексте изучения материальной культуры городского населения на разных этапах его существования, уровня развития торгово-экономических связей города, а также является основанием для реконструкции социальной структуры городского населения.

Начало археологическому изучению культурного слоя исторической части Якутска было положено работами Городского отряда археологической экспедиции МАЭ ЯГУ (2007 г.) под ру-

ководством М.В. Максимовой на месте реконструкции дома мещанки Сыроватской 1880 года постройки по ул. Чернышевского, 10 (вблизи Центральной городской бани)². В 2013–2014 гг. отряд археологической экспедиции ИГИИПМНС СО РАН под руководством Е.А. Строговой продолжил работы по изучению культурного слоя г. Якутска по ул. Каландаришвили в районе Троицкого кафедрального собора и на месте бывшей Воеводской канцелярии. Однако работы в эти годы велись небольшими единичными шурфами³ [Строгова, 2014]. В 2016 г. Городским отрядом археологической экспедиции ИГИИПМНС СО РАН под руководством В.М. Дьяконова в ходе проведения археологического наблюдения при выполнении реставрационных работ на Троицком кафедральном соборе 1708-1728 гг. постройки (ул. Каландаришвили, 2) был зафиксирован и исследован небольшой участок сохранившегося культурного слоя конца XVII в.⁴ В последние годы в исторической части города ведутся площадные археологические раскопки. Так, в 2017–2018 гг. проводились площадные археологические работы на месте строительства Бульвара учителя по ул. Кулаковского, 8 (местонахождение Логовая) археологической экспедицией ИГИИПМНС СО РАН под руководством Е.А. Строговой и Е.Н. Соловьёвой⁵. В ходе этих исследований фрагменты поливной керамики обнаружены на местонахождении Логовая. Однако следует отметить, что число их незначительно по сравнению с неполивной керамикой.

Основной целью данного исследования является выявление типологических особенностей

¹ Строгова Е.А. Отчет о разведочных работах Вилюйского отряда археологической экспедиции ИГИИПМНС СО РАН в Вилюйском районе Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2015 г. Якутск, 2016. 95 с. Отраслевой архив ИГИИПМНС СО РАН.

² Максимова М.В. Отчет о работе Городского отряда археологической экспедиции ЯГУ на территории г. Якутска Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2007 года. Якутск, 2008. 116 с. Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. № 43371.

³ Строгова Е.А. Итоговый научно-технический отчет о разведочных работах по договору № 18/13 от 10 июля 2013 г. «Многоквартирный жилой дом с социальными помещениями в 64 квартале г. Якутска». Якутск, 2013. 92 с. Отраслевой архив ИГИИПМНС СО РАН.

⁴ Дьяконов В.М. Отчет о проведении археологических наблюдений на территории реконструкции Свято-Троицкого собора в г. Якутске Республики Саха (Якутия) в 2016 году. Якутск, 112 с. Научно-отраслевой архив ИГИИПМНС СО РАН.

⁵ Строгова Е.А. Отчет о проведении Городским отрядом археологической экспедиции ИГИИПМНС СО РАН охранно-спасательных раскопок на выявленном объекте культурного наследия «Логовая», расположенном в квартале «В» г. Якутска Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2017 года. Якутск, 2018. 169 с. Научно-отраслевой архив ИГИИПМНС СО РАН.

Рис. 1. Примерные границы города Якутска второй пол. XVIII в. (по М.В. Максимовой, 2008). Стрелкой обозначен район раскопок 2020 г. на ул. Ярославского, 31

полученной в ходе раскопок на ул. Ярославского, 31 коллекции поливной керамики. Для достижения цели были выполнены следующие задачи: выделение групп поливной керамики в соответствии с цветом кроющей глазури; определение формы сосудов в соответствии с их морфологическими признаками; определение их функционального назначения и определение роли керамики данного типа в повседневной жизни горожан.

Теоретическая и практическая значимость. В научный оборот вводятся данные о керамическом комплексе г. Якутска XVIII – нач. XIX вв. и впервые рассматривается место поливной керамики в данном комплексе. Полученные результаты могут быть использованы в практической работе по систематизации керамических коллекций XVIII – нач. XIX вв. при написании научных отчетов, при обработке музейных коллекций, а также при написании обобщающих работ по истории материальной культуры и торгово-экономических отношений в Якутии указанного периода. Также работа может послужить основой для дальнейшего изучения поливной керамики из других археологических коллекций Якутии.

II. Материалы и методы. Источниковой базой исследования послужила коллекция керамики, полученная в 2020 г. археологической экспедицией Арктического научно-исследовательского центра АН РС(Я) в ходе раскопок в исторической части г. Якутска, на территории, отведенной под строительство административ-

ного здания Арбитражного суда РС (Я) по ул. Ярославского, 31 (рис 1). Среди обнаруженных на площади 273 кв. м артефактов из камня, глины, фарфора, фаянса, стекла, дерева, бересты, металла, ткани, войлока и т.д., наиболее массовыми стали находки фрагментов лепной и гончарной керамики.

В составе гончарной керамики выделяется небольшая группа (около 1%) фрагментов так называемой поливной керамики, изготовленной с применением особой технологии глазурования поверхности изделия. Настоящая статья посвящена поливной керамике из четвертого культурного горизонта, предварительно датированного нами XVIII – нач. XIX вв.

При изучении коллекции поливной керамики на основе историко-культурного подхода, базирующегося на анализе археологической керамики, данных этнографии гончарства, применялись сравнительно-типологический и сравнительно-морфологический методы, что позволило выполнить классификацию керамики.

III. Результаты. В коллекции археологической керамики, полученной в ходе раскопок на ул. Ярославского, представлена как традиционная якутская и русская лепная керамика, так и гончарная керамика. Большое скопление керамического материала можно объяснить прежде всего доступностью керамической посуды, недолговечностью керамических сосудов и необходимостью регулярной замены изделий, вы-

шедших из употребления вследствие порчи. По наблюдениям В.И. Подгорбунского, продолжительность службы одного якутского лепного сосуда составляла до четырех лет [Подгорбунский, 1928: 11]. Время использования гончарной керамики несколько дольше, чем и объясняют некоторые исследователи, наряду с появлением долговечной металлической посуды, деградацию и исчезновение местной гончарной традиции у многих народов Сибири [Мельников, 1996: 43; Прыткова, 1955: 147].

В ходе раскопок на ул. Ярославского были обнаружены фрагменты поливной гончарной керамики (140 шт.), принадлежавшие, вероятно, 29 различным сосудам. На сегодняшний день это самая представительная коллекция поливной керамики, обнаруженная на территории Якутска. Археологически целые формы сосудов не сохранились. Большинство апплицированных частей сосудов относятся к единичными экземплярам или представлены небольшими фрагментами, что значительно затрудняет классификацию и применение в отношении них статистических процедур.

Вся исследованная керамика относится к бытовой посуде, в составе которой выделяются фрагменты столовой (27 изд.), хозяйственной посуды (2 изд.) и фрагменты посуды, функциональное назначение которой затруднено из-за фрагментарности.

Поливы, использованные при изготовлении керамики исследуемой коллекции, относятся к монохромным и не имеют дополнительного цветного декора.

Обращает на себя внимание топография находок поливной керамики в плане раскопа: практически все фрагменты тяготеют к линии квадратов с цифровыми маркерами «20-24». Такое относительно компактное размещение может косвенно свидетельствовать о принадлежности данной посуды проживавшим здесь владельцам с достаточно высоким социальным статусом.

В материалах коллекции нами выделено 6 групп по цвету кроющей глазури. Внутри каждой группы выделены отдельные формы сосудов, обладающие определенным набором морфологических признаков, определено их функциональное назначение.

Группа I. Керамика с зеленой поливой

Прозрачная зеленая глазурь – «мурава» (цвета травы-муравы) – широко распространилась на Руси в 30-е годы XVII в. Ей стали покрывать печные и фасадные изразцы, появились «муравленный кирпич», «муравленная черепица», «муравленные печи». Вскоре появилась и «муравленная посуда». Любая керамика, покрытая зеленой глазурью, называлась «муравленной». Керамика с зеленой поливой составляет основную часть рассматриваемой коллекции поливной керамики и представлена фрагментами 21 изделия: блюд, мисок и изделий неопределимой в связи с их малочисленностью и фрагментарностью формы.

Блюдо (1 экз.) – низкий сосуд открытой формы высотой 6,0 см на дисковидном поддоне, с заступом под крышку в верхней части сосуда. Диаметр донной части около 15,0 см. Сосуд полностью покрыт поливой, цвет поливы монохромный темно-зеленый. В формовочной массе визуально отмечается примесь сухой глины, цвет формовочной массы в обожженном состоянии бежево-красный¹.

Миски (7 экз.) – низкие открытые сосуды высотой 6,0-9,0 см (рис. 2). Среди мисок можно выделить округлобокие (4 экз.) и в виде перевернутого усеченного конуса (3 экз.). На трех изделиях фрагментарно сохранился низкий кольцевой поддон. У одного изделия кольцевой поддон диаметром 10,0 см сохранился полностью. Три миски имеют заступ под крышку, у двух мисок венчик слегка отогнут наружу, один венчик прямой, еще у одного изделия венчик не сохранился. Изделия покрыты поливой как с внутренней, так и с наружной стороны. Сохранившиеся фрагменты донных частей также покрыты поливой, за исключением одного изделия, дно которого сохранило естественный терракотовый цвет. Цвет поливы темно-зеленый, в одном случае с дополнительным желтым пигментом, в другом случае с дополнительным коричневым пигментом. Цвет формовочной массы бежево-красный (4 экз.) и серый (3 экз.). Во всех формовочных массах визуально отмечается примесь сухой глины светло-бежевого цвета, иногда песка.

Неопределимые формы изделий (13 экз.) представлены мелкими фрагментами, по кото-

¹Здесь и далее приводится цвет формовочных масс в обожженном состоянии.

Рис. 2. Миски с покрытием зеленой поливой

рым восстановить форму сосуда не представляется возможным.

Группа II. Керамика с желтой поливой

Керамика данной группы представлена девятью апплицирующимися фрагментами одного изделия – плоской столовой тарелки. Индивидуальная посуда, к которой относятся тарелки, стала входить в быт наиболее состоя-

тельного населения Руси лишь с XVII в., а уже в XVIII в. тарелка прочно вошла в повседневный обиход и стала незаменима при употреблении пищи.

Тарелка (1 экз.) из нашей коллекции представляет собой плоское керамическое изделие круглой формы с приподнятыми и отогнутыми наружу краями, и широким плоским дном на

Рис. 3. Поливная индивидуальная посуда: тарелка с покрытием желтой поливой

низком кольцевом поддоне (рис. 3). Высота тарелки 2,2 см. Изделие полностью покрыто глазурью желтого цвета. Цвет формовочной массы светло-бежевый, почти белый. В составе формовочной массы визуально фиксируется незначительная примесь шамота и коричневые ожежененные вкрапления.

Группа III. Керамика с покрытием оранжевой поливой

Данная керамика представлена четырьмя апплицирующимися фрагментами горлышка сельтерской бутылки, которая представляет собой хозяйственную тарную посуду для минераль-

ной сельтерской (зельтерской) воды. Минеральная вода в XVIII–XIX вв. считалась самым аристократическим освежающим напитком [Кузнецова, 2017].

Бутылка (1 экз.) из данной коллекции представлена фрагментом невысокого узкого горлышка высотой 2,2 см с наплывом по краю, переходящего в цилиндрическое тулово (рис. 4). Полива оранжевого цвета покрывает стенки бутылки изнутри и снаружи. Формовочная масса бутылки белого цвета, примесь визуально практически не фиксируется за исключением единичных вкраплений угля (?).

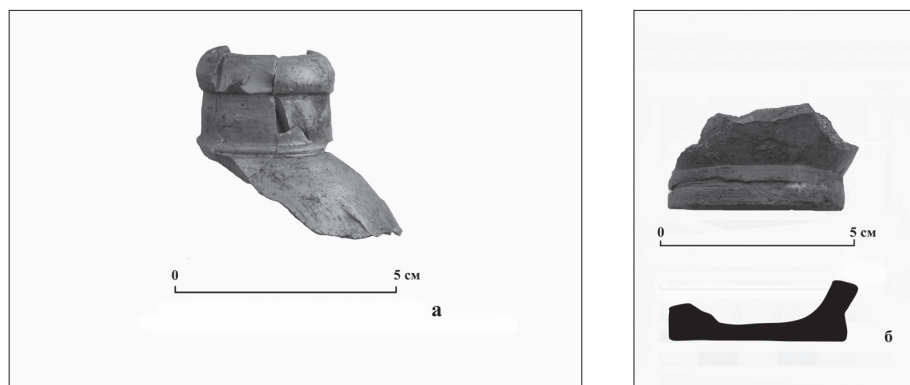

Рис. 4. Поливная керамика: а – фрагмент тарной бутылки с покрытием поливой оранжевого цвета, б – фрагмент донной части кружки с покрытием коричневой поливой

Группа IV. Керамика с покрытием коричневой поливой

Керамика данной группы представлена фрагментами столовой посуды: небольшого горшка (?), тарелки и кружки.

Горшок (?) (1 экз.) – сосуд с округлым туловом и очень короткой профилированной шейкой. Следует отметить, что фрагментарность изделия (12 фр.) не позволяет с абсолютной уверенностью атрибутировать его как горшок, в связи с чем в дальнейшем не исключается вероятность отнесения его к мискам. Дно сосуда плоское, с дисковидным поддоном. Глазурь темно-коричневого цвета полностью покрывает внутреннюю сторону сосуда. Внешняя сторона покрыта не полностью, отсутствует полива и на внешней стороне поддона, что свидетельствует о глазуровании сосуда обливанием. Формовочная масса сосуда очень плотная, с визуальной фиксируемой значительной примесью песка и сухой серой глины. Цвет формовочной массы неоднородный, в основном красновато-коричневый и темно-серый ближе к наружной поверхности сосуда.

Тарелка (1 экз.) представлена пятью фрагментами. Изделие имеет поливу темного красновато-коричневого цвета с зеленоватыми пятнами с обеих сторон. Формовочная масса серого цвета, визуальной фиксируется примесь светло-серой глины (возможно, извести?).

Кружка (?) (1 экз.) – небольшое невысокое полое изделие цилиндрической формы, предназначенное для питья. Кружка представлена одним фрагментом плоскодонного сосуда на дисковидном поддоне. Диаметр поддона 4,2 см. По-

лива темно-коричневого цвета покрывает полностью изделие изнутри, с внешней стороны поддон и донная часть не имеют поливы. Цвет формовочной массы серый, примесь визуально не фиксируется.

Группа V. Керамика с серой поливой

Керамика с покрытием серой поливой представлена фрагментами 2 изделий: столовой тарелки и тарной бутылки.

Тарелка (1 экз.) представлена 2 апплицирующимися мелкими фрагментами плоской донной части. Фрагменты покрыты поливой серого цвета с одной стороны и синевато-серого цвета с другой. Цвет формовочной массы белый, без видимых примесей.

Бутылка (1 экз.) представлена 2 фрагментами тулова цилиндрической формы с серой поливой снаружи и коричневой поливой изнутри. Формовочная масса серого цвета, без видимых примесей.

Группа V. Керамика с синей поливой

Керамика с синей поливой представлена двумя очень мелкими фрагментами, в связи с чем форму изделий и их функциональное назначение установить невозможно. Глазурь синего цвета покрывает один фрагмент с обеих сторон, другой фрагмент покрыт синей глазурью только с наружной стороны, с внутренней стороны фрагмент покрыт глазурью бежевого цвета. Цвет формовочной массы бежевый, примесь визуальной не фиксируется.

IV. Обсуждение. Вызывает интерес вопрос о происхождении поливной гончарной керамики, обнаруженной на территории Якутии. Можно предположить, что производство гончарной ке-

рамики русские ремесленники осваивали на месте, так как экспортировать керамическую посуду на столь дальнее расстояние, из центральной России было экономически нецелесообразно, однако до настоящего времени остатков гончарного круга не обнаружено ни в ходе раскопок на территории г. Якутска, ни в ходе раскопок других ранних русских поселений на территории Якутии. Возможно, при увеличении площади археологических исследований подобного рода памятников, свидетельства освоения технологии изготовления гончарной керамики здесь будут обнаружены.

Также не обнаружено свидетельств, позволяющих предположить местное происхождение поливной керамики. Однако, учитывая высокое качество поливной посуды и более высокие требования к технологическому процессу ее изготовления, даже в сравнении с гончарной керамикой, логичнее утверждать, что она являлась рыночным товаром, привезенным из центральной России.

По сути полива (глазурь) для керамики в своей основе – это стекло. Таким образом, при изготовлении поливной керамики требуется высокотемпературная термическая обработка. Легкоплавкие глазури обжигаются при температуре 900-1000°C, тугоплавкие – выше 1230°C, что предполагает обжиг в специальных печах. Изучаемая коллекция представлена в основном черепками хорошо прокаленных изделий, о чем свидетельствует однородный кирпичный цвет на изломе большинства изделий. Скорее всего, они изготовлены с использованием высокотемпературного обжига 4 вида (по Ю.Б. Цетлину), для которого характерно медленное поднятие температуры выше предела каления глины (650°C), длительная выдержка при конечной температуре и медленное остывание в обжигательном устройстве [Цетлин, 2017: 39; 298].

Поливную керамику в Сибири XVII–XIX вв. находят довольно часто, но в небольших количествах, что объясняется сложностью процесса производства, привозным характером, и, как следствие, ее сравнительно дорогой стоимостью. В это время поливная керамика являлась социально престижной и стоила значительно дороже обычной керамики, приобрести ее могли только зажиточные горожане и крестьяне.

Так, например, в конце XIX в. в Тобольской губернии неполивная посуда стоила 1-3 копейки, а поливная от 4 до 10 копеек за штуку [Татаурова, 1997: 14]. В Якутске, вероятно, ситуация была схожей. По мнению некоторых исследователей, в Сибирь из европейской части России завозили в основном парадную столовую посуду, а производство повседневной посуды прибывающее сюда население постепенно осваивало на месте [Визгалов, Пархимович, 2008: 118]. Поливную керамику можно отнести к ряду парадной посуды, являвшейся частью русского импорта. О привозном характере поливной керамики в Сибири говорят и исследователи наиболее хорошо изученной на сегодняшний день тобольской керамики [Балунов, 2015: 84]. То, что поливная керамика изначально не была рассчитана на широкий спрос, отмечают и исследователи ранней русской поливной керамики [Макарова, 1963: 250].

Массовое распространение поливной керамики в Сибири приходится на начало XVIII в. [Загваздин, Загваздина, 2020: 81; Колонцов, Воробьев, 2001: 156]. К этому времени, вероятно, следует отнести и начало экспорта поливной керамики в Якутию.

Как известно, цветная глазурь содержит специальные красящие пигменты в виде соединений легкоплавких металлов – свинца, мышьяка, олова и т.п. [Цетлин, 2017: 40]. В ходе дальнейших исследований поливной керамики Якутска следует выполнить спектральный анализ кроющих глазури для определения входящих в их состав химических компонентов и возможного на этой основе выявления центров ее происхождения.

V. Заключение. Полученная в ходе раскопок на ул. Ярославского коллекция поливной керамики является достаточно представительной и позволяет реконструировать некоторые аспекты жизни и быта горожан XVIII – нач. XIX вв.

В коллекции выделены группы керамики с зеленой, желтой, оранжевой, коричневой, серой и синей поливой, являвшиеся предметом русского импорта и представлявшие собой социально престижную посуду.

Относительная компактность размещения обнаруженных фрагментов поливной керамики в пределах раскопа может свидетельствовать о том, что в данной части города в указан-

ный период располагались подворья достаточно зажиточных высокостатусных горожан.

В соответствии с функциональным назначением основная часть коллекции отнесена к столовой посуде, возможно, парадной, другая, незначительная, часть – к хозяйственной тарной посуде. Столовая посуда представлена посудой общего пользования: мисками (в том числе с заступом под крышку), горшком (?), блюдом, а также индивидуальной посудой – тарелками и кружкой. Формы сохранившихся поддонов столовой посуды относятся к дисковидным и кольцевым. Тарная посуда представлена фрагментами бутылок.

Также в результате визуального наблюдения выделены различные формовочные массы, использовавшиеся при изготовлении поливной керамики исследуемой коллекции, бежево-красного, коричневого, серого и белого цвета в обожженном состоянии с примесями песка, сухой глины, извести (?), угля, а также без видимых примесей, что может быть косвенным свидетельством ее происхождения из различных производственных центров.

Список литературы:

- Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии СО РАН, 1996. 152 с.
- Балюнов И.В. Керамические комплексы Тобольска конца XVI – начала XX века (характеристика источников) // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей к 50-летию Л.В. Татауровой. Омск: Издатель-Полиграфист, 2015. С. 80–92.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.
- Загваздин Е.П., Загваздина Я.Г. Глиняная посуда конца XVI – первой четверти XVIII вв. с Софийского двора Тобольского кремля и Верхнего посада: сравнительно-морфологический анализ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 73–84.
- Колонцов С.В., Воробьев А.А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 154–158.
- Кузнецова С. «Публика пьет их чуть ли не с азартом». Почему обыкновенная газировка очень долго была в России элитным напитком // Газета «Коммерсантъ» от 11.08.2017 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3379829> (дата обращения 26.09.2021).
- Макарова Т.И. О происхождении поливной посуды на Руси // Советская археология. 1963. № 2. С. 246–250.
- Мельников Б.В. Гончарная керамика археологических памятников Сибири XVII–XVIII вв. // Керамика как исторический источник. Тезисы докладов и материалы конференции. Тобольск: Тобольский государственный педагогический университет им. Д.И. Менделеева, 1996. С. 43–45.
- Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 1. Якутск: Якутская государственная типография, 1945. 100 с.
- Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск. Древнерусский заполярный город. М.: Наука, 1977. 210 с.
- Подгорбунский В.И. Заметки о гончарстве якутов. Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского Географического Общества, 1928. С. 20 и табл.
- Прыткова Н.Ф. Глиняная посуда якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 147–164.
- Работы института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера в Якутии и на севере Хабаровского края / Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Обутов И.П., Петров Д.М., Соловьёва Е.Н., Строгова Е.А., Сыроватский В.В. // Археологические открытия. 2016 год. М: ИА РАН, 2018. С. 460–467.
- Результаты дендрохронологической датировки Стадухинского острога / Жарников З.Ю., Визгалов Г.П., Князева Е.В., Коноваленко М.В., Мыглан В.С. // Российская археология, 2014. № 2. С. 164–170.
- Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968. 124 с.
- Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
- Старков В.Ф. Оленекское зимовье – исторический памятник Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 289–298.
- Старков В.Ф. Раскопки Оленекского зимовья XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. в 2-х томах. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. Том I. С. 281–287.
- Строгова Е.А. Археологические работы на территории Якутского острога: первые результаты // Культура русских в археологических исследованиях: материалы V Международной научной конференции. Т.1. Омск–Тюмень–Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. С. 170–175.

Татаурова Л.В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX веках (по данным археологии и этнографии). Автореф. дис... канд. истор. наук. Барнаул, 1997. 18 с.

Федосеева С.А. Археологическое изучение Якутии за 50 лет // Вопросы историографии и источниковедения Якутии. Якутск, 1971. С. 18–32.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с., ил.

References:

Alekseev A.N. *Pervye russkie poselenija 17–18 vv. na Severo-Vostoke Jakutii* [First Russian settlements of the XVII-XVIII centuries in the North-East of Yakutia]. Novosibirsk: Institute of Archaeology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 152 p. (In Russian)

Baljunov I.V. *Keramicheskie komplekсы Tobol'ska konca XVI – nachala XX veka (harakteristika istochnikov)* [Ceramic complexes of Tobolsk of the late 16th – early 20th centuries (characteristics of sources)]. *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah: sbornik nauchnyh statej k 50-letiju L.V. Tataurovoj*. [Russian culture in archaeological research: a collection of scientific articles dedicated to the 50th anniversary of L.V. Tataurova]. Omsk: Publisher-Polygraphist, 2015. Pp. 80-92. (In Russian)

Cetlin Ju.B. *Keramika. Ponjatija i terminy istoriko-kul'turnogo podhoda* [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 2017. 346 p.: ill. (In Russian)

Fedosееva S.A. *Arheologicheskoe izuchenie Jakutii za 50 let* [Archaeological study of Yakutia in 50 years]. *Voprosy istoriografii i istochnikovedenija Jakutii* [Issues of Historiography and Source Studies in Yakutia]. Yakutsk, 1971. Pp. 18-32. (In Russian)

Koloncov S.V., Vorob'ev A.A. *Materialy Ust'-Tartasskogo forposta* [Materials of the Ust-Tartas outpost]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2001. № 3. Pp. 154-158. (In Russian)

Kuznetsova S. "Publika p'et ikh chut' li ne s azartom". *Pochemu obyknovennaya gazirovka ochen' dolgo byla v Rossii elitnym napitkom* ["The public drinks them almost with passion". Why ordinary soda has been an elite drink in Russia for a very long time]. *Gazeta "Kommersant" ot 11.08.2017 goda* [Newspaper "Kommersant" dated 11.08.2017]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3379829> (date of the application: 26.09.2021) (In Russian)

Makarova T.I. *O proishozhdenii polivnoj posudy na Rusi* [On the origin of glazed dishes in Russia]. *Sovets-*

kaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1963. № 2. Pp. 246-250. (In Russian)

Mel'nikov B.V. *Goncharnaja keramika arheologicheskikh pamjatnikov Sibiri XVII-XVIII vv.* [Pottery from archaeological sites in Siberia in the 17th – 18th centuries]. *Keramika kak istoricheskij istochnik. Tezisy dokladov i materialy konferencii 16 – 18 aprelja 1996g.* [Ceramics as a historical source. Theses of reports and materials of the conference April 16 – 18, 1996.]. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical University D.I. Mendelev, 1996. Pp. 43-45. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Lenskie drevnosti* [Lena Antiquities]. Issue. 1. Yakutsk: Yakutsk State Printing House, 1945. 100 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Gogolev Z.V., Ashhepkov E.A. *Drevnij Zashiversk. Drevnerusskij zapoljarnyj gorod* [Ancient Zashiversk. Ancient Russian polar city]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 210 p. (In Russian)

Podgorbunskij V.I. *Zametki o goncharstve jakutov* [Notes on Yakut pottery]. Irkutsk: Edition of the East Siberian Department of the State Russian Geographical Society, 1928. Pp. 20 and tab. (In Russian)

Prytkova N.F. *Glinjanaja posuda jakutov* [Yakut pottery]. *Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Volume. XVI. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. Pp. 147-164. (In Russian)

Raboty institute gumanitarnyh issledovanij i problem malochislennyh narodov Severa v Jakutii i na severe Habarovskogo kraja [Works of the Institute for Humanitarian Research and Indigenous Studies of the North in Yakutia and in the North of the Khabarovsk Territory] / Bravina R.I., D'jakonov V.M., Nikolaev E.N., Obutov I.P., Petrov D.M., Solov'jova E.N., Strogova E.A., Syrovatskij V.V. *Arheologicheskie otkrytija. 2016 god* [Archaeological discoveries. 2016]. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 2018. Pp. 460-467. (In Russian)

Rezul'taty dendrochronologicheskoi datirovki Stadhinskogo ostroga [The results of dendrochronological dating of the Staduhinsky prison] / Zharnikov Z.Ju., Vizgalov G.P., Knjazeva E.V., Konovalenko M.V., Myglan V.S. *Rossijskaja arheologija* [Russian archeology]. 2014. № 2. Pp. 164-170 (In Russian)

Rozenfel'dt R.L. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII-XVIII vv.* [Moscow ceramic production of the 12-18 centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1968. 124 p. (In Russian)

Seroshevskij V.L. *Jakuty. Opyt jetnograficheskogo issledovanija* [Yakuts. The experience of ethnographic research]. Moscow, 1993. 736 p. (In Russian)

Starkov V.F. *Olenjokskoe zimov'e – istoricheskij pamjatnik Vostochnoj Sibiri* [Olenyok winter hut - a his-

torical monument of Eastern Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2013. № 3 (23). Pp. 289-298. (In Russian)

Starkov V.F. Raskopki Olenjokskogo zimov'ja XVII v. [Excavations of the Olenyok winter hut of the 17th century]. *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah: sb. nauch. st: v 2-h tomah* [Russian culture in archaeological research: a collection of scientific articles: in 2 Volumes]. Volume 1. Omsk-Tyumen-Yekaterinburg: Magellan Publ., 2014. Pp. 281-287. (In Russian)

Strogova E.A. Arheologicheskie raboty na territorii Jakutskogo ostroga: pervye rezul'taty [Archaeological work on the territory of Yakutsk prison: the first results]. *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah: sb. nauch. st: v 2-h tomah* [Russian culture in archaeological research: a collection of scientific articles: in 2 Volumes]. Volume 1. Omsk-Tyumen-Yekaterinburg: Magellan Publ., 2014. Pp. 170-175. (In Russian)

Tataurova L.V. *Keramicheskoe proizvodstvo Nizhnej Tary v XVII–XX vekah (po dannym arheologii i etnografii): Autoref. dis... cand. istor. sciences* [Ceramic production of Lower Tara in the 17th–20th centuries (according to archeology and ethnography)]. Barnaul, 1997. 18 p. (In Russian)

Vizgalov G.P., Parhimovich S.G. Mangazeja: Novye arheologicheskie issledovanija (materialy 2001-2004 gg.) [Mangazeya: New Archaeological Research (materials 2001-2004)]. Yekaterinburg-Nefteyugansk: Magellan Publ., 2008. 296 p. (In Russian)

Zagvazdin E.P., Zagvazdina Ja.G. Glinjanaja posuda konca XVI – pervoj chetverti XVIII v. s Sofijskogo dvora Tobol'skogo kremlja i Verhnego posada: sravnitel'no-morfologicheskij analiz [Pottery of the late 16th – first quarter of the 18th centuries. from the Sophia Court of the Tobolsk Kremlin and Upper City: Comparative Morphological Analysis]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2020. № 4 (51). Pp. 73-84. (In Russian)

E.N. Solovyova

Glazed Ceramics of 18th – Early 19th Century in the Ceramic Complex of Yakutsk (Based on Archeological Excavations on Yaroslavskogo Street)

Scientific novelty. The materials of the glazed ceramics collection of the 18th – early 19th centuries in Yakutsk obtained during archaeological excavations in the field season of 2020, are being introduced into scientific circulation at the site on the 31 Yaroslavskogo St., planigraphically included in the boundaries of the historical part of the city.

The aim of this article is to identify the typological features of the collection of glazed ceramics of the 18th – early 19th centuries obtained during field research in the historical part of Yakutsk. Based on the goal of the study the following *tasks* were defined: identification of the glazed ceramics groups in accordance with the color of the opaque glaze; determination of the shape of vessels in accordance with their morphological features; determination of their functional purpose and determination of the role of ceramics of this type in the everyday life of citizens.

Research methods. In the course of the study were used comparative-typological and comparative-morphological methods on the basis of which the collection was classified according to the type of glazing, the shape of the products and their functional purpose.

Results. As a result of the study it was found that glazed ceramics make up an insignificant part of the ceramic complex obtained during excavations in 2020. The basis of the collection of the glazed ceramics is tableware most likely ceremonial ware for general and individual use. Six groups of ceramics are distinguished in accordance with the color of glaze. It has been established that different molding masses were used for the manufacture of this type of ceramics which is probably due to its export from different production centers.

Keywords: Yakutsk, ceramic complex, glazed ceramics, cultural horizon, Modern time

Периодическая печать как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв.: предварительный обзор

В данной статье рассматривается периодическая печать Восточной Сибири как источник по истории археологических исследований. Автором в ходе исследования был изучен специальный научный журнал Восточно-Сибирского отделения ИРГО – «Известия ВСОИРГО», а также две иркутские газеты: еженедельник «Университетское слово» и ежедневный печатный орган «Власть труда».

Научная новизна работы заключается в пионерном анализе периодической печати как источника по истории археологических исследований Восточной Сибири второй половины XIX – первой трети XX вв.

Цель исследования заключается в изучении периодической печати как источника по археологическим исследованиям Восточной Сибири. Для достижения цели были поставлены *задачи*: изучить периодическую печать Восточной Сибири и выделить данные об археологических исследованиях региона; произвести качественный анализ полученных сведений; установить значимость данного вида источников в изучении темы исследования; обобщить и систематизировать сведения.

Методами выступили обобщение, анализ, системный подход, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Результаты. В общей сложности количество выявленных источников насчитывает более пяти сотен. Обнаруженные сведения объединены в тематические группы и проанализированы. «Известия ВСОИРГО» были признаны основным и наиболее авторитетным изданием, в связи с чем рассматривались в отрыве от газет. Результатом стало выделение четырех групп сведений: данные об экспедициях и статьи исследователей; протоколы заседаний общества; некрологи; прочие данные, к которым относятся сведения о выдаче открытых листов, данные об экскурсиях, информация о поступающих экспонатах, книгах и рукописях. Материалы «Университетского слова» и «Власти труда» образовали общие группы сведений: упоминания о деятельности ВСОИРГО; информация о деятельности археологов – сотрудников ИГУ; сведения о кружке «Народоведение»; статьи археологов; некрологи; прочие данные. Дальнейшее изучение периодики предоставляет перспективу деления всех обнаруженных данных по географическому признаку.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, периодическая печать, археологические исследования, «Известия ВСОИРГО», «Власть труда», «Университетское слово», П.П. Хороших, И.Д. Черский, Б.Э. Петри

I. Введение. Современные исследования специалистов-археологов охватывают самый широкий спектр вопросов, прямо или косвенно связанных с предметом их научного интереса. Занимаясь составлением раздела об истории изучения какого-либо памятника, культуры, конкретного артефакта, в первую очередь обращаются к отчетам, отдельным публикациям или монографиям. При этом такой вид источника, как периодическая печать остается невостребованным. У данного явления существует совершенно объективная причина: у исследователя

нет достаточного количества времени, требующегося для обработки десятков, сотен и даже тысяч номеров издания. Большое количество материалов, подлежащих внимательной проработке, сопряженной с высоким риском не обнаружить вообще ничего подходящего, определяет пренебрежительное отношение археологов к периодике. Создание сводного труда, вмещающего в себя все сведения и упоминания об археологии Восточной Сибири на страницах периодической печати, необходимо для того, чтобы облегчить поиск полезной информации и актуализировать за-

бытые ныне яркие сюжеты из истории археологического обследования региона.

Поскольку периодическую печать как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири до нашего времени никто не изучал, мы были вынуждены обратиться к общим трудам по источниковедению и периодике.

Первую историческую группу образует дореволюционная историография. Следует обратить пристальное внимание на тот факт, что именно во второй половине XIX в. происходит формирование периодической печати как непосредственного источника информации, поэтому, разумеется, специальных трудов, исследующих газеты и журналы как ценный источник, просто не существует. В связи с этим вектор исследования степени изученности темы был направлен на поиск трудов дореволюционного периода, включавших в себя обзор археологических исследований региона. Одна из первых работ подобного плана принадлежит перу Н.И. Попова (1871). Очерк этот наполнен интереснейшей информацией об археологических изысканиях в Сибири. Большой интерес в этом направлении представляет и доклад Н.Н. Агапитова (1887) на пятом археологическом съезде в Тифлисе, в котором дан подробный обзор археологических исследований. Отметим, что, несмотря на малочисленность работ по данной тематике, дореволюционные обобщающие труды публиковались именно в изданиях периодической печати, что немаловажно в рамках нашего исследования.

Вторую историческую группу образует советская историография. Периодическая печать как исторический источник была признана в классификации Э. Бернгейма, в которой она отнесена к категории «Сообщения и предания, состоящие из устных преданий и письменных преданий». В классификации В. Бауэра газеты отнесены к публицистическим произведениям. Обе эти классификации, включающие периодическую печать, отражены в работе советского ученого Г.П. Саара «Источники и методы исторического исследования» (1930). Отметим тот факт, что Г.П. Саар обращает внимание исследователя на важность и значимость объявлений на страницах газет и журналов, а основной вывод его работы состоит в том, что публицистика XIX–XX вв. – один из важнейших источников. Отмечается также, что до времени создания

этой работы публицистические произведения недостаточно используются в качестве источника. Г.П. Саар призывает историков обратить свое пристальное на это внимание.

Автор весьма примечательного труда «Источники и методы исторического исследования» ссылается и на С.А. Жебелева, в классификации источников которого упоминаются газеты. Примечательно, что Жебелев известен также благодаря своей работе «Введение в археологию» в двух частях. Следует подробнее остановиться на данной работе, поскольку ее автор большое внимание уделяет периодическим изданиям. Сергей Александрович значительную часть своего труда (1923а) посвящает обзору и характеристике различных зарубежных археологических обществ, обращая внимание читателя на издательскую деятельность этих организаций. С.А. Жебелев подробно описывает специальные периодические труды, структурируя при этом типы предлагаемых целевой аудитории материалов, указывая в их числе краткие заметки, небольшие и крупные статьи и даже целые монографии. Помимо деятельности зарубежных образований, Сергей Александрович не забывает и об отечественных археологических обществах. Их издательская деятельность в равной степени с зарубежными журналами анализируется автором труда и характеризуется как очень полезная и необходимая современному научному миру. Следует упомянуть и о том, что Жебелев в своем «Введении в археологию» подвергает критическому анализу описываемые им специальные периодические издания, подразделяя их на научно-популярные и научные. Вывод Жебелева состоит в необходимости создания общих сводов материалов периодических изданий для облегчения работы археологов (1923б).

Возвращаясь к трудам различных исследователей, вспомним работу А. Шестакова «Методика исторического исследования (из опыта для опытов)» (1929). Далее обратимся к С.Н. Быковскому. В своей работе «Методика исторического исследования» (1931) он предпочитает не выделять периодике в отдельный вид источников, компенсируя это признанием газеты как особой формы издания, что не влияет, по мнению автора, на ее анализ.

С этого момента периодическая печать как исторический источник официально признает-

ся. Ее описание и анализ дается во всех последующих учебных пособиях и монографиях, в т.ч. в монографии А.П. Пронштейна «Методика исторического исследования» (1971), где периодика выделена в отдельный вид источников и описана методика работы с ней, а также в трудах О.М. Медушевой (1977), В.Л. Янина (1977), И.Д. Ковальченко (1987) и др. Таким образом, советская историография ввела в научный оборот и закрепила периодическую печать в ряду исторических источников.

Третью группу литературы образует постсоветская историография. В этот период появляются статьи исследователей, посвященные непосредственно периодической печати как источнику, при этом отмечается тенденция увеличения числа публикаций, созданных непосредственно на основе газет и журналов. Их отличительной особенностью является преобладание этого типа источников перед другими. Ярким примером является работа Е.К. Нетужилова «Церковная периодическая печать в России XIX столетия» (2008), заслуживают внимания и труды В.В. Шевцова (2013), Н.Н. Радченко (2020), и др. Отличительной чертой постсоветской литературы по периодической печати является использование ее как самостоятельного источника в ходе изучения какой-либо темы. Так, определенный вопрос или хронологический период может исследоваться теперь только с позиций периодики, опираясь на материалы газет и журналов.

Использование периодической печати как основного источника для конкретного исследования отметим в постсоветский период и в работах, посвященных Восточной Сибири, здесь следует особенно выделить исследовательскую деятельность О.Д. Якимова. Его перу принадлежат такие работы, как «Периодическая печать Восточной Сибири: у истоков» (2011), «Периодическая печать Восточной Сибири и ее трансформации» (2014), «Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: От возникновения до наших дней» (2000), «Очерки истории печати Якутии: От февр. 1917 г. до краха КПСС» (2004) и ряд других работ. Олег Дмитриевич Якимов посвятил свою профессиональную деятельность подробному обзору и анализу периодической печати Восточной Сибири и изучил процессы, происходившие в пе-

чати Восточной Сибири XIX–XX вв. О.Д. Якимов является научным авторитетом в области формирования и современного функционирования многонациональной печати в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, в постсоветской историографии было продолжено изучение периодической печати как отдельного источника и предприняты шаги по исследованию газет и журналов для изучения истории археологических исследований.

Изучая местные периодические издания второй половины XIX – первой трети XX вв., мы имеем возможность подробно рассмотреть огромный пласт уникальных сведений по теме исследования, заключенных на страницах газет и журналов. Удивительно, но даже издания, ориентированные на самый широкий круг читателей, с завидной регулярностью публиковали статьи и заметки о событиях научной жизни региона. Археологическое направление исследовательской деятельности не было исключением, а самые интересные сюжеты время от времени попадали в периодику.

Еще интереснее обстоит дело со специальными периодическими изданиями, целевая аудитория которых состоит из ученых-профессионалов естественных и гуманитарных направлений. Благодаря таким источникам, мы имеем возможность ознакомиться с непосредственными научными изысканиями, представленными в виде подробных отчетов, статей и заметок исследователей.

Теоретическая и практическая значимость. Вводя в научный оборот приведенные далее сведения, автор предполагает в дальнейшем использование их для составления полноценного перечня материалов с тематическим, географическим, хронологическим и иными указателями. В случае формирования на основе сведений различных сводных научно-справочных изданий, исследователи-археологи и представители смежных дисциплин получают доступ к важной информации по тому или иному вопросу, затерянной на страницах периодики. Это обстоятельство позволит наиболее полно осветить историю археологических изысканий в Восточной Сибири в целом и на отдельных территориях в частности.

II. Материалы и методы. В ходе нашего исследования было рассмотрено более пятидесяти

томов журнала «Известия ВСОИРГО», около трех тысяч номеров ежедневника «Власть труда» и два десятка номеров еженедельника «Университетское слово» за 1923 г. Тщательная проработка каждого источника обнаружила внушительное количество интереснейших материалов по археологии Восточной Сибири, в общей сложности насчитывающее более пятисот единиц упоминаний. На основании количественного подсчета схожих между собой по тематике сведений было произведено тематическое объединение. Автор на существующем этапе ведения своих исследований воздерживается от публикации точной количественной групповой принадлежности данных по причине динамичного пополнения заявленных тематических объединений за счет других периодических изданий указанного периода, для которых еще не составлен обзор. При этом предлагается процентное соотношение групп сведений. Не исключается и дальнейшее корректирование заявленных объединений, их расширение или сужение в ходе будущих исследований.

В нашем исследовании анализу были подвергнуты разные виды периодической печати: журналы и газеты. Данная статья подготовлена на материалах журнала «Известия ВСОИРГО» и газет «Власть труда» и «Университетское слово», где были опубликованы отдельные статьи по исследуемой тематике. Встреченные на страницах изданий упоминания из разных видов источников не соединяются автором в единые группы сведений, а образуют индивидуальные объединения отдельно для газет и отдельно для журнала. Целью создания предварительного обзора, объединяющего в себе все изученные источники, является ознакомление научного общества с результатами нашего исследования в одной работе.

Среди теоретических методов использовались обобщение, анализ и системный подход, из специальных применялись сравнительно-исторический и историко-генетический методы. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить данные из местной периодической печати между собой и сформировать единые тематические группы материалов. Историко-генетический метод позволил изучить процесс отражения данных об археологических исследованиях Восточной Сибири в местной

периодической печати и проследить явление трансформации опубликованных материалов по мере изменения социальных и политических реалий.

Хронологические рамки исследования располагаются в границах второй половины XIX – первой трети XX вв. и определяются открытием в 1851 г. Сибирского отделения Императорского Русского Географического Общества, с одной стороны, и наступлением качественно нового этапа археологических исследований региона после смены политического и общественного устройства страны – с другой.

III. Результаты.

«Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического Общества» — главный источник в ряду периодических изданий по изучению истории археологических исследований региона [Рахматуллина, 2021]. В 1851 г. в Иркутске открывается Сибирский отдел Императорского Русского Географического Общества, и вследствие этого исследовательская деятельность в регионе заметно оживляется. Свой печатный орган появляется у СОИРГО уже в 1856 г. – «Записки СОИРГО». Здесь публиковались научные труды местных исследователей, отчеты о проведенных экспедициях, различные краеведческие статьи, протоколы заседаний общества и распорядительного комитета. С 1870 г. вместо «Записок» стали издаваться «Известия СОИРГО» (с 1878 г. – «Известия ВСОИРГО»), которые после революции были переименованы в «Известия ВСОИРГО», а сам Восточно-Сибирский отдел вплоть до начала 30-х гг. XX в. руководил всей научно-исследовательской работой в означенном регионе.

При обобщении помещенных в «Известиях» сведений были определены тематические группы обнаруженных материалов: данные об экспедициях и статьи исследователей (55%); протоколы заседаний общества (25%); некрологи (10%); прочие данные, к которым относятся сведения о выдаче открытых листов, данные об экскурсиях, информация о поступающих экспонатах, книгах и рукописях (10%).

Печатный орган ВСОИРГО предназначался для публикации трудов ученых по общим исследованиям Сибири, что предполагало археологические, этнографические, географические,

геологические, ботанические и др. изыскания. «Известия ВСОИРГО» изначально создавались для публикации работ ученых-исследователей, поэтому данная группа сведений – одна из самых обширных.

Среди наиболее активных исследователей Сибири, регулярно публиковавшихся в «Известиях», назовем И.Д. Черского. Иван Дементьевич Черский, будучи разносторонним специалистом, фактически является одним из прародителей т.н. междисциплинарного подхода в археологии. Изучая останки древних животных, И.Д. Черский не обходился вниманием и условиями их залегания в почвах, и встречающийся (если таковой имелся) инвентарь, принадлежавший древнему человеку. В качестве примера приведем статью «Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода»¹. Автор описывает коллекцию, состоящую из различных изделий из мамонтового бивня, пробурованных клыков оленя, каменных стрел, глиняных изделий и необработанных костей некоторых животных. Стоянка, о которой идет речь в статье Ивана Дементьевича, знаменита сегодня как первый памятник эпохи палеолита, открытый в России, Военный госпиталь. Долгое время местонахождение Военный госпиталь носило название «иркутская находка 1871 года». Первые раскопки проводились под наблюдением А.Л. Чекановского и И.Д. Черского поочередно осенью 1871 г. [Каменный век..., 2001]

В томе 10 помещена еще одна статья Ивана Дементьевича – «Описание некоторых ископаемых остатков млекопитающих животных, вырытых в Нижнеудинской пещере»². Работа эта примечательна тем, что является, во-первых, продолжением отчета, помещенного в выпусках 2 и 3 тома 7 «Известий», а во-вторых, весьма информативна. Иван Дементьевич на материалах ископаемых животных Восточной Сибири, собранных за 6 лет исследований, выделяет 31

вид, в том числе «Ното (человек)», мамонт, носорог, северный олень, лось, антилопа и др. Характеризуя древнего человека как вид, И.Д. Черский упоминает о каменных, костяных и глиняных изделиях «около нового военного госпиталя» и об отчасти обработанной кости, найденной по р. Ушаковка, ссылаясь при этом на свои более ранние статьи, также помещенные в «Известиях ВСОИРГО».

Специальные статьи об археологических находках и исследованиях вообще публикуются в «Известиях» с конца XIX в.: «Интересный экземпляр каменной стрелки, найденной в Якутской области»³ Н.Н. Виташевского, «Материалы к археологии реки Илама» Я. Н. Ходукина, «Неолитический могильник в местности Хапцагай» А.П. Окладникова, «Археологические находки вблизи деревни Верхне-Метляево» и «К материалам по изучению Ангарского неолита»⁴ Г.М. Константинова; «Раскопки в Горохово, окрестности Иркутска, летом 1924 года»⁵ В. И. Подгорбунского.

Невозможно представить себе «Известия ВСОИРГО» без протоколов заседаний ВСОИРГО. Они повествуют о деятельности указанного научного общества, в т. ч. в них можно встретить данные о поступлении новых экспонатов в музей отдела, переданных частными лицами либо исследователями после экспедиций. К примеру: «...все археологические остатки будут передаваться в Отдел...» или «Доложено, что Член Отдела Н.М. Козьмин представил для напечатания в Известиях статью «Следы каменного века в долине р. М. Патом Олекминского округа» и коллекцию ископаемых костей и дерева, найденных при поисковых работах на р. М. Патом»⁶; «Кроме материалов, принадлежащих ВСОИРГО и Научному музею, в витрине Отдела экспонировались предметы, принадлежащие П.П. Хороших и Б.Э. Петри»⁷.

Важным явлением назовем некрологи, размещенные в «Известиях». Так, на страницах

¹Известия СОИРГО. Иркутск, 1872. Т. 3. № 3. С. 167–172.

²Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1879. Т. 10. № 1–2. С. 7–36.

³Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1899. Т. 30. № 1. С. 52–54.

⁴Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1928. Т. 53. 152 с.

⁵Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1928. Т. 54. С. 95–102.

⁶Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 1. С. 3.

⁷Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1924. Т. 47. С. 5.

журнала можно встретить некрологи, посвященные И.Д. Черскому¹, Н.М. Ядринцеву и А.В. Потаниной (некролог посвящен сразу двум исследователям)², А.В. Григорьеву³, Д.А. Клеменцу⁴ и др.

Известную часть сведений не представляется возможным отнести к какой-либо категории. Например, данные об археологических экскурсиях. Так, в 1897 г. в музее отдела посетители заслушали объяснение коллекции каменного века, найденной Н.И. Витковским на берегу реки Китой⁵. Вопросы об открытых листах также не были выделены нами в отдельную группу ввиду их малочисленности. Например, встречаются такие сообщения: «Доложено отношение Императорской Археологической Комиссии с открытыми листами на право производства раскопок по линии жел. дороги от Иркутска до озера Байкала членами Отдела гг. Меклеру, Овчинникову и Шмидту, которые Комитет испросил у Комиссии»⁶; «Канцелярия Императорской Археологической Комиссии просит доставить сведения о результатах раскопок Ю.Я. Меклера и возвратить ей открытый лист»⁷. Единичными являются упоминания о поступающих в библиотеку книгах и рукописях, об издании каталога доисторической археологии, составленного М.П. Овчинниковым⁸ и т. д. Материалы эти, хотя и единичны, отражают многогранную деятельность Восточно-Сибирского Отдела ИРГО.

Сведения, помещенные в «Известиях», имеют высокую степень информативности и демонстрируют широкий охват научно-исследовательской деятельности ВСОИРГО. Это и экспедиционная деятельность, и направления научных интересов ученых, и анализ поступающих в распоряжение Отдела предметов древности, и многое другое. Уникальная историческая значимость и историографическая актуальность данного издания совершенно неоспорима.

Перейдем к анализу такого вида периодической печати, как газеты. Для создания высокой степени значимости обзора какого-то одного издания недостаточно. Мы постараемся дать общий анализ материала, обнаруженного на страницах иркутских газет, рассматривая его как единое целое, а не подразделяя встретившиеся нам данные по конкретным изданиям, поскольку излишнее дробление информации не ведет к качественному ее осмыслению, и, только сопоставляя, мы имеем возможность собрать полноценную картину исследуемого вопроса.

На данном этапе работы с периодикой удалось изучить такие газеты, как «Власть труда» [Харисова, 2020а] и «Университетское слово» [Харисова, 2020б]. Абсолютно разнонаправленные, эти издания прекрасно отражают современные им веяния в научной жизни Восточной Сибири. «Власть труда» – иркутская ежедневная газета, выходившая с 1917 по 1930 гг. В отличие от «Известий ВСОИРГО», данная газета не является специальным печатным органом по исследованиям уникального Восточно-Сибирского региона, а представляет собой периодическое издание, помещающее на своих страницах новости разного уровня значимости – от мировых до местных. «Университетское слово» отличается от газеты «Власть труда» тем, что является изданием, предназначенным для публикации новостей научной сферы, в том числе и археологии, а не газетой для широкого круга читателей, что и обеспечивает ей присутствие большого количества материалов, интересующих нас в рамках исследования.

По аналогии с «Известиями ВСОИРГО» все обнаруженные материалы в обеих газетах были разделены на несколько групп: упоминания о деятельности ВСОИРГО (40%); информация о деятельности археологов – сотрудников ИГУ

¹Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1892. Т. 23. № 3. С. 1–4.

²Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1894. Т. 25. № 1. С. 1–28.

³Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1907. Т. 38. С. 1–8.

⁴Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1914. Т. 43. С. 5.

⁵Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 2–3. 341 с.

⁶Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 1. С. 102.

⁷Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1901. Т. 32. № 1–2. С. 221.

⁸Записки СОИРГО. СПб., 1857. Т. 4. 243 с.

(20%); сведения о кружке «Народоведение» (15%); статьи археологов (10%); некрологи (5%); прочие данные (10%).

Необходимые нам сведения по первой группе сперва появляются в газете лишь мельком: «В географическом обществе (в помещении музея) 20 мая, в 7 часов вечера, назначено общее собрание членов для заслушания доклада Б. Э. Петри...»¹; несколько позже становятся более подробными, включая в себя планы общества, информацию о выставках, проектах, специально для этого помещается раздел «В Восточно-Сибирском отделе Географического общества», где тщательно расписываются предстоящие мероприятия².

Столь же регулярно встречаются сведения о сотрудниках ИГУ и их деятельности, помещается материал о кандидатурах на размещение кафедр университета³, об экспедициях, как, к примеру, экспедиция Б.Э. Петри в Киренский уезд и Монголию⁴ и т. п. Как и в случае с упоминаниями о деятельности ВСОРГО, для публикации материалов касательно кружка «Народоведение» также был введен специальный раздел под названием «В научном кружке народоведения». Раздел этот помещал материалы о заслушании докладов на заседании кружка, давал подробное их описание⁵, приводил заметки о задачах, целях и планах этого научного объединения, передавал данные о количественном составе участников, тематике докладов и лекций, об экскурсиях и поездках⁶.

Следующая, чрезвычайно многочисленная группа материалов – статьи археологов. Для повышения интереса публики к археологическим исследованиям и к науке вообще в газетах печата-

ли заметки и полноценные обзорные статьи исследователей. Все они по большей части помещались в разделе «Научное обозрение». Часто использовался и такой способ привлечения внимания читателей, как продолжающиеся статьи, помещенные в нескольких номерах подряд. Таким образом, редакторы возбуждали любопытство аудитории и поддерживали ее заинтересованность. Таковыми в основном были статьи П.П. Хороших о древних кладбищах⁷ и «К археологии Байкала»⁸.

Среди единичных статей отметим работы «Тайна шаманского камня» В. М. Сосновского⁹, «К палеонтологии» (в статье имеется ряд упоминаний об археологических находках)¹⁰ и «Памяти дедушки Сибирской археологии М. П. Овчинникова»¹¹ П.П. Хороших и т. д.

Выделенные в отдельную группу некрологи занимают свое место в общем потоке информации по теме. Так, на страницах газеты «Власть труда» приводится некролог, посвященный М.П. Овчинникову¹², также после смерти С.А. Григорьева было помещено сообщение об этом трагическом событии, а в следующем номере опубликован некролог¹³.

Данные, составившие группу «прочее», являются слишком разнообразными и не поддаются сопоставлению. Однако при увеличении количества источников и появлении новых материалов представляется вероятным вычленение дополнительных тематических групп сведений. Следует ограничиться лишь перечислением наиболее ярких упоминаний: небольшая статья «Музеи и охрана памятников старины»¹⁴, «Библиография» со ссылкой на 4-й номер «Этнографического бюллетеня», в котором опубли-

¹Власть труда. Иркутск, 1920. № 156. 4 с.

²Власть труда. Иркутск, 1922. № 747. 4 с.

³Власть труда. Иркутск, 1920. № 238. 4 с.

⁴Университетское слово. Иркутск, 1923. № 21. 4 с.

⁵Власть труда. Иркутск, 1922. № 702. 4 с.

⁶Власть труда. Иркутск, 1922. № 714. 4 с.

⁷Власть труда. Иркутск, 1922. № 714 ; № 660 ; № 662.

⁸Университетское слово. Иркутск, 1923. № 15 ; № 21 ; № 22 ; № 23 ; № 24.

⁹Университетское слово. Иркутск, 1923. № 24. 4 с.

¹⁰Университетское слово. Иркутск, 1923. № 10. 4 с.

¹¹Власть труда. Иркутск, 1922. № 715. 4 с.

¹²Власть труда. Иркутск, 1921. № 473. 2 с.

¹³Власть труда. Иркутск, 1921. № 618 ; № 619.

¹⁴Власть труда. Иркутск, 1921. № 376. 2 с.

кована статья Н. Ауэрбаха «К исторической археологии низовьев Енисея»¹ и т. п.

IV. Обсуждение. На сегодняшний день конкретных исследований по нашей теме не проводилось, поэтому в научном сообществе между учеными-археологами полемика на предмет периодики как источника по истории археологических исследований Восточной Сибири не велась.

Поднимая вопрос о том, насколько периодическая печать вообще заслуживает внимания исследователя, в качестве примера обратимся только к двум работам, т.к. эта тема широко затрагивается у многих авторов и не является основной в наших научных поисках. Уже упомянутый нами Г.П. Саар отмечает особенности всех публицистических произведений (в т. ч. газет), заключающиеся в том, что они имеют целью воздействие на психику читателя, а значит, информация в них дается с преувеличением, преуменьшением, искажением или намеренным замалчиванием. По мнению ученого, в газетной и журнальной информации точность зависит от передачи корреспондента и от деятельности редактора издания [Саар, 1930]. Другой исследователь, А. Шестаков, отмечает специфику периодической печати и включает статьи в журналах, сборниках и газетах в материалы, достойные внимания, однако признает газеты ненадежным источником и относит их к вспомогательным [Шестаков, 1929].

Безусловно, научные и профессиональные журналы не нуждаются в проверке на достоверность приводимых материалов. Работая же с газетами общей направленности для широкого круга читателей, автор данной статьи придерживается осторожности и стремится к поиску статей и публикаций в специальных изданиях, подтверждающих найденные сведения.

Специфика нашего исследования состоит в обработке большого количества источников и извлечении со страниц газет и журналов любой информации, связанной с археологическими исследованиями в регионе. Выделение тематических групп сведений облегчит исследователям поиск конкретной интересующей их информации. Объединение цитат и ссылок на

них в одном месте, а также анализ приводимых материалов необходим и для создания наиболее полной картины процесса становления археологии как области конкретных научных поисков в Восточной Сибири, и для заполнения т. н. «белых пятен» в истории археологических исследований.

V. Заключение. Изученная в ходе настоящего исследования периодическая печать оказалась более чем наполнена упоминаниями об археологических исследованиях. Сотни и даже тысячи просмотренных номеров газет и журналов содержали в себе полезнейшую информацию, которая может послужить на пользу изучению истории археологии в регионе. Собрание материалов в одном месте позволит актуализировать их и в перспективе вновь ввести в научный оборот вместе с другими сведениями на такую же тему.

Впервые специально изученные «Известия ВСОИРГО» были нами проанализированы отдельно от газет широкого профиля в силу многочисленности и подробности представленных в них материалов. Материалы газет «Власть труда» и «Университетское слово» были рассмотрены единым массивом. Выделенные на основании обнаруженных сведений тематические группы и направления в ходе продолжения исследований будут дополнены сведениями из других печатных органов, также не исключено формирование новых групп объединений по мере пополнения материалов.

История археологических исследований Восточной Сибири на сегодняшний день представляет интерес для многих специалистов. В изучении данного вопроса деятели науки регулярно обращаются к различным статьям, монографиям, отчетам и т. д. Однако часто ими упускается очень важный источник – периодическая печать. Благодаря проведенному обзору удалось систематизировать полученные сведения и выделить основные направления археологической деятельности в материалах периодической печати в период со второй половины XIX до первой трети XX вв. Дальнейшее развитие темы позволит перейти к выделению материалов по территориальному, хронологическому и другим признакам.

¹Университетское слово. Иркутск, 1923. № 16. 4 с.

Список литературы:

Агапитов Н.Н. Археологические исследования в Иркутской губернии в 1881 г. // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко., 1887. С. 81–86.

Быковский С.Н. Методика исторического исследования. Л., 1931. 204 с.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Петроград: Наука и школа, 1923а. 199 с.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 2. Теория и практика археологического знания. Петроград: Наука и школа, 1923б. 172 с.

Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель междунар. симпозиума «Современные проблемы палеолита Евразии» [Отв. ред. Г.И. Медведев]. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. Ч. I. Иркутский георхеологический район. 84 с., ил.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. 438 с.

Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977. 86 с.

Нетужилов Е.К. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 268 с.

Попов Н.И. Общий исторический очерк археологических изысканий в Сибири // Изв. СОИРГО. Иркутск, 1871. Т. II. № 1–2. С. 46–60.

Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов: Издательство Ростовского университета, 1971. 468 с.

Радченко Н.Н. Эсеровская периодическая печать в Якутии // Общество: философия, история, культура. Выпуск 8. Якутск, 2020. С. 62–66.

Рахматуллина О. Р. Археологические исследования Восточной Сибири в «Известиях ВСОИРГО» // Материалы LXI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. С. 24–26.

Саар Г.П. Источники и методы исторического исследования. Баку: Изд-во АзГНИИ, 1930. 174 с.

Харисова О.Р. Газета «Власть труда» как источник по истории археологических исследований Восточной Сибири // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020а. С. 15–17.

Харисова О.Р. Газета «Университетское слово» как вспомогательный источник по истории археологических исследований в Сибири // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора исторических наук профессора Всеволода Ивановича Дулова. Иркутск, 2020б. С. 37–40.

Шевцов В.В. «Губернские ведомости» в современной постсоветской историографии: основные направления изучения // Вестник Пермского университета. История. Выпуск 3 (23). Пермь, 2013. С. 105–118.

Шестаков А. Методика исторического исследования (из опыта для опытов). Воронеж: Изд-во «Коммуна», 1929. 32 с.

Якимов О.Д. Очерки истории печати Якутии: От февр. 1917 г. до краха КПСС. Новосибирск: Наука, 2004. 358 с.

Якимов О.Д. Периодическая печать Восточной Сибири и ее трансформации. Новосибирск: Наука, 2014. Ч. 1. 190 с.

Якимов О.Д. Периодическая печать Восточной Сибири: у истоков. Якутск: СВФУ, 2011. 94 с.

Якимов О.Д. Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: От возникновения до наших дней. Новосибирск: Наука, 2000. 192 с.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.

References:

Agapitov N.N. Arkheologicheskiye issledovaniya v Irkutskoy gubernii v 1881 g. [Archaeological research in the Irkutsk province in 1881]. *Trudy V Arkheologicheskogo s'yezda v Tiflise* [Proceedings of the V Archaeological Congress in Tiflis]. Moscow: Printing house A.I. Mamontova i Ko, 1887. Pp. 81–86. (In Russian)

Bykovskiy S.N. *Metodika istoricheskogo issledovaniya* [Methodology of historical research]. Leningrad, 1931, 204 p. (In Russian)

Kamennyy vek Yuzhnogo Priangar'ya: Putevoditel' mezhdunar. simpoziuma "Sovremennyye problemy paleolita Yevrazii". Otvetstvenii redactor G.I. Medvedev [Stone Age of the Southern Angara Region: Guidebook of the International. Symposium "Modern Problems of the Paleolithic of Eurasia". Managing editor G.I. Medvedev]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2001. Part I. Irkutsk georarchaeological region. 84 p. (In Russian)

Kharisova O.R. Gazeta "Vlast' Truda" kak istochnik po istorii arkheologicheskikh issledovaniy Vostochnoy Sibiri [Newspaper "Vlast Truda" as a source on the history of archaeological research in Eastern Siberia]. *Materialy LX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Materials of the LX Russian archaeological and ethnographic conference of students and young scientists]. Irkutsk: ISU Publishing House, 2020a. Pp. 15–17. (In Russian)

Kharisova O.R. Gazeta "Universitetskoye Slovo" kak vspomogatel'nyy istochnik po istorii arkheologicheskikh issledovaniy v Sibiri [Newspaper "Universitetskoye Slo-

vo” as an auxiliary source on the history of archaeological research in Siberia]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Vsevoloda Ivanovicha Dulova* [Siberia in a changing world. History and modernity. Materials of the All-Russian scientific-theoretical conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Vsevolod Ivanovich Dulov]. Irkutsk, 2020b. Pp. 37–40. (In Russian)

Koval’chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, 1987. 438 p. (In Russian)

Medushevskaya O.M. *Teoreticheskiye problemy istochnikovedeniya* [Theoretical problems of source studies]. Moscow, 1977. 86 p. (In Russian)

Netuzhilov Ye.K. *Tserkovnaya periodicheskaya pechat’ v Rossii XIX stoletiya* [Church periodicals in Russia in the 19th century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 268 p. (In Russian)

Popov N.I. Obshchiy istoricheskiy ocherk arkheologicheskikh izyskaniy v Sibiri [General historical outline of archaeological research in Siberia]. *Izvestiya SOIRGO* [Izvestiya ESDIRGS]. Volume II. №1–2. Irkutsk, 1871. Pp. 46–60. (In Russian)

Pronshteyn A.P. *Metodika istoricheskogo issledovaniya* [Methodology of historical research]. Rostov: Rostov University Press, 1971. 468 p. (In Russian)

Radchenko N.N. Eserovskaya periodicheskaya pechat’ v Yakutii [Socialist-Revolutionary periodical press in Yakutia]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul’tura* [Society: philosophy, history, culture]. Issue 8. Yakutsk, 2020. Pp. 62–66. (In Russian)

Rakhmatullina O.R. Arkheologicheskiye issledovaniya Vostochnoy Sibiri v “Izvestiyakh VSOIRGO” [Archaeological research of Eastern Siberia in “Izvestia ESDIRGS”]. *Materialy LXI Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Proceedings of the LXI Russian archaeological and ethnographic conference of students and young scientists]. Irkutsk: ISU Publishing House, 2021. Pp. 24–26. (In Russian)

Saar G.P. *Istochniki i metody istoricheskogo issledovaniya* [Sources and methods of historical research]. Baku: AzGNII Publ., 1930, 174 p. (In Russian)

Shestakov A. *Metodika istoricheskogo issledovaniya (iz opyta dlya opytov)* [Methods of historical research (from experience for experiments)]. Voronezh: Kom-muna Publ., 1929. 32 p. (In Russian)

Shevtsov V.V. “Gubernskiye vedomosti” v sovremennoy postsovetskoy istoriografii: osnovnyye napravleniya izucheniya [“Gubernskiye Vedomosti” in modern post-Soviet historiography: the main areas of study]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History]. Issue 3(23). Perm, 2013. Pp. 105–118. (In Russian)

Yakimov O.D. *Ocherki istorii pechati Yakutii: Ot fevralya 1917 g. do krakha KPSS* [Essays on the history of the press of Yakutia: From February 1917 to the collapse of the CPSU]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 358 p. (In Russian)

Yakimov O.D. *Pechat’ natsional’nykh regionov Sibiri i Dal’nego Vostoka: Ot vozniknoveniya do nashikh dney* [Printing of the national regions of Siberia and the Far East: From the origin to the present day]. Novosibirsk: Science Publ., 2000. 192 p. (In Russian)

Yakimov O.D. *Periodicheskaya pechat’ Vostochnoy Sibiri i yeye transformatsii* [Periodical press of Eastern Siberia and its transformation]. Novosibirsk: Science Publ., 2014. Part 1. 190 p. (In Russian)

Yakimov O.D. *Periodicheskaya pechat’ Vostochnoy Sibiri: u istokov* [Periodical press of Eastern Siberia: at the origins]. Yakutsk: NEFU, 2011. 94 p. (In Russian)

Yanin V.L. *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya* [Essays on complex source studies]. Moscow: Higher School, 1977. 240 p. (In Russian)

Zhebelev S.A. *Vvedeniye v arkheologiyu. Chast’ 1. Istoriya arkheologicheskogo znaniya* [Introduction to archaeology. Part 1. History of archaeological knowledge]. Petrograd: Science and School, 1923. 199 p. (In Russian)

Zhebelev S.A. *Vvedeniye v arkheologiyu. Chast’ 2. Teoriya i praktika arkheologicheskogo znaniya* [Introduction to archaeology. Part 2. Theory and practice of archaeological knowledge]. Petrograd: Science and School, 1923. 172 p. (In Russian)

O.R. Rakhmatullina

Periodicals as a Source on the History of Archaeological Research in Eastern Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries: a Preliminary Review

This article discusses the periodicals of Eastern Siberia as a source on the history of archaeological research. The research lens included a special scientific journal of the East Siberian branch of the IRGS – “Izvestia ESDIRGS” as well

as two Irkutsk newspapers: the weekly *Universitetskoe Slovo* and the daily print organ *Vlast' Truda*. *The scientific novelty* of the work lies in the analysis of the periodicals as a source on the history of archaeological research in Eastern Siberia in the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries. Previously, such work has not been carried out.

The aim is to study the periodicals as a source for archaeological research in Eastern Siberia. To achieve the goal, the following *tasks* were set: to study the periodicals of Eastern Siberia for the presence in it of information about the archaeological research of the region; make a qualitative analysis of the information received; establish the significance and usefulness of this type of sources in the study of the research topic; summarize and systematize the information found. *The methods* were generalization, analysis, systematic approach, as well as comparative historical and historical genetic methods.

Results. In total the number of sources analyzed is more than three thousand. The information found is grouped into thematic groups and analyzed. "Izvestia ESDIRGS" was recognized as the main and most authoritative publication and therefore was considered in isolation from the newspapers. The result was the selection of four groups of information: data on expeditions and articles by researchers; minutes of the company's meetings; obituaries; other data which include information on the issuance of open sheets, data on excursions, information on incoming exhibits, books and manuscripts. The materials of the "Universitetskoe Slovo" and "Vlast' Truda" formed general groups of information: references to the activities of the ESDIRGS; information about the activities of ISU employees; information about the circle "Ethnology"; articles by archaeologists; obituaries; other data. Further study of periodicals provides the prospect of dividing all the data found on a geographical basis.

Keywords: Eastern Siberia, periodicals, archaeological research, Izvestiya ESDIRGS, Vlast' Truda, Universitetskoe Slovo, P.P. Khoroshikh, I.D. Chersky, B.E. Petri

Б.Д. Цыбенков

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.007

УДК 39(571.54/.55)

Этнокультурное взаимодействие дауров с другими народами (по данным фольклора и этнографии)*

Научная новизна. В статье рассмотрены малоизученные вопросы этнокультурного взаимодействия дауров с аборигенным и пришлым населением Приамурья и сопредельных территорий.

Целью работы является сравнительно-сопоставительное изучение фольклорных и этнографических данных, прямо или косвенно указывающих на былые контакты дауров с соседними и проживающими на отдаленном расстоянии народами. Для решения цели были поставлены следующие *задачи*: 1) изучить фольклорные и этнографические материалы, в некоторой степени дополняющие гипотезу о возможности межэтнических контактов якутов и дауров; 2) выявить сходные сюжеты в «Сокровенном сказании монголов» и даурском фольклоре, проанализировать фольклорные и этнографические данные, указывающие на связи между даурами и монголами; 3) на фольклорных и других материалах проследить этнокультурные контакты дауров и эвенков; 4) выявить и изучить сведения о русских казаках-первопроходцах, сохранившиеся в мифологизированном виде в даурском фольклоре; 5) проследить даурско-бурятские фольклорные параллели, косвенно свидетельствующие о возможных контактах между народами.

Методы исследования. В статье нашли применение сравнительно-сопоставительный, текстологический, аналитический методы исследования.

*Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 20-09-00344 «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы». Номер государственной регистрации (РосРИД): АААА-А20-120052290031-7.

© Цыбенков Б.Д., 2022

Результаты. Рукопись анонимного автора под названием «Шапка-гора» (Амурская легенда), на наш взгляд, объединяет в единое целое якутские и даурские этногенетические сюжеты и распространенные термины и косвенно подтверждает вероятность этнокультурных контактов между народами. Фольклорные и этнографические материалы подтверждают наличие этнокультурных контактов между даурами, монголами и эвенками. Демонизация русских казаков-первопроходцев в даурском фольклоре связана с вооруженным даурско-русским противоборством в Приамурье в середине XVII в.

Ключевые слова: дауры, фольклор, этнокультурное взаимодействие, якуты, монголы, эвенки, русские, буряты

I. Введение. Дауры, проживающие ныне в северо-восточной части и Синьцзяне КНР и считающиеся более 130 тыс. чел., относятся к числу малоизученных народов. История и культура даурского народа, несмотря на свою актуальность, продолжают оставаться за завесой тайны. Тем не менее своеобразие языка и традиций дауров всегда привлекало внимание ученых, и большинство филологов и этнографов относили их к числу монголоязычных народов (например, как дунсян и баоань), в древности отколовшихся от общемонгольского ядра и развивавшихся самостоятельно. Как и любой другой народ, дауры развивались в непрерывном этнокультурном взаимодействии со средневековым населением Приамурья и сопредельных территорий. Именно непосредственное контактирование с различными по своей культуре и хозяйству народами определило самобытность традиционной культуры дауров.

Целью настоящей работы является изучение этнокультурного взаимодействия дауров с другими народами, во многом основанное на сравнительно-сопоставительном анализе фольклорных и этнографических материалов. К конкретным задачам исследования относятся следующие: 1) изучение фольклорных и этнографических материалов, указывающих на вероятность этнокультурных контактов между якутами и даурами; 2) анализ монгольских и даурских материалов, освещающих взаимосвязи между родственными народами; 3) выявление фольклорных и этнографических данных, свидетельствующих об этнокультурном взаимодействии дауров и эвенков; 4) изучение данных даурского фольклора о русских казаках-первопроходцах; 5) сравнение даурских и бурятских фольклорных материалов, указывающих на наличие вероятной связи между народами.

Теоретическая и практическая значимость работы очевидны. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы для продолжения исследований этнокультурного взаимодействия народов Северо-Восточной и Центральной Азии, выдвижения новых гипотез об этнокультурных контактах народов указанных регионов. Материалы статьи можно применить в разработке отдельных аспектов фольклора и этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, в подготовке к лекционным курсам по фольклору и этнографии народов Северо-Восточного Китая. В подготовке настоящей работы использованы авторские публикации (монография и статья), в которых рассмотрены отдельные аспекты китайского и маньчжурского этнокультурного влияния на традиционную культуру даурского народа [Цыбенков, 2012: 149–151, 165; Цыбенков 2020]. В статью включены также материалы бурятских специалистов, в частности, сведения этнографа Б.З. Нанзатова о включении потомков дауров в состав эвенкийского населения Восточного Забайкалья [Нанзатов, 2006: 135, 145–146]; журналиста Д.-Д. Болотова о существовании у дауров культа орла¹. В изучении вероятного даурско-якутского этнокультурного взаимодействия широко использованы современные публикации якутских исследователей Р.И. Бравиной и В.В. Ушницкого, в которых приводятся ценные факты об относительной территориальной близости якутов и дауров, взаимодействиях в области материальной культуры, межэтнических контактах между народами и вероятности заселения монгольским (в том числе и даурским) населением ряда якутских земель [Браваина, 2017: 48–59; Браваина, 2018: 121–130; Ушницкий, 2015: 40–41]. Данные якутских ученых дополнены сведениями Б.О. Долгих о проживании небольшой группы

¹Болотов Д.-Д. Дагуурнууд – хоккей наададаг таряшад [Дауры – земледельцы, играющие в хоккей] // Буряад Унэн [Правда Бурятии]. 12.04.2012. № 14 (21862). № 14 (777). С. 18.

дауров в районе р. Алдан в первой трети XVII в. [Долгих, 1958: 128]. В статье также использованы фактические данные из работы А.Р. Артемьева о походах русских казаков-первопроходцев в XVII в., в частности, о походе В.Д. Пояркова 1643 г. [Артемьев, 1998: 6–43]; сведения А.М. Певнова об этническом составе эвенков-солоньев [Певнов, 2020: 744–755]. Из работ зарубежных исследователей прежде всего следует отметить две коллективные монографии китайских ученых, одна из которых написана на старомонгольской письменности. В них проанализированы сюжеты, связанные с культом хозяев местности [Dawu, 2002: 1162], легенда о встрече войска Чингисхана с лесным народом – даурами [Morindaba, 1988: 19]. В публикациях западных исследователей К. Хэмпфри, К. Стюарта, Л. Сюэвэй, Шилера содержатся ценные сведения о почитании даурами различных божеств, традиционной обрядности [Humphrey, 1996; Stuart, 1994], нашедшие применение в работе; статья К. Этвуда содержит интересное упоминание о тесном межэтническом взаимодействии в Хулун-Буири [Atwood, 2004]. Серия статей, посвященных дауроведению, издана в 2021 г. в журнале «Studia Orientalia Slovaca». Из них в настоящей работе использованы статья гонконгского антрополога Л. Ким, в которой один из выводов касается влияния многоязычия современных дауров на их идентичность [Kim, 2021: 72–73], и совместная публикация У. Валленбок и В. Зигмундовой, посвященная историографии истории и культуры даурского народа и косвенно затрагивающая роль маньчжурского языка как средства коммуникации в цинский период [Wallenböck, 2021: 13]. Из этой серии статей нами также изучены работа венгерского антрополога Д. Сомфай Кара, анализирующая даурский вариант «Предания о Нишанской шаманке» [Somfai Kara, 2021], публикация чешской исследовательницы С. Зиехаус, где один из аспектов исследования затрагивает этноним «да(г)ур-монгол», наглядно указывающий на двойную идентичность дауров [Ziehaus, 2021: 136–137].

II. Материалы и методы. Основными материалами исследования явились даурские богатырские сказки «Ангар-мэргэн» и «Апкати-мэргэн» и др., изданные даурским исследователем

Мэн Чжидуном в работе «Daуur agad-un aman üliger» («Устные народные сказки дауров»); рукопись анонимного автора под названием «Шапка-гора» («Амурская легенда»), хранящаяся в Амурском областном краеведческом музее имени Г.С. Новикова-Даурского¹. В работе использованы также материалы из бурятского народного героического эпоса «Гэсэр», «Сокровенного сказания монголов». Привлечены и полевые материалы автора, добытые в ходе экспедиции во Внутреннюю Монголию в июле–августе 2005 г. Автор в основном проводит сравнительно-сопоставительный анализ схожих сюжетов в даурских богатырских сказках и фольклоре якутов, бурят и монголов. Анализирует также и этнографические материалы по традиционным играм дауров и якутов, шаманским божествам дауров, монголов и эвенков. Применен в работе также и текстологический анализ архивной рукописи. В частности, установлена анонимность источника; слово «тойон» определено как якутский термин; выявлен в тексте сюжет, восходящий одновременно к даурскому и якутскому фольклору.

III. Результаты.

Фольклор как отражение этнокультурных контактов дауров с другими народами

1. Краткая характеристика этнокультурного взаимодействия дауров с китайцами и маньчжурами

Необходимо отметить сильное китайское влияние на современных дауров. Оно началось с китайской колонизации даурских районов в начале XX в. По данным исследовательницы из Гонконгского университета Л. Ким, владение китайским языком является основным способом общения современных дауров. И развитое двуязычие, и многоязычие дауров в китаецентричном обществе так или иначе начинают влиять и на их этническую идентичность [Kim, 2021: 72–73]. С другой стороны, необходимо помнить, что дауры, начиная со второй половины XVII в. и вплоть до начала XX в., находились под тотальным влиянием маньчжуров – основателей Цинской династии в Китае. Влияние было настолько сильным, что дауров именовали «ичэ маньчжа» или «вторые маньчжуры». Взаимодействие дауров с маньчжурами и китайцами было настолько широким, что фак-

¹АОКМ. Ф. 956. Оп. 1. Д. 78. Л. 101–102.

тически охватывало все сферы жизнедеятельности, духовную и материальную культуру, включая традиционную обрядность и язык. Этнокультурные контакты прослеживаются и на фольклорном материале, в частности, дауры восприняли известное маньчжурское «Предание о Нишанской шаманке», существует даурский вариант этого предания. Венгерский исследователь Д. Сомфай Кара считает, что данное предание отражает шаманскую традицию, своими корнями уходящую в Приамурье, частью которой были дауры. Помимо них, ее ареал охватывал солонов, ороحوнов, нанайцев, ульчей. «Предание о Нишанской шаманке» является важной частью этой шаманской традиции и наглядно свидетельствует о ритуальной практике т.н. шаманских путешествий, известных как «долбор». Подобная практика ныне утеряна в шаманских практиках дауров, однако аналогии можно наблюдать у тюркских народов Саяно-Алтая (алтайцев-теленгитов, хакасов, тувинцев, тофаларов) [Somfai Kara, 2021: 217, 233-234].

Об этнокультурном взаимодействии дауров с этническими китайцами (ханьцами) можно судить по широко распространенному у дауров культу женского божества «нян-нян-баркан», а также культу предков даурского рода мэрдэн под названием «Мэрдэн Этуо» [Humphrey, 1996: 289; Цыбенков, 2012: 149–150, 165]. В целом необходимо отметить, что нами начато изучение маньчжурского и китайского влияния на дауров, материалы опубликованы в 2020 г. в журнале «Вестник Бурятского научного центра СО РАН».

Этнокультурное взаимодействие дауров с китайцами и маньчжурами, несомненно, сыграло важную роль в появлении языковых и культурных особенностей дауров, существенно отграничивающих их от собственно монгольских народов [Цыбенков, 2020: 46]. С другой стороны, дауры, очевидно, имели контакты не только с южными соседями, но и с народами, населяющими Северную Евразию.

2. Фольклорные и этнографические материалы о вероятности даурско-якутского этнокультурного взаимодействия

О вероятности дауро-якутских контактов писали и пишут якутские исследователи Р.И. Бра-

вина, В.В. Ушницкий (безвременно ушедший из жизни летом 2021 г.). Связь даурского рода алдан с одноименной рекой на территории Республики Саха (Якутия) отмечена и в наших исследованиях. Особенностью рода алдан является его удаленность от бассейна Амура и Зеи, где компактно проживали дауры. Маленькая группа дауров была зафиксирована русскими в 30-х гг. XVII в. на Алдане, в районе устья его притока – р. Амги [Долгих, 1958: 128]. Об этом писал советский этнограф Б.О. Долгих. На р. Алдан дауры ушли из бассейна р. Зея, вероятно, по тому же пути, по которому позже в Приамурье из Якутска прошел отряд Василия Даниловича Пояркова, а впоследствии и якутские купцы. По нашему предположению, появление рода алдан может быть связано с проникновением на территорию Якутии даурских звероловов-промышленников, которые в поисках соболей и другой пушнины, являвшейся меновым товаром в их торговых контактах с маньчжурами и китайцами, проникали далеко на северо-запад. Учитывая особую близость дауров и эвенков, можно полагать, что дауры могли проникнуть в бассейн Алдана благодаря своим контактам с эвенками. В настоящее время род алдан упоминается в составе даурских родов. Но автору данной статьи ни разу не удалось встретиться с представителем этого рода. Начиная с 2004 г., мы совершили несколько экспедиций в районы проживания дауров, но род алдан (или ардан, как его еще называют) так и не был зафиксирован. Хотя один информант указал, что они проживают в провинции Хэйлунцзян и их около 700 чел., т.е. не так многочисленны.

Изучение даурско-якутских контактов можно дополнить фольклорными материалами. В 2005 г. в Амурском областном краеведческом музее имени Г.С. Новикова-Даурского нами была обнаружена рукопись анонимного автора под названием «Шапка-гора» («Амурская легенда»). В ней в стихотворной форме говорилось о происхождении кургана Шапка, проводилось сравнение даурского князя с орлом, а его детей с орлятами¹. Дауры почитают орла, считают его спасителем народа. Регион компактного проживания дауров – Морин-Дава – именуется «родиной орлов». По преданию, в

¹АОКМ. Ф. 956. Оп. 1. Д. 78. Л. 101-102.

давние времена, когда численность дауров сократилась до нескольких человек, прилетел орел и закрыл их своими крыльями, и тем самым спас их. С тех пор дауры почитают орла¹ [Болотов, 2012: 18]. Огромный тотемный столб высотой 13 метров с фигурой позолоченного орла наверху воздвигнут рядом с даурским национальным музеем в даурском автономном хошуне Морин-Дава Хулун-Буирского аймака Внутренней Монголии. Почитание орла, как известно, характерно и для якутов. Верховные божества якутов Юрюнг Айыы тойон и Хомпоруун Хотой Айыы (Сюнг Хаан) воплощаются в образах орлов.

В рукописи «Шапка-гора» даурский правитель назван тойоном², что нехарактерно для даурского языка. Слово «тойон», безусловно, является давним устойчивым термином в якутском языке. Таким образом, в амурской легенде под названием «Шапка-гора» анонимный автор объединил даурские и якутские мотивы. Можно предположить, что автором мог быть человек, ранее проживавший на территории Якутии, затем перебравшийся в Приамурье. Так или иначе, наличие подобной легенды дает нам пищу для дальнейших размышлений. Они подкрепляются следующими фактами, приводимыми якутской исследовательницей Р.И. Бравиной: во-первых, относительной территориальной близостью земель дауров и якутов – Амыр (Амурский край), находящийся за территорией Усть-Майского района, был известен якутам; во-вторых, наличием у них «догур хамса» (даурской курительной трубки); в-третьих, случаями бегства якутов Алдано-Ленского междуречья «на Дауры» и «в Китайскую сторону» [Бравина, 2018: 125–127]. В то же время В.В. Ушницкий указывал на возможность межэтнических контактов якутских родов с даурами и старыми баргутами – одной из монгольских групп в XIV–XVII вв. [Ушницкий, 2015: 40–41]. Как показывают их исследования, монгольские роды могли заселять земли центральных, вилюйских и северных районов Якутии [Бравина, 2017: 49–54]. В целом вопрос появления в Якутии монгольских и даур-

ских родов и их вероятной интеграции в якутское общество остается сложной проблемой этнической истории якутского народа.

В заключение нашего изучения вероятных даурско-якутских контактов можно привести аналогии из традиционных игр этих народов. Так, к традиционным играм дауров относится игра «перетягивание палки» (*мод татбэй*). Немного об игре: в ней принимали участие все, включая стариков и детей. Палка, используемая в игре, была ровной, ее длина составляла два локтя. Два соревнующихся садились друг против друга на ровной земле, упираясь ступнями, и крепко держали обеими руками палку в горизонтальном положении. По сигналу заранее выбранного судьи они начинали тянуть, выигрывал тот, кто поднимал соперника.

В 2013 г., когда мы ездили к даурам в городской округ Хулун-Буир АРВМ КНР вместе с якутским этнографом В.В. Ушницким, он был удивлен тем, что эта игра есть у дауров. Позже он отмечал, что нужно организовать в Якутске международный турнир по мас-рестлингу с привлечением спортсменов из числа дауров.

Похожим на игру в перетягивание палки являлось состязание *хужуу мэлжбэй*, где участники так же сидели друг против друга, упираясь ногами, положив руки на ноги. Кушак со специальной ленточкой-отметкой, связанный в кольцо, набрасывали на шеи игроков. По сигналу соревнующиеся начинали тянуть, проигрывал тот, кого поднимали с земли или у кого сгибались ноги в коленях. Проигравшим считался также игрок, который, не удержав равновесия, падал в сторону.

Конечно, на основании этих игр нельзя судить о родстве дауров и якутов, но тем не менее, их наличие вкупе с фольклорными и другими материалами дает пищу для размышлений. На наш взгляд, большую роль в качестве посредников между даурами и якутами сыграли эвенки, у которых также сохраняются аналогичные игры. Вероятно, именно с их помощью часть дауров смогла достичь р. Алдан и, по всей видимости, могла вступать в контакты с якутским населением.

¹Полевые материалы автора (ПМА). Экспедиция во Внутреннюю Монголию в июле-августе 2005 г. Информатор И Сун, 1960 г.р., род онон, патронимическая группа кайкоо, г. Хух-Хот АРВМ КНР.

²АОКМ. Ф. 956. Оп. 1. Д. 78. Л. 101.

3. Об этнокультурных контактах между даурами, монголами и эвенками (по фольклорным данным)

Дауры, как известно, относятся к монголоязычным народам, чем, к примеру, отличаются от бурят и калмыков, входящих в состав монгольских народов. Им неизвестен культ Чингисхана и чингизидов. В то же время в даурском фольклоре имеют место сюжеты, похожие на описание трудного детства Тэмучжина (будущего Чингисхана). Например, в даурской сказке «Апкати Мэргэн» герой вырастает с матерью в лесу и питается в детстве одними дикими травами и грибами. Похожий сюжет, связанный с растительной пищей и острой нуждой, имеет место и в «Сокровенном сказании монголов», когда «Оэлун-эхэ бегала по Онон-реке и вниз и вверх, по зернышку собирала с диких яблонь и с черемухи... копала коренья судуна и кичигина и кормила... черемухой да луком вскормленные дети доросли до ханского достоинства... корнями растений вскормленные дети стали и справедливыми, и мудрыми» [Сокровенное, 1990: 24]. Апкати Мэргэн уже в три года начал один играть в лесу, в пять–шесть лет помогал матери – приносил воду, умел зажечь огонь в очаге; взяв лук и стрелы, сделанные матерью, не боясь волка и барса, отправлялся на охоту на птиц и возвращался домой, настреляв полный подол жаворонков. В десять лет уже стрелял «в летящих в небе гусей и бегущих по земле зайцев» [Даур, 1983]. Тэмучжин в детстве также стрелял в жаворонков, ловил рыбу удочками и сетью-неводом [Сокровенное, 1990: 24]. Несмотря на сходство фольклорных сюжетов, дауры и монголы, очевидно, уже тогда, в XII–XIII вв. были разными народами. В то же время основа языка и культуры дауров оставалась общемонгольской. Существует одна легенда, по которой дауры, входившие в состав лесных народов Приамурья, не подчинились Чингисхану. Добравшись со своим войском до р. Амур, он сказал: «Tedeneg dalun-dayan nūke-tei dayur mün üü? Tedener morin-dayan kečegü, qarbuju namnaqu-dayan mergen tula jebseg-yier darungyuyilaju bolqu ügei, qarın uran üge-ber oroγulun abču biden-dü küčü ergügülekü keregtei» (Действительно ли они – дауры – с дырами в лопатках? (иносказ. имеется в виду чуткость, осторожность дауров. Возможен и другой перевод: дауры, скрывающие яму,

т.е. яму-ловушку. – Б.Ц.). Поскольку они хорошие всадники, метко стреляют и преследуют, нельзя их покорять силою оружия, нужно их привлечь к себе искусной речью) [Morindabaγa, 1988: 19; Цыбенков, 2012: 22]. Здесь мы видим противопоставление дауров монголам. Однако так было не всегда. В период национально-освободительного движения монголов в первой четверти XX в. даурские деятели Мэрсэ, Алтангат и др. пытались создать новый этноним «дагур-монгол» (или «даур-монгол»), указывающий, по их мнению, на близость дауров к монгольскому миру. В тот период были распространены песни, в которых использовался термин «дагур-монгол». Как отмечает западная исследовательница С. Зиехаус, дауры Внутренней Монголии продолжали считать себя «даур-монголами» в 1954 г., когда в КНР был запущен проект этнической классификации населения. Использование этого термина в некоторой степени вносило путаницу в определение собственно монголов как отдельной нации, но в то же время подчеркивало активное участие дауров в общественно-политической жизни монгольского мира; указывало на наличие широких социокультурных взаимосвязей между монгольскими группами, проживающими в разных странах. С другой стороны, дефис, поставленный между двумя этнонимами, свидетельствовал о двойной идентичности дауров. По результатам второй национальной переписи в 1964 г. национальность «даур» стала официальной категорией в КНР [Ziehaus, 2021: 136–137].

Монгольским по своему происхождению считалось даурское божество Джияч-баркан (даур. яз. «судьба», «удача»). Некоторые дауры Хулун-Буира называли его Джун, а айгунские дауры именовали его Нуо-баркан (Божество в углу), поскольку его изображение обычно висело в северо-западном углу дома. Это божество являлось покровителем домашнего скота и даровало богатство и благоденствие как людям, так и животным. Оно почиталось всеми даурскими родами [Цыбенков, 2012: 169]. Примечательно, что, согласно легенде, божество скотоводства передали даурам монголы. Можно предположить, что она отражает ситуацию, сложившуюся еще в период Средневековья. Дауры считаются древним земледельческим народом, о чем отчетливо свидетельствует их развитая

терминология. С другой стороны, скотоводческие термины у них развиты слабо, например, верблюжонок на даурском языке звучит как «тэ-вээ кэку» (досл. детеныш верблюда), в отличие от тюрко-монгольского ботго (бото). Слабое развитие скотоводческой лексики у дауров компенсируется богатой и широко разветвленной охотничьей и рыболовецкой терминологией. Большой частью она восходит к тунгусо-маньчжурским языкам и указывает на тесные этнокультурные связи между эвенками и даурами. В одной из легенд айгунских дауров говорится, что в далеком прошлом дауры, эвенки-орочоны и монголы в течение долгого периода времени были соседями и уживались вместе подобно братьям. Позже они разделились и обменивались божествами (*баркан*) в знак дружбы. Эвенки-орочоны передали даурам Малубаркана, а монголы – Нуобаркана. Дауры, в свою очередь, передали Нуобаркана эвенкам-орочонам [Stuart, 1994; Цыбенков, 2012: 150–151]. По данным западных исследователей, дауры, монголы (баргуты, олеты), эвенки (солоны, орочоны), проживавшие в Хулун-Буире, вступали в межэтнические браки. Этому способствовала и их самоидентификация как членов солонского ответвления восьмизнаменной маньчжурской организации, подкрепляемая употреблением маньчжурского языка как общего средства коммуникации [Atwood, 2004: 6; Wallenböck, 2021: 13]. Даурско-эвенкийское взаимодействие, вероятно, имело место и на российской территории. Как указывает бурятский этнограф Б.З. Нанзатов, эвенкийское население Восточного Забайкалья включало в свой состав и потомков дауров [Нанзатов, 2006: 135, 145–146]. Эти сведения согласуются с данными С. Зиехаус, отмечающей, что в работах российских ученых-путешественников дауры часто упоминаются по названиями «солон», «тунгус» и «новые маньчжуры», т.е. дауров включают в состав других взаимосвязанных с ними этносов. Термин «солон» являлся своего рода собирательным термином для различных групп дауров, эвенков и также нанайцев до 1950 г. [Ziehaus, 2021: 129]. Известно, что в состав солон входили два, очевидно, орочонских рода, именовавшиеся орончен (*ɔrɔntʃɛŋ*) и орончен хаахар (*ɔrɔntʃɛŋ haahar*) [Певнов, 2020: 747].

Между даурами и эвенками Хулун-Буира существовали давние этнокультурные связи, со-

храняющиеся и по сей день. Дауры и эвенки, проживающие в даурском автономном хошуне Морин-Дава, вместе проводят традиционные обряды почитания местных божеств. Так, в середине XX в. на горе Нирги рядом с р. Нонни (даур. яз. «Наун») дауры и эвенки местности Бутха совершили обряд почитания «обо» (культ хозяев местности) и принесли в жертву одну корову, одну овцу, 45 бутылок бутхаской водки, сладости. Багачи (исполнитель обрядов) 80-летний Аола Сючан совершил традиционный обряд обращения к божествам, в котором приняли участие 8 дауров и 1 эвенк. Обряд начинался со слов: «Эвээ Тэнгэр баркан, Ачаа Тэнгэр баркан, Обоо Эндур-баркан, пожалуйста, внимательно выслушайте! В этот день мы, дауры и эвенки местности Бутха, возжигаем курительные палочки, принося в жертву корову, почитаем вас» [Dawuer, 2002: 1162].

4. О русских казаках-первопроходцах в даурском фольклоре

Первые контакты дауров с русскими первопроходцами, состоявшиеся в середине XVII в., за некоторыми исключениями, были не самыми приятными. Борьба дауров с отрядами В.Д. Пояркова и Е.П. Хабарова, прибывшими на Амур из Якутска, завершилась большими людскими потерями, сожжением даурских городков и последующим переселением даурского населения с территории Приамурья в долину р. Нонни, в Северо-Западную Маньчжурию. В даурском фольклоре встречается упоминание особых демонов – мангусов, называемых «елдэнгэр». По всей видимости, они являются мифологическим отражением русских первопроходцев. Например, в даурской богатырской сказке «Ангармэргэн» говорится о пришествии в даурские земли девятиголовых «елдэнгэр» с далекой западной стороны. У них были кудрявые красные волосы, стоящие дыбом, большой нос, три глубоко посаженных синих глаза, подобных волчьим глазам, начиная от шеи и ушей до рук-ног росли длинные желтые волосы. Они вырвали сердца у двух даурских охотников и съели [Dawur, 1983: 11-16]. Эти фольклорные материалы согласуются с данными похода В.Д. Пояркова 1643 г., когда в период длительной осады на р. Зее наблюдались случаи каннибализма среди казаков. И приамурские народы, называя их «погаными людоедами», не подпускали к бере-

гам рек [Артемьев, 1998: 15–16]. Несмотря на то, что первые контакты дауров и русских ознаменовались противоборством, в последующем дауро-русское взаимодействие стало дружественным и мирным. Многие дауры, испытав разные невзгоды в Цинском государстве, стремились уйти в российские пределы.

5. Дауро-бурятские фольклорные параллели

Они прослеживаются в даурском предании о Саджигалди-хане и бурятском эпосе «Гэсэр». Слово «саджига» на даурском языке означает «сорока». Похожее имя «хан Шаазгай Баян», где «шаазгай» – сорока, встречается в бурятском героическом эпосе «Гэсэр», разные варианты которого записаны в Приангарье, у берегов Байкала от сказителей-улигершинов. Впервые имя хана Шаазгай Баяна упоминается во время встречи сопляка Нюргая (будущего Гэсэра) с Алтан Шагай мэргэном, который говорит, что собирается ехать к хану Шаазгай Баяну сосватать его дочь Урмай Гоохон [Гэсэр, 1986: 133]. Далее из других моментов, где упоминается имя хана Шаазгай Баяна, можно отметить краткое описание его дворца, лицемерие Нюргая, проводы дочери в дорогу [Гэсэр, 1986: 135, 142]. На наш взгляд, кроме схожести имен Саджигалди-хан и хан Шаазгай Баян, в текстах легенды и эпоса более не обнаруживается сходных моментов. Поэтому возникает вопрос: связаны ли имена ханов между собой или можно вести речь о простом совпадении личных имен? Мы склоняемся к совпадению имен, однако разрешить проблему поможет лишь дальнейшее сравнительное изучение фольклора монгольских и монголоязычных народов.

IV. Обсуждение. Большое культурное влияние на дауров оказали маньчжуры и китайцы, о чем свидетельствуют многие заимствования в духовной и материальной культуре народа. Имеются фольклорные заимствования (даурский вариант «Предания о Нишанской шаманке») и этнографические свидетельства (культ предков в роде мэрдэн под названием Мэрдэн Этуо). Помимо контактов с южными соседями дауры могли вступать во взаимодействие и с народами, живущими к северу от них. На это косвенно указывает архивная рукопись из Приамурья под названием «Шапка-гора» («Амурская легенда»), объединяющая даурские и якутские мотивы. Почитание орла даурами и якутами, на-

личие у якутов даурской курительной трубки «догур хамса» вкупе с одинаковыми традиционными играми дают основание для предположения о былых якутско-даурских контактах. Оно подкрепляется фактами проживания даурского рода алдан в бассейне одноименной реки в первой трети XVII в., случаями бегства якутов в «Дауры» и «Китайскую сторону».

Контакты дауров с эвенками и монголами, имеющие реальную историческую основу, более ясно очерчены в фольклорных материалах. Согласно одной из легенд, дауры, эвенки и монголы, будучи соседями, уживались вместе подобно братьям и обменивались божествами в знак дружбы. Примечательно, что монголы передали даурами божество – покровителя домашнего скота. Из этого можно сделать предварительный вывод о более позднем появлении скотоводства у дауров и их принадлежности к «лесным народам». Схожие сюжеты о трудном детстве главных героев, имеющие место в «Сокровенном сказании монголов» и даурской богатыйрской сказке «Апкати-мэргэн», возможно, связаны. Можно предположить, что в «Апкати-мэргэн», появившемся позже, нашли отражение сюжеты из средневекового монгольского источника.

В даурском фольклоре сохранились сведения о первых контактах дауров с русскими казаками-первопроходцами, ознаменовавшихся ожесточенными сражениями. Демонизация русских в фольклоре дауров имела под собой реальную основу, связанную с осадой отряда В.Д. Пояркова на р. Зея зимой 1643–1644 гг.

Схожесть имен даурского Саджигалди-хан и бурятского хана Шаазгай Баяна в фольклоре бурят и дауров в некоторой степени указывает на вероятность контактов. Она подкрепляется и другими фольклорными параллелями (наличием мифологического мотива женитьбы героя на небесной девице-лебеди, сказка о мальчике с золотой грудью и серебряной спиной и др.), лингвистическими и этнографическими материалами.

V. Заключение. Таким образом, можно констатировать, что даурский фольклор в мифологизированном виде сохранил многие моменты из истории этнокультурных контактов дауров как с соседними этносами, так и с народами, проживавшими на более отдаленных территориях.

Список литературы:

Артемьев А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 6–43.

Бравина Р.И. «Путь Омогоя»: якутские этнонимы монгольского происхождения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 48–58.

Бравина Р.И. Хоролоры и приамурский пласт в этнокультурогенезе якутов // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 121–130.

Гэсэр. Бурятский народный героический эпос [Науч. ред. С. Чагдуров, пер. В. Солоухин]. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1986. 288 с.

Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 125–142.

Нанзатов Б.З. Особенности формирования полиэтнической этнотерриториальной группы на примере Урульгинской степной думы (феномен взаимодействия дагуров, монголов, эвенков и бурят) // Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности. Сборник статей. Т. I. Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. С. 134–146.

Певнов А.М. О происхождении самоназваний эвенков // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. Pp. 744–755.

Сокровенное сказание монголов [Пер. Ч.Р. Намжилова, С.А. Козина]. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1990. 318 с.

Ушницкий В.В. Экспедиция во Внутреннюю Монголию 2013 г. // Научные исследования: от теории к практике. 2015. № 3 (4). С. 40–41.

Цыбенков Б.Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с.

Цыбенков Б.Д. К изучению маньчжурского и китайского влияния на культуру дауров // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2020. № 3 (39). С. 39–48.

Atwood C.P. State Service, Lineage and Locality in Hulun Buir. *East Asian History*. № 30. December 2005. Pp. 5–22.

Humphrey C, Onon U. Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols. Oxford: Clarendon press, 1996. 396 p.

Kim L.E. Remembered by the More Than One Name: Transcription, Multiscription, and Ethnic Heri-

tage in the Case of the Dedule Clan Genealogy. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 47–84.

Somfai Kara D. The Daur Version of Nisan Saman and Modern Shamanic Practices among the Daur. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 217–252.

Stuart K., Li Xuwei and Shelear. China's Daur Minority: Society, Shamanism, and Folklore. *Sino-Platonic Papers*. Number 60. December, 1994. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994. 208 p.

Wallenböck U, Zikmundova V. The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 1–46.

Ziehaus St. Ethnicity in the Imperial Context: The Daur in the Borderland of the Qing and Russian Empire. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 113–149.

Dayur arad-un aman üliгер. Ed. Men Zhidun. Kùkeqota: Öbür Mongyol-un mongyol biçig keblekü üyiledbüri keblebe, 1983. 468 с.

Dawuer ziliao ji. Di sanji. Daor bitegei horiewu debtlien. Dawoer ziliao ji bianji weiyuanhui yu; Quanguo shaoshu minzu guji zhengli yanjiu shi. Beijing: minzu chubanshe, 2002. 1180 с.

Morindabayа dayur üндүсүтен-ү öbürtegen jasaqu qoşiyun-u toyimu bayidal. Nayirayulun biçikü duyuylang nayirayulba. Jamsu, Bürinsayin orçiyulba. Erdenijab orçiyulya-yi qinaba. Kùkeqota: Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1988. 269 с.

References:

Artem'ev A.R. Otkrytie i nachalo prisoedineniya Zabaykal'ya i Priamur'ya k Rossiyskomu gosudarstvu v seredine XVII v. [Discovery and beginning of the annexation of Transbaikalia and the Amur region to the Russian state in the middle of the 17th century]. *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII-XIX vv. (istoriko-arkheologicheskie issledovaniya)* [Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries. (Historical and archaeological research)]. Volume 3. Vladivostok, 1998. Pp. 6–43. (In Russian)

Atwood C.P. State Service, Lineage and Locality in Hulun Buir. *East Asian History*. Volume 30. December 2005. Pp. 5–22. (In English)

Bravina R.I. “Put' Omogoya”: yakutskie etnonimy mongol'skogo proiskhozhdeniya [“Omogoy's Way”: Yakut ethnonyms of Mongolian origin]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2017. Volume 4 (21). Pp. 48–58. (In Russian)

Bravina R.I. Khorolory i priamurskiy plast v etnokul'turogeneze yakutov [Khorolors and the Amur stratum in the ethnocultural genesis of the Yakuts]. *Iz-*

vestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy [Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2018. Volume. 14. Volume 2. Pp. 121–130. (In Russian)

Dayur arad-un aman üliger [Oral folk tales of the Daur]. Edit by Men Zhidun. Mongolian Writing Publ. of Inner Mongolia, 1983. 468 p. (In Mongolian)

Dawuer ziliao ji. Di sanji. Daor bitegei horiewu debtlien [Study of the Daurian people. Volume 3] / Dawoer ziliao ji bianji weiyuanhui yu; Quanguo shaoshu minzu guji zhengli yanjiu shi. Beijing: People's Publ., 2002. 6. 1180 p. (In Chinese)

Dolgikh B.O. Etnicheskiy sostav i rasselenie narodov Amura v XVII v. po russkim istochnikam [Ethnic composition and settlement of the Amur peoples in the 17th century according to Russian sources]. *Sbornik statey po istorii Dal'nego Vostoka* [Collection of articles on the history of the Far East]. Moscow, 1958. Pp. 125-142. (In Russian)

Geser. Buryatskiy narodnyy geroicheskiy epos. Redaktor S. Chagdurov, perevod V. Soloukhin [Geser. Buryat folk heroic epic. Edit by S. Chagdurov, Translation by V. Soloukhin]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1986. 288 p. (In Russian)

Humphrey C., Onon U. *Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols*. Oxford: Clarendon press, 1996. 396 p. (In English)

Kim L.E. Remembered by the More Than One Name: Transcription, Multiscription, and Ethnic Heritage in the Case of the Dedule Clan Genealogy. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 47-84. (In English)

Morindabaya dayur ündüsüiten-ü öbürtegen jasaqu goşiyun-u toyimu bayidal [Survey of the Daurian Autonomous Region Morin-Dawa]. Nayirayulun biçikü duryuyilang nayirayulba. Jamsu, Bürinsayin orçiyulba. Erdenijab orçiyulya-yi qinaba. Huh-Hot: Inner Mongolia People's Publ., 1988. 269 p. (In Mongolian)

Nanzatov B.Z. Osobennosti formirovaniya polietnicheskoy etnoterritorial'noy gruppy na primere Urul'ginskoy stepnoy dumy (fenomen vzaimodeystviya dagurov, mongolov, evenkov i buryat) [Features of the formation of a polyethnic ethno-territorial group on the example of the Urulga Steppe Duma (the phenomenon of interaction between Dagers, Mongols, Evenks and Buryats)]. *Buryaty v kontekste sovremennykh etnokul'turnykh i etnosotsial'nykh protsessov. Traditsionnaya kul'tura, narodnoe iskusstvo i natsional'nye vidy sporta buryat v usloviyakh polietnichnosti. Sbornik statei* [Buryats in the context of modern ethnocul-

tural and ethnosocial processes. Traditional culture, folk art and national sports of the Buryats in a multiethnic environment. Digest of articles]. Volume I. Ulan-Ude: IPK FGOU VPO VSGAKI, 2006. Pp. 134-146. (In Russian)

Pevnov A.M. O proiskhozhdenii samonazvaniy evenkov [About the origin of the self-names of the Evenks]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Volume 16.3. Pp. 744–755. (In Russian)

Sokrovennoe skazanie mongolov. Perevod Ch.R. Namzhilova, S.A. Kozina [The secret history of the Mongols]. Ulan-Ude, 1990. 318 p. (In Russian)

Somfai Kara D. The Daur Version of Nisan Saman and Modern Shamanic Practices among the Daur. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Volume 20. Pp. 217-252. (In English)

Stuart K., Li Xuwei and Shelear. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore. *Sino-Platonic Papers*. Number 60. December, 1994. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994. 208 p. (In English)

Tsybenov B.D. *Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Daur of China. Historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude: Publ. of the East Siberian State University of Technology and Management, 2012. 252 p. (In Russian)

Tsybenov B.D. K izucheniyu man'chzhurskogo i kitayskogo vliyaniya na kul'turu daurov [To the study of the Manchu and Chinese influence on the culture of the Daur]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2020. Volume 3(39). Pp. 39-48. (In Russian)

Ushnitskiy V.V. Ekspeditsiya vo Vnutrennyuyu Mongoliyu 2013 g. [Expedition to Inner Mongolia 2013]. *Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike* [Research: from theory to practice]. 2015. Volume 3 (4). Pp. 40-41. (In Russian)

Wallenböck U, Zikmundova V. The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Volume 20. Pp. 1-46. (In English)

Ziehaus St. Ethnicity in the Imperial Context: The Daur in the Borderland of the Qing and Russian Empire. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Volume 20. Pp. 113-149. (In English)

B.D. Tsybenov

Ethno-Cultural Interaction of the Daurians with Other Peoples (Folklore and Ethnography)

Scientific novelty. The article studied the little-studied issues of the ethno-cultural interaction of the Daurians with the aboriginal and alien population of the Amur region and adjacent territories. *The aim* of the article is a comparative and comparative study of folklore and ethnological data, directly or indirectly indicating the past contacts of the Daurians with neighboring and distant peoples. The author set the following *tasks* to achieve the goal: 1) to study folklore and ethnological materials that complement the hypothesis of interethnic contacts between the Yakuts and Daurians; 2) to identify similar subjects in the “Secret History of the Mongols” and Daurian folklore, to analyze folklore and ethnographic data indicating the connection between the Daurians and Mongols; 3) to trace the ethno-cultural contacts of the Daurians and Evenks using folklore and other materials; 4) to reveal and study information about the Russian Cossacks-pioneers, preserved in a mythologized form in Daurian folklore; 5) to trace Daurian-Buryat folklore parallels, indirectly indicating possible contacts between peoples. *Research methods.* The legends, traditions and tales of the Daurians and other peoples, as well as archival data were used as the research material. The article uses comparative, textual, analytical research methods. *Results.* The manuscript of an anonymous author called “Hat-Mountain” (Amur legend) unites Yakut and Daurian ethno-genetic plots and common terms into a single whole and indirectly confirms the likelihood of ethno-cultural contacts between peoples. Folklore and ethnological materials confirmed ethno-cultural contacts between Daurians, Mongols and Evenks. The demonization of the Russian Cossack pioneers in Daurian folklore is associated with the armed Daurian-Russian confrontation in the Amur region in the middle of the 17th century.

Keywords: Daurians, folklore, ethno-cultural interaction, Yakuts, Mongols, Evenks, Russians, Buryats

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А.О. Сагайдачная

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.008

УДК 811.512.222.1'362

Способы выражения сравнительных отношений в удэгейском языке*

Научная новизна. Впервые на материале удэгейского языка дано описание непадежного морфологического способа сравнения, часто используемого для передачи сравнительной семантики. Кроме того, выявлены смежные со сравнительным значения указанного форманта. Для аналитической сравнительной конструкции выявлены два контекста, в которых второе существительное принимает форму не исходного, а направительного падежа. Установлено, что морфологический и аналитический способы выражения сравнения могут сочетаться.

Цель исследования – рассмотреть комплекс средств выражения сравнения в удэгейском языке. *Задачи:* выявить синтаксический, морфологический и лексический способы выражения сравнения; описать непадежный морфологический способ выражения сравнения; установить соответствие способов выражения эквивалентного и неэквивалентного типов сравнения.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный, статистический, наблюдение и синхронный морфемный и морфологический анализ.

Результаты. Выделяется эквивалентное и неэквивалентное сравнение. Посредством форманта *-бэдэ* ‘как, будто, словно’ в удэгейском языке выражается эквивалентное эталонное сравнение. Данная морфема присоединяется, как правило, к существительному, обозначающему эталон, образец, с которым что-либо сравнивается. Также морфема *-бэдэ* может присоединяться к местоимениям и глаголам, т.е. к тому компоненту, который является основанием для сравнения. Посредством морфемы *-бэдэ* выражается как реальное сравнение, так и неральное. Сочетание указательного местоимения и морфемы *-бэдэ* передает семантику соответствия. Установлено, что для передачи значения эквивалентности используются лексические средства, а основным способом выражения неэквивалентного сравнения является синтаксическая конструкция.

В состав аналитической конструкции сравнения, которая используется для выражения неэквивалентного сравнения, входит существительное в падежной форме аблатива, обозначающее образец для сравнения, а также прилагательное, указывающее на признак, лежащий в основе сравнения.

Ключевые слова: удэгейский язык, отношения сравнения, сравнительная морфема, сравнительная аналитическая конструкция, лексические средства выражения сравнения

*Работа выполнена в рамках государственного задания Института филологии СО РАН (тема № 0263-2021-0004).

I. Введение. Предлагаемая статья посвящена описанию способов выражения сравнительной семантики в удэгейском языке. Существует несколько вариантов выражения сравнительных отношений: посредством аналитической конструкции, лексическими средствами и с помощью специального показателя. В данной статье впервые предпринята попытка комплексного исследования сравнительных значений, характерных для удэгейского языка.

Специфика сравнения «состоит в одновременном присутствии в сознании двух сопоставляемых представлений, которые сближаются на основании какого-то общего для них признака и одновременно противопоставляются по каким-то другим основаниям, разным для различных типов сравнений. Эта содержательная, мыслительная специфика закономерно предполагает и определенные, специальные формы, способы выражения, которые очень разнообразны» [Черемисина, Шамина, 2004: 598–599].

В тунгусо-маньчжурских языках (орочском, нанайском, эвенкийском, орокском) отношения сравнения выражаются падежными формами существительного. В эвенкийском и орокском языках существительное принимает показатель отложительного падежа [Болдырев, 2007: 203–204; Аврорин, Болдырев, 2001: 137]; в орокском существительное оформляется показателем творительного падежа [Озолина, 2013: 171]. В нанайском языке сравнительная форма существительного восходит к форме отложительного падежа и ранее как особая форма отсутствовала; в настоящее время сравнение выражается с помощью суффиксов *-дуй-* или *-до ~ -ду*, присоединяемых к существительным в простой или притяжательной форме соответственно, и рассматривается как одна из непадежных форм выражения косвенного дополнения [Аврорин, 1959: 184–186; Аврорин, 1981: 188–190].

Исследователи удэгейского языка отмечают у исходного падежа существительного значение объекта сравнения: *гободиги ница* ‘меньше мухи’ [Кормушин, 1998: 87]. По мнению И. Николаевой и М. Тольской, сравнение выражается внутри адъективной фразы только средствами исходного падежа (аблатива), который указывает на эталон сравнения [Nikolaeva, Tolskaya,

2001: 180]. Также вместо термина «исходный падеж» используется термин «отложительный падеж» и указывается, что сравнение может быть выражено аналитической конструкцией с участием существительного в указанном падеже [Гирфанова, 2001: 470].

Теоретическая и практическая значимость предлагаемого исследования заключается в том, что на основании сопоставительного метода в удэгейском языке выявлен и включен в систему способов выражения сравнительной семантики формант *-бэдэ*. Результаты могут найти применение при составлении учебных пособий и чтении спецкурсов по удэгейскому языку, а также при типологическом и сравнительном исследовании тунгусо-маньчжурских, алтайских и уральских языков.

II. Материалы и методы. Наша выборка из опубликованных источников на хорском и бикинском диалектах удэгейского языка составила более 100 контекстов. Примеры взяты из фольклорных и биографических текстов, а также из удэгейского букваря. Методами исследования являются сравнительно-сопоставительный, статистический, наблюдение и синхронный морфемный и морфологический анализ, а также лингвистическое описание.

III. Результаты. Мы выделяем несколько способов выражения семантики сравнения в удэгейском языке: морфологический – посредством форманта *-бэдэ* ‘как, будто, словно’; синтаксический – при помощи конструкции, в состав которой входят существительное в форме аблатива и прилагательное; лексический. По семантике различаются два типа сравнения – эквивалентное и неэквивалентное.

A. Эквивалентное сравнение в удэгейском языке.

Эквивалентное сравнение обозначает сходство, подобие сравниваемых предметов.

Эквивалентное сравнение в удэгейском языке выражается морфологически при помощи форманта *-бэдэ* или лексически.

1) Морфологическое средство выражения сравнения – формант *-бэдэ* ‘как, будто, словно’.

Наиболее распространенным способом, который используется в удэгейском языке для выражения сравнения, является морфема *-бэдэ* ‘как, будто, словно’.

В Грамматике удэгейского языка показатель *-бэдэ* (*bede*) рассматривается как послелог [Nikolaeva, Tolskaya, 2001: 181, 410–411]. Однако послелог сочетаются только с существительными, тогда как показатель *-бэдэ* может присоединяться и к другим частям речи – прилагательным, местоимениям, глаголам. Поэтому в данной статье *-бэдэ* классифицируется как полифункциональная морфема. В составе словоформы за ней могут следовать другие аффиксы, в частности падежные показатели.

Вслед за В.А. Аврориным мы называем сравнение, выражаемое в удэгейском языке морфе-

мой *-бэдэ*, эталонным (или сравнением, передающим значение эталона). В нанайском языке «сравнительная форма имени или причастия (чаще безличного) в составе сравнительного оборота выражает косвенное дополнение *эталона*, указывающее предмет или действие, с которым сравнивается другой предмет или другое действие по степени проявления общего для них качественного или количественного признака» [Аврорин, 1981: 188].

Формант *-бэдэ* является многозначным. С помощью *-бэдэ* может быть выражено реальное сравнение, например:

(1) *Би кятиги инайбэдэ ваяналиэми* [Kanchuga, 2002: 55].

би=∅	кя=тиги	инай=бэдэ	ваяна=ли=э=ми
я=NOM	берег=LAT	собака=COMPAR	плавать=INCH=EP=1SG

‘Я к берегу по-собачьи (букв.: «как собака») поплыл.’

(2) *Аусима сугза, баи калâ эи биэ. Минти-бэдэ диганаини сугза* [УКО, 1999: 128].

аиси=ма	сугза=∅	баи	калâ	э=и	биэ	минти=бэдэ
золото=ADJ	рыба=NOM	простой	вещь	NEG=PRP	быть.INF	мы.IN=COMPAR
дигана=и=ни		сугза=∅				
говорить=PRES=3SG		рыба=NOM				

‘Золотая рыбка, не простая. Как мы, говорила рыбка’.

(3) *Си кэктэһи-дэ бāжэһи тэгэнэми, би-бэдэ* [Кормушин, 1998: 161].

си=∅	кэктэ=һи=дэ	бā=жэ=һи	тэгэ=нэ=ми
ты=NOM	лечь.PRES=2SG=CONN	найти=FUT=2SG	халат=DEST=REFL.POSS/SG
би=бэдэ			
я=COMPAR			

‘И ляжешь ты, получишь платье для себя, как я’.

За показателем сравнения *-бэдэ* в составе словоформы могут следовать словоизменительные форманты, например:

(4) *Галактами в‘алилами, тойэк-тойэк, мауга нйвэ, мэнэ куи-бэдэвэ, тойэк-тойэк!* [ФУ, 1998: 252].

галакта=ми	в‘али=ла=ми	тойэк=тойэк	мауга
искать.PRES=1SG	сражаться=NPUPR=POSS/1SG	INTJ	сильный
нй=вэ	МЭНЭ	куи=бэдэ=вэ	тойэк=тойэк
человек=ACC	REFL	сила=COMPAR=ACC	сильный

‘Ищу для сражения, *тоек-тоек*, сильного человека, (равного) мне по силе, *тоек-тоек*’.

Таким образом, компаративная форма *куи=бэдэ=вэ* ‘сила=COMPAR=ACC’ согла-суется в падеже с тем словом, к которому относится, – *нй=вэ* ‘человек=ACC’.

Кроме того, посредством форманта *-бэдэ* передается значение персуазивности, т.е. неуверенности в достоверности сказанного. Человеку, описывающему ситуацию, кажется, например, что сильная буря чем-то напоминает вой волка, расплавленная масса от свинцового человека похожа на бугорок, звуки, доносящиеся из люльки, имеют сходство с комариным писком:

(5) ...*наму п’алиги одони, гугда-гугда хэнэ эмэини ули киатигини, эди эдинэисини, ньэну бунинэ-ини-бэдэ биэ* [УКО, 1999: 135–136].

наму=∅ море=NOM	п’алиги чёрный	одо=ни статья.PAST=3SG	гугда=гугда высокий=высокий	хэнэ=∅ ветер=NOM
эмэ=и=ни приходить=PRES=3SG		ули вода	киа=тиги=ни берег=LAT=POSS/3SG	эди=∅ ветер=NOM
эдинэиси=ни дуть.ветру.PRES=3SG	ньэну=∅ волк=NOM	<u>бунинэ=и=ни=бэдэ</u> <u>выть=идти=PRES=3SG=COMPAR</u>		биэ быть.INF

Уд. ‘...море черным сделалось, высокие-высокие волны накатывают на берег, ветер дует, будто идет воев волк’.

(6) *Туэма нй унэни, ути нйдиги омо кагда-бэдэ осигиэни* [ФУ, 1998: 96].

туэ=ма свинец=ADJ	нй=∅ человек=NOM	унэ=ни расплавиться.PAST=3SG	ути этот	нй=диги человек=ABL
<u>кагда=бэдэ</u> <u>бугор=COMPAR</u>	осиги=э=ни остаться=PAST=3SG			

‘Свинцовый человек расплавился, и от него остался будто бугорок’.

(7) *Эмусисини гамакта-бэдэ йаидалига гунэ эмугэ долони* [ФУ 1998: 224].

эмуси=си=ни качать.люльку=DUR=3SG	<u>гамакта=бэдэ</u> <u>гнус=COMPAR</u>	йаида=ли=га шуметь=INCH=EXPR	гунэ EV
эмугэ люлька	долони в		

‘Качала она люльку, слышно: будто комар вдруг начал жужжать в люлке’.

Использование показателя *-бэдэ* подчеркивает субъективность восприятия и нереальность сравнения: в действительности волки не воют, а комары в люлке не жужжат.

Существует и третье значение, регулярно передаваемое показателем *-бэдэ*. Сочетание указательного местоимения и форманта *-бэдэ* описывает значение соответствия – ‘так, такой’ (а как именно «так», становится ясно из широкого контекста). Например:

(8) *Нуати мама мбунинани, улэнинэни багиати, мэнэ буатиги, мамасафаи гаэина, уэниэти. Ута-бэдэ багдиати* [ФУ, 1998: 254].

нуа=∅=ти он=NOM=POSS/3PL	мама старуха	мб=ни=на=ни дрова=AL.POSS=DEST=POSS/3SG
-----------------------------	-----------------	--

улэ=җи=нэ=ни		баги=а=ти	мэнэ	буа=тиҗи
мясо=AL.POSS=DEST=POSS/3SG		собрать=PAST=3PL	свой	страна=LAT
мамаса=фаи	гаҗи=на	җэни=э=ти	ута=бэдэ	багди=а=ти
жена=REFL.POSS	взять=идти	уходить=PAST=3PL	этот=COMPAR	жить=PAST=3PL

‘Они для старухи дрова и мясо заготовили, в свои края ушли, своих жен взяв. Так жили’.

(9) *Җэниэни җәйхи. Җәйхи җэнэ ту утэбэдэ багдиате. Ситэнэфи йэнэфи ба’ами ту утэ багдиате элэ. Элэ этэтэни утэбэдэ* [Кормушин, 1998: 200].

җэни=э=ни	җәйхи	Җәйхи	җэнэ	ту
уходить=Past=3SG	на.берег	на.берег	идти	все
багди=а=те	ситэ=нэ=фи		йэ=нэ=фи	ба’а=ми
жить=PAST=3PL	ребенок=DEST=REFL.POSS		что=DEST=REFL.POSS/PL	искать=CV
Ту	утэ	багди=а=те	элэ	элэ
Все	этот	жить=PAST=3PL	хватит	хватит

этэтэ=ни	утэ=бэдэ
конец=POSS/3SG	этот=COMPAR

‘Ушел он на берег. На берег пошли все, так жили. Детей для себя, вещей (~добра) нажили, все жили. Хватит, конец (сказки) такой’.

Таким образом, в удэгейском языке, как и в нанайском, существует особая непадежная форма сравнения на *-бэдэ*, в которой данный показатель служит своего рода индикатором сравнения. Морфема *-бэдэ* присоединяется к общему компоненту, который является основанием для сравнения.

Посредством морфемы *-бэдэ* выражается как реальное сравнение, так и нереальное. Кроме того, сочетание указательного местоимения и *-бэдэ* передает семантику соответ-

ствия («так, таким образом»).

2) Сравнение, выражаемое лексическими средствами.

Для передачи значения эквивалентности используются лексические средства: существительное (как правило, в лично-притяжательной форме) *дйуки* = ~ *диуки* = ~ *di:ŋki* = ‘величиной с...’, размером с...’, прилагательное *бэйэку* ~ *бэкулэ* ‘похожий, подобный’, наречие *җэвэҗигэҗи* ‘подобно, сравнимо’ Приведем примеры:

(10) *Ge, uti xuaŋasaŋa-la siŋe bagdi: ede:-ni, sagdi sagdi siŋe, [ja: diŋkini]* [UT 2003: 19].

Ge	uti	xuaŋasaŋa=la	siŋe=∅	bagdi:	ede:=ni
INTJ	этот	князь=LOC	мышь=NOM	жить.PRP	статья.PAST-3SG
sagdi	sagdi	siŋe	ja:	diŋki=ni	
большой	большой	мышь	Корова	величиной.c=POSS/3SG	

‘Ну, у этого князя появилась мышь, большая-пребольшая мышь (величиной с корову)’.

(11) *...цэзэ, ути Сяиҗэ сугбэни Камчатка бэкулэ бисини* [Kanchuga, 2002: 39].

цэзэ	ути	Сяиҗэ	сугбэ=∅=ни	Камчатка	бэкулэ
верно	этот	Сяин	мыс=NOM=POSS/3SG	Камчатка	похожий

би=си=ни

быть=PAST=3SG

‘...верно, этот мыс в Сяине (букв.: Сяинсткий мыс) был как Камчатка’.

(12) ...эхими бэйэку – дэгдини, бэйэни, йэвэ-дэ во ‘они, этэтээни [Кормушин, 1998: 165].

эхи=ми	<u>бэйэку</u>	дэгди=ни	бэйэ=ни
старш.сестра=POSS/1SG	<u>похожий</u>	лицо=POSS/3SG	тело=POSS/3SG

йэ=вэ=дэ	во‘о=ни	этэтэ=э=ни
что=ACC=CONN	делать.PRES=3SG	работать=PAST=3SG

‘...на мою сестру похожа – лицо её, фигура её, и делает, (как) она работала’.

(13) Э-э, наму боно сэбзэнку бонойни санту жэвэжигэжи [Кормушин, 1998: 181].

э-э	наму	Боно	сэбзэнку	боно=й=ни
INTJ	море	Град	интересно	идти.граду=PRES=3SG

санту	жэвэжигэ=жи
кулак	подобно=ADV

‘Э-э, море, (где) град идет с кулак’ (букв.: море, град идет интересно, величиной с кулак).

Лексические средства используются для выражения эквивалентных сравнительных отношений.

Б. Неэквивалентное сравнение в удэгейском языке.

При помощи неэквивалентного сравнения устанавливается различие между двумя предметами: один ниже / выше / слабее / сильнее другого.

3) Основным способом выражения неэквивалентного сравнения является синтаксическая конструкция, в состав которой входит существительное в форме исходного падежа и прилагательное: NOUN=NOM NOUN=ABL ADJ cop.

В отличие от нанайского языка, где сравнительная форма существительного на дуй преимущественно используется в

сочетании с прилагательным (чимай *сиксэдуй улэн* ‘утро вечера лучше’, *ми-тэни уйдуй-дэ* гогдаи ‘а я всех выше’) [Аврорин, 1981: 189–190], в удэгейском языке сравнение с участием прилагательного выражается не морфемой -бэдэ.

Как отмечает А.Х. Гирфанова, сравнение в удэгейском языке может быть выражено следующей аналитической конструкцией: «имя того, что сравнивается, в именительном падеже + ситуативный эталон сравниваемого качества в отложительном падеже + прилагательное (ср. *Огбё кянадиги сагди* – букв. Лось (от) изюбря большой)» [Гирфанова, 2001: 470; см. также Кормушин, 1998: 90; Nikolaeva, Tolskaia, 2001: 180-181].

Приведем примеры данной аналитической конструкции:

(14) Сэлэмэ нй тузама нйдиги сагди бисини [ФУ, 1998: 96].

сэлэмэ	нй=Ø	туза=ма	нй=диги	сагди
железо=ADJ	<u>человек=NOM</u>	свинец=ADJ	<u>человек=ABL</u>	<u>большой</u>

би=си=ни

быть=PAST=3SG

‘Железный человек был больше свинцового человека’.

IV. Обсуждение. Отметим, что данная конструкция обладает определенной по контексту. Тогда конструкция приобретает гибкостью. Достаточно часто встречаются вид NOUN=NOM + ADJ сор: конструкции, в которых эталон сравнения

(15) *Хэтэ маңга бими, улиги уукиалаи, Какта Нй маңга бими, нāла-гда уукиалаи* [ФУ, 1998: 150].

<u>хэтэ=∅</u>	<u>маңга</u>	би=ми	ули=тиги	уукиала=и	<u>Какта Нй</u>
<u>тюлень=NOM</u>	<u>сильный</u>	быть=CV	вода=LAT	тащить=PRP	<u>Какта Ни</u>

<u>маңга</u>	би=ми	нā=ла=гда	уукиала=и
<u>сильный</u>	быть=CV	земля=LOC=PARTCL	тащить=PRP

‘Тюлень сильней окажется – в воду тащит (соперницу), Какта Ни сильней окажется – на сушу (тюленя) тащит’.

(16) *Ни маиэ, ни маиэ анамасити* [ФУ, 1998: 302].

<u>Ни</u>	<u>маиэ</u>	<u>ни</u>	<u>маиэ</u>	ана=маси=ти
<u>Кто</u>	<u>сильный</u>	<u>кто</u>	<u>сильный</u>	толкать=RECIP=3PL

(При игре в «Медведя») (Мальчики) Толкают друг друга, кто кого сильнее.

В сравнительной аналитической конструкции прилагательное может принимать показатель -дима ~ -ндима – маркер усиленности признака, близкий семантике компаратива [Кормушин, 1998: 90; Nikolaeva, Tolskaya, 2001: 188]. Он может присоединяться к качественным прилагательным. Таким образом, конструкция приобретает вид NOUN=NOM+ADJ=INT+NOUN=ABL. Наблюдается также определенная свобода в расстановке членов данной конструкции (за существительным в именительном падеже закреплено первое место, а существительное в исходном падеже и имя прилагательное могут меняться местами):

(17) *Нй маидима мафадиги* [ФУ, 1998: 312].

<u>нй=∅</u>	<u>маи=дима</u>	<u>мафа=диги</u>
<u>человек=NOM</u>	<u>сильный=INT</u>	<u>медведь=ABL</u>

Человек сильней медведя.

(18) *Амии бисини, синдиги маугадима бисэ* [ФУ, 1998: 168].

<u>ами=∅=и</u>	би=си=ни	<u>син=диги</u>	<u>маңга=дима</u>	би=сэ
<u>отец=NOM=POSS/2SG</u>	быть=PAST=3SG	<u>ты=ABL</u>	<u>сильный=INT</u>	быть=PAST

Твой отец посильнее тебя был.

В нашей выборке имеется два контекста, в которых второе существительное принимает форму не исходного, а направительного падежа:

(19) *Си ауи синтиги-дэ маңга, эсини вā, гуму* [ФУ 1998: 162].

Си	<u>ау=∅=и</u>	<u>син=тиги=дэ</u>	<u>маңга</u>	э=си=ни
Ты	<u>зять=NOM=POSS/2SG</u>	<u>ты=LAT=AMPL</u>	<u>сильный</u>	NEG=PAST=3SG

<u>вā</u>	гуму
убить.INF	EV

Твой зять и сильнее тебя, (но) не убил, видать.

Морфологический и аналитический способы выражения сравнения могут сочетаться:

(20) *Йэгдиг 'э ухи исэсиэни: ути нйтиги нуани чинд 'а-бэдэ нич 'аи бисини, ути нй киadini [ФУ, 1998: 96].*

йэгдиг 'э=∅	ухи	исэси=э=ни	ути	<u>нй=тиги</u>
молодец=NOM	вверх	смотреть=Past=3SG	этот	<u>человек=LAT</u>
нуа=∅=ни	<u>чинд 'а=бэдэ</u>	<u>нич 'аи</u>	би=си=ни	
он=NOM=POSS/3SG	<u>птичка=COMPAR</u>	<u>маленький</u>	быть=Past=3SG	
Ути	нй	киadini		
этот	человек	рядом		

Егдыга вверх посмотрел: он был, как птичка, маленький, рядом с этим человеком.

(Букв.: к этому человеку он был, как птичка, маленький).

Выражение сравнения аналитическими средствами встречается в удэгейском языке реже, чем выражение с помощью *-бэдэ* (т.е. морфологически). Тем не менее данные контексты позволили нам внести уточнение в формулу модели. Аналитическая конструкция сравнения в удэгейском языке выглядит следующим образом: NOUN=NOM + NOUN=ABL~NOUN=LAT+ADJ=(INT)¹. Аналитическая сравнительная конструкция со вторым существительным в направительном падеже встречается значительно реже, чем со вторым существительным в исходном падеже.

V. Заключение.

1) Удэгейский язык обладает широкой палитрой средств и способов выражения сравнительных отношений. Они могут быть эквивалентными и неэквивалентными. В данной статье впервые рассмотрен весь комплекс средств выражения семантики сравнения. Впервые описан непадежный морфологический способ, часто используемый для передачи эквивалентных сравнительных значений. Посредством форманта *-бэдэ* 'как, будто, словно' выражается эталонное сравнение. Данная морфема присоединяется, как правило, к существительному, обозначающему эталон, образец, с которым что-либо сравнивается. Также морфема *-бэдэ* может присоединяться к местоимениям и глаголам.

2) Посредством морфемы *-бэдэ* выражается как реальное сравнение, так и персуазивность, т.е. неуверенность в достоверности эталона сравнения. Кроме того, сочетание указательного местоимения и *-бэдэ* передает семантику соответствия («так, таким образом»).

3) К лексическим средствам, передающим отношения эквивалентности, относятся существительное *дйнки= ~ динки=* 'величиной с' и прилагательное *бэйэку ~ бэкулэ* 'похожий', выполняющие в предложении роль предиката.

4) Аналитическая синтаксическая конструкция сравнения NOUN = NOM + NOUN = ABL ~ NOUN = LAT + ADJ = (INT) сор используется для выражения неэквивалентного сравнения. Существительное в ее составе обозначает образец для сравнения; прилагательное называет признак, на основе которого устанавливается различие между сравниваемыми предметами.

5) Морфологический и синтаксический способы выражения сравнения могут сочетаться, если этого требует ситуация.

Список условных обозначений и сокращений:

Бспадежная форма не маркируется; ABL – исходный падеж; ACC – винительный падеж; ADJ – прилагательное; ADV – наречие; AL.

¹ В формуле аналитической конструкции сравнения знак ~ обозначает вариативность падежных суффиксов, которые принимает второе существительное. Знак скобок () обозначает факультативность показателя интенсивности признака в составе прилагательного.

POSS – отчуждаемая принадлежность; AMPL – формант дэ в усилительной функции; COMPAR – сравнительная морфема -бэдэ; CONN – формант -дэ в соединительной функции; cop – глагол-связка; CV – деепричастие; DEST – назначительный падеж; DUR – длительность; EP – эпенетический гласный; EV – эвиденциальная частица гунэ ~ гуму; EXPR – экспрессивность; FUT – будущее время; IN – включающая форма личного местоимения 1 л. мн. ч.; INCH – начинательность; INF – инфинитив; INT – показатель интенсивности признака -дима; INTJ – междометие; INSTR – творительный падеж; LAT – направительный падеж; LOC – местный падеж; NEG – отрицательный вспомогательный глагол э-; NOM и – именительный падеж; NOUN – имя существительное; NPURP – связанное отглагольное существительное цели; PARTCL – частица; PAST – прошедшее время; PL – множественное число; POSS – личная притяжательность; PRES – настоящее время; PRP – причастие настоящего времени; RECIP – взаимный залог; REFL – возвратное местоимение мэнэ; REFL.POSS – возвратная притяжательность; SG – единственное число.

Список литературы:

- Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. 282 с.
- Аврорин В.А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1981. 198 с.
- Аврорин В.А., Болдырев Б.В. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2001. 400 с.
- Болдырев Б.В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука. 2007. 932 с. Т. 15. Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.
- Кормушин И.В. Удыхейский (удэгейский) язык: Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука, 1998. 320 с.
- Озолина Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Академич. изд-во «Гео», 2013. 375 с.
- ФУ 1998 – Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ. Сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН. 1998. 561 с. Т. 18. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.

Черемисина М.И., Шамина Л.А. Выражение сравнения в тувинском языке // Черемисина М.И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 598–613. СО РАН, Избранные труды.

Kanchuga 2002 – An Udehe Autobiographical Text with a Russian Translation by Aleksandr Kanchuga. Edited with a Japanese Translation by T. Tsumagari. In: *Publications on Tungus Languages and Cultures 17*. Sapporo: Nakanishi Printing Co, Ltd. 2002. Pp. 39, 55.

Nikolaeva I., Tolskaya M. A Grammar of Udege, Berlin. The Hague: Mouton de Gruyter. 2001.

UT 2003 – Nikolaeva I., Perekhval'skaya E., Tolskaya M., eds. Udege Texts. With Preface by T. Tsumagari. In: *Endangered Languages of the Pacific Rim (ELPR Publications Series A2–025)*. Sapporo: Nakanishi Printing Co, Ltd. 2003.

Список словарей:

Гирфанова А.Х. Словарь удэгейского языка. СПб.: Наука, 2001. 476 с.

УКО 1999 – Кялундзюга В. Т. *Удиэ кэйэвэни оьоити* (Удэгейский букварь). Хабаровск: Хабаровское книж. изд-во. 1999. 160 с.

References:

An Udege Autobiographical Text with a Russian Translation by Aleksandr Kanchuga. Edited with a Japanese Translation by T. Tsumagari. In: *Publications on Tungus Languages and Cultures 17. (ELPR Publications Series A2–019)*. Sapporo: Nakanishi Printing Co, Ltd. 2002. Pp. 39, 55. (In Japanese and Russian)

Avrorin V.A., Boldyrev B. V. *Grammatika orochskogo yazyka* [The Orochi Language grammar]. Novosibirsk. SO RAN Publ., 2001. 400 p. (In Russian)

Avrorin V.A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [The Nanay Language grammar]. Volume 1. Moscow–Leningrad: AN SSSR Publ., 1959. 282 p. (In Russian)

Avrorin V.A. *Sintaksicheskie issledovaniya po nanayskomu yazyku* [Syntactic research in the Nanay Language]. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1981. 198 p. (In Russian)

Boldyrev B.V. *Morfologiya evenriyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki Language]. *Pamyatniki etnicheskoy kultury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of ethnic culture of indigenous peoples of the North, Siberia and Far East]. Volume 15. Novosibirsk. Science Publ., 2007. 932 p. (In Russian)

Cheremisina M.I., Shamina L.A. *Vyrazhenie sravneniya v tuvinskom yazyke* [Expression of comparison in the Tuvan Language]. Cheremisina M.I.

Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem. SO RAN. Izbrannye trudy [Theoretical problems of syntax and lexicology in the languages of different systems. SBRAS. Selected works]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. Pp. 598-613. (In Russian).

Folklor udegeycev: Nimanku. Telungu. Ekhe [Udege Folklore: Nimanku. Telungu. Ekhe. Eds. Simonov, M. D., Kyalundzuga, V.T., Khasanova, M.M.]. *Pamyatniki folkloro narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore Memorials of aboriginal peoples of Siberia and Far East]. Volume 18. Novosibirsk: Science Publ., 1998. 561 p. (In Russian).

Girfanova A.H. *Slovar' udegeyskogo yazyka* [The Udege Dictionary]. Saint Petersburg. Science Publ., 2001. 476 p. (In Russian)

Kormushin I.V. *Udyheyskiy (Udegheyskiy) yazyk: Materialy po etnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki.*

Teksty i perevody. Slovar' [Udyhe (Udege) Language. Materials on the ethnic Culture. Phonetics and Grammar. Texts and Translations. Glossary]. Moscow: Science Publ., 1998. 320 p. (In Russian)

Kyalundzuga V.T. *Udie keieveni oŋoiti* [Udege ABC book]. Khabarovsk, 1999. 160 p. (In Russian)

Nikolaeva I., Perekhval'skaya E., Tolskaya M., eds. Udege Texts. With Preface by T. Tsumagari. In: *Endangered Languages of the Pacific Rim (ELPR Publications Series A2-025)*. Sapporo: Nakanishi Printing Co, Ltd. 2003. (In Japanese)

Nikolaeva I., Tolskaya M.A. *Grammar of Udege*, Berlin. The Hague: Mouton de Gruyter, 2001. (In English)

Ozolinya L.V. *Grammatika orokskogo yazyka* [A Grammar of Orok (Uilta)]. Novosibirsk, 2013. 375 p. (In Russian)

A.O. Sagaydachnaya

Ways of Expressing Comparative Relations in the Udege Language

Scientific novelty. In the present paper for the first time the non-case morphological way of expressing comparison is described there. It is often used in Udege. It is revealed for analytical comparative construction that sometimes the second noun accepts the Lative case form but not the Ablative one. It is also discovered that the morphological and analytical ways of expressing comparison may combine in the same sentence.

The *aim* of the study is to analyze means expressing equivalent and non-equivalent comparison in the Udege language. *Tasks:* analytical way (comparative construction) and morphological way (special formant) by which comparison is expressed need to be described. Lexemes with comparative meaning are observed there as well.

The main *methods* used in this research are comparative, statistical and descriptive, as well as synchronous analysis and observation.

Results. In Udege there are two types of comparison – equivalent and non-equivalent. By means of a formant *-bede* 'as though, like' it is expressed the standard of comparison there (equivalent comparison). This morpheme joins to the noun which is standard to compare something with it. The morpheme *-bede* may also be joined to pronouns and verbs, in other words to the component which is the base of comparison. The morpheme *-bede* is polysemantic: it can express either real or unreal comparative relations, as well as semantic of correspondence. Lexical means using to express equivalent comparative semantics are described in the present paper as well. Besides that in the paper analytical construction of comparison is observed in details and its formula has been clarified. This is the way to express the second type of comparison in Udege – non-equivalent comparative relations. In this construction there is a noun as a sample of comparison and an adjective as an attribute underlying the comparison.

Keywords: Udege language, comparison relations, comparative morpheme, comparative analytical construction, lexical means of expressing comparison

Ю.Д. Абаева

DOI 10.25693/SVGV.2022.39.2.009

УДК 811.512.31'373

Лексические интенсификаторы в бурятском языке

Научная новизна. Статья представляет собой одно из первых специальных исследований лексических средств выражения категории интенсивности в бурятском языке с точки зрения функционально-семантического подхода.

Цель исследования – анализ лексических средств, принадлежащих разным частям речи, объединенных функцией выражения интенсивности в бурятском языке. *Задачи* исследования: установление семантического поля категории интенсивности; выявление и систематизация лексических средств выражения, входящих в поле исследуемой категории; выявление способов образования и анализ значений слов-интенсификаторов; решение некоторых спорных вопросов частеречной принадлежности слов-интенсификаторов.

Методы исследования: описательный, методы полевого структурирования, частеречного, морфологического и семантического анализа.

Результаты. Было выявлено, что наиболее частотным интенсификатором в бурятском языке является слово *ехэ* ‘большой, очень’; частотно образование интенсификаторов из эмотивных прилагательных, зачастую с отрицательной семантикой (*муухай гоё* ‘страшно красивый’); прилагательных цветообозначения (*хара* ‘черный’, *хүхэ* ‘синий’, *улаан* ‘красный’); прилагательных и причастий с отрицательным аффиксом *-гуй* (*аргагуй* ‘очень’, *үзэгдөөгуй* ‘невиданный’), который придает значение отрицания вменяемости, разумности, границ. Наречия-интенсификаторы образуются из деепричастий степени действия на *-хыса*, *-са* (*шадахыса* ‘изо всех сил’, *ялайса* ‘до блеска’), деепричастий предела на *-тар* (*унатар* ‘до упаду’); числительных, выражающих неопределенную множественность (*дала мянган алаяһан* ‘множество (букв. семьдесят тысяч) мух’). В качестве интенсификаторов могут выступать местоимения (*ямар* ‘какой’, *шимэ / тиимэ* ‘такой’, *хэды* ‘сколько’) и существительные (*шулуун хатуу* ‘твердый, как камень’). Многофункциональная частица *-л / лэ* может как усиливать значение интенсификаторов, так и выступать в роли усилителя самостоятельно (*түргөөр лэ* ‘очень быстро’). Функционально-семантический анализ корпусного материала позволил выявить дополнительные значения некоторых слов, например, усиливающее значение слова *одоол*, а также пролить свет на частеречную принадлежность некоторых слов.

Ключевые слова: бурятское языкознание, категория интенсивности, лексические интенсификаторы, функционально-семантический подход, части речи, наречия, мотивированные наречия

I. Введение. Интенсивность – это самостоятельная лингвистическая категория, имеющая свое специфическое содержание и средства выражения, однако в бурятском языкознании исследование этой категории находится в самом начале пути. Цель настоящего исследования – анализ лексических средств, принадлежащих разным частям речи, объединенных функцией выражения интенсивности в бурятском языке. Задачи исследования: определить круг слов, способных выступать в качестве интенсификаторов; рассмотреть способы образования мотивированных наречий-интенсификаторов в бу-

рятском языке; выявить новые значения слов, способных выступать в функции интенсификаторов, прояснить некоторые спорные вопросы об их частеречной принадлежности.

Актуальность тематики статьи обусловлена тем, что интенсивность является важнейшей семантической категорией, которая широко задействована на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Категория интенсивности в бурятском языке ранее не выделялась, имеются лишь описания отдельных ее аспектов, что вызывает необходимость ее изучения. Лексические интен-

сификаторы, представленные в бурятском языке наречиями, прилагательными, глаголами, существительными, числительными, местоимениями, частицами, нуждаются в описании, систематизации и семантическом анализе.

В отечественной лингвистике семантическая категория интенсивности и средства ее выражения рассматривалась в трудах И.И. Туранского, Н.А. Лукьяновой, И.И. Убина, Е.И. Шейгал и др. В «Проблемах функциональной грамматики» имеется раздел, посвященный семантике интенсивности и ее выражению в русском языке [Родионова, 2005]. Среди работ, вышедших сравнительно недавно, можно отметить исследования, посвященные интенсификаторам в английском языке [Безрукова, 2004], роли интенсивности в художественном тексте [Gulyamova, 2021], межъязыковым сопоставлениям [Дамянова, Маринова, 2015], описанию тенденций развития лексических интенсификаторов в новейший период [Сандакова, 2020], эмотивным интенсификаторам [Берестенев, Васильева, 2016] и др.

Среди работ по бурятскому языкознанию, рассматривающих интенсивность в качестве самостоятельной языковой категории, можно назвать лишь работу Ч.С. Цыбеновой, в которой дан краткий анализ усилительных наречий и некоторых глагольных форм и частиц со значением усиления [Цыбенова, 2020]. В «Проблемах новой академической грамматики бурятского языка» категория интенсивности хотя и не выделяется в качестве самостоятельной категории, однако при описании наречий меры и степени указывается, что они «объединяют в своем составе не однородную по своему содержанию группу слов. Одни из них близко соприкасаются с частицами, другие – с числительными и глаголами». Рассматриваются случаи адвербиализации и конверсии различных частей речи [Шагдаров, 2013: 162].

Относительно семантики данной категории ученые делают вывод, что категория интенсивности передает отношение говорящего к событиям и явлениям, является средством языковой оценки говорящим каких-либо характерных признаков [Туранский, 1990: 34]. Категория интенсивности также определяется как качественно-количественная категория, «занимающая срединное положение между полями качественности и количественности (пересекаясь и с тем,

и другим)» [Бондарко, 2001: 21]. Причем интенсивность связана не с любой количественной характеристикой предмета или явления, а только с такой, которая указывает на отклонение от «нормальной» меры [Лукьянова, 1986: 56]. Кроме того, уровень количественного изменения признака происходит в пределах меры, не влечет за собой изменения качества [Безрукова, 2004: 3].

Наиболее характерным признаком интенсивности исследователи называют ее прагматический характер. Для категории интенсивности важна «субъективная значимость для участников ситуации данного увеличения количества признака» [Родионова, 2004: 303]. Интенсивность близка с экспрессивностью, которая позволяет говорящему усиливать эмоциональное воздействие на собеседника. Это усиление достигается благодаря интенсификации, которая выражает не объективно высокую степень признака, а субъективное представление говорящего об этой мере как значительно отличающейся от нормальной [Лукьянова, 1986: 56–57]. Таким образом, под интенсивностью в самом широком смысле понимается количественное изменение признака, ее отличительной чертой является прагматический характер и наличие экспрессивного компонента [Егорова, 2009: 224].

Ведущая роль в системе средств выражения интенсивности принадлежит лексическим средствам, причем задействованными оказываются слова нескольких классов. В силу этого возникает необходимость подробного исследования лексического уровня, анализа слов разных классов, передающих значение интенсивности [Бельская, 2004: 203].

По мнению С.Е. Родионовой, центральной семантической составляющей интенсивности является слово *очень*, а также близкие к нему слова, выражающие предельную величину признака при помощи слов *абсолютно*, *совершенно*, которые находятся на периферии поля интенсивности [Родионова, 2005: 153–154].

Количественная градация признака может идти как в сторону возрастания, так и в сторону убывания степени его проявления. Ю.Л. Воронников приводит ряд наиболее типичных наречий, характеризующих ту или иную степень проявления признака, которые сведены к трем бинарным оппозициям: большая (*очень*) – не-

большая (*чуть-чуть, немного*) степени, полная (*совсем, совершенно*) – неполная (почти) степени, достаточная (*вполне, достаточно*) – недостаточная (*недостаточно, мало*) степени. И вне противопоставления чрезмерная степень (*слишком*) [Воротников, 2003: 198].

Интенсификацию мы понимаем как усиление семантики, в отличие от некоторых исследований, рассматривающих интенсификацию и как усиление, и как ослабление семантики слов. Поскольку нас интересует увеличение признака, то в поле нашего рассмотрения будут степени большая (*очень*), полная (*совсем, совершенно*), чрезмерная (*слишком*) и в некоторых случаях достаточная (*вполне*).

Следует отличать интенсификаторы от интенсификатов – слов, имплицитно содержащих сему интенсивности, например: *аадар* ‘ливень’, *абарга* ‘огромный, колоссальный’, *агуу* ‘великий’, *гайтай* ‘из ряда вон выходящий, бедовый, озорной’, *гайхамшагтай* ‘изумительный, чудесный’, *хүхихэ* ‘сильно радоваться, ликовать’. Интенсификаторы же выражают усиление эксплицитно, например: *ехэ бороо* ‘сильный дождь’, *эгээл ехэ* ‘самый большой’, *аргагүй баярлаха* ‘сильно радоваться’.

Теоретическая значимость. Работа вносит вклад в развитие функционально-семантического подхода к исследованию категории интенсивности. Анализ средств выражения интенсивности в бурятском языке способствует более глубокому пониманию специфики реализации данной категории в речи.

Практическая значимость. Данная работа может быть полезна при решении практических задач перевода текстов с русского на бурятский и наоборот, при создании толковых словарей бурятского языка, в разработке методики преподавания бурятского языка.

II. Материалы и методы. Источниками исследования послужили русско-бурятские и бурятско-русские словари, художественные тексты из Корпуса бурятского языка¹, наблюдения за живой разговорной речью. В работе использовались описательный метод, методы семантического и контекстного анализа.

III. Результаты. В бурятском языке имеется целый разряд непроизводных усилительных наречий типа *тон, дан, аяар*, описанных в Грамматике бурятского языка [Грамматика, 1962: 294–295], и позднее более подробно Л. Д. Шагдаровым в числе наречий меры и степени [Шагдаров, 2013: 160–164]. Эти наречия аналогичны наречию *очень* в русском языке или *very* в английском языке, то есть частично или полностью утратили свое лексическое значение и выполняют служебную роль, усиливая семантику связанных с ними лексических единиц. Эти слова не обладают в полной мере категориальными признаками наречий: не имеют степеней сравнения, не могут иметь определений, выраженных другими наречиями. Например: *тон ондоо* ‘совсем другой’, *балай хайханаар* ‘чрезвычайно красиво’. *Би нэгэ угаа зохид газар мэдэхэб!* ‘Я знаю одно очень хорошее место!’ (Ц. Цырендоржиев «Алтанай болзор», 2007)².

Из собственно наречий, выступающих в функции интенсификаторов, но в определенной степени сохраняющих свое лексическое значение можно упомянуть наречие *хайса* ‘хорошо, как следует’: *хайса мэдэхэ* ‘хорошо знать’, *хайса амархан* ‘хорошо отдохнувший’; *...хайса заажжа, ойлгуулжа үгэхэ хэрэгтэй* ‘...нужно как следует показать, объяснить’ (Х. Намсараев «Эдиршүүд», 1949).

Анализ корпусного материала позволил выявить дополнительные значения некоторых слов, которые могут использоваться в роли интенсификаторов. Так, наречие *одоол* ‘наконец-то, теперь-то уж...’ в сочетаниях с эмотивными прилагательными имеет явно усилительный смысл:

Эгээл эндэ малтагты. Одоо таатай зохид газар байха. ‘Копайте именно здесь. Это будет самое лучшее место’ (М. Осодоев «Заха холын заямхада», 1975).

Одоол аягүй юмэ болохо байна гээшэ ‘Собирается произойти что-то очень неприятное’ (Х. Намсараев «Эдиршүүд», 1949).

1991 оной августын 28. *Одоол баяртай!* ‘28 августа 1991 года. Очень рад!’ (Ц. Цырендоржиев «Галдан Захаровой дэбтэр», 2006).

¹Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 14.02.2022)

²Здесь и далее указанные литературные источники на бурятском языке взяты из Корпуса бурятского языка.

Однако в Бурятско-русском словаре в переводе данного слова никак не отмечена его способность функционировать в качестве усилительного наречия.

Помимо производных усилительных наречий, в роли интенсификаторов выступают другие части речи: имена прилагательные, числительные, местоимения, глагольные формы и др. В зависимости от слова, к которому они относятся, они могут принимать категориальные признаки наречий.

Прилагательные. Некоторые прилагательные в препозиции к прилагательным, существительным и наречиям с качественно-оценочной семантикой, а также к глаголам приобретают значение интенсификаторов. Как известно, для монгольских языков характерна синкретичность основ, то есть различия между частями речи не выражены формально. В зависимости от главного слова, к которому они относятся, эти прилагательные могут приобретать признаки наречий.

Анализ материала из Корпуса бурятского языка выявил, что наиболее частотным и универсальным интенсификатором в бурятском языке является слово *ехэ* 'большой', которое в функции наречия-интенсификатора переводится 'очень'. Частотность его употребления составляет практически треть всех случаев употребления интенсификаторов, оно может усиливать значение практически любых частей речи: *ехэ хэрэгтэй* 'очень нужный', *ехэ амжалтайгаар* 'очень успешно', *ехэ мэхэ* 'большой обман', *ехэ уурлаха* 'сильно сердиться'. *Шинии хүрээжэ ерэнхэндэ ехэ баяртай байнаб...* 'Я очень рад, что ты приехал...'

Прилагательное *һөөл* 'замечательный, исключительный', употребляясь в позиции перед прилагательным или наречием, также становится интенсификатором, его употребление в этой функции весьма частотно: *һөөл баяртай* 'чрезвычайно радостный', *һөөл уйдхаратайгаар* 'очень печально'. *Һөөл аягүй юмэн болоод байна* 'Произошло очень неприятное событие' (С. Цырендоржиев «Ондоо бодол байхагүй», 1977). Однако в словаре [БРС II: 562] это слово трактуется как усилительная частица со значением 'очень, весьма'. На наш взгляд, это тот случай адвербиализации, когда прилагательное определяет наречие или действие и приобретает признаки наречий.

Мотивированные интенсификаторы часто образуются от эмотивных прилагательных или причастий. Такие интенсификаторы не только указывают на высокую степень признака или качества, но и передают эмоциональное состояние говорящего и его эмоциональное отношение к высказываемому. В функции интенсификатора эти прилагательные практически утрачивают свою лексическую семантику и лишь выполняют функцию усиления семантики слова, к которому относятся. Например: *гайхалтай* 'удивительный' (*гайхалтай тунгалаг* 'удивительно прозрачный'), *гайтай* 'необычайный, выходящий из ряда вон' (*гайтай хортойгоор ёгтолбо* 'насмехался страшно ядовито'), *жэгтэй* 'странный, необыкновенный' (*жэгтэй һонин* 'чрезвычайно интересный').

Как отмечает Д.В. Герасимов вслед за В.А. Плунгяном и Е.В. Рахилиной, слова с семантикой негативных эмоций, особенно страха, часто становятся источником появления интенсификаторных слов, ср. в русс. яз. *жуткий*, *до ужаса* и др. [Герасимов, 2016: 337], в английском языке *terribly*, *horribly* 'ужасно'. В этом смысле бурятский язык не является исключением, прилагательные типа *аймшагтай* 'ужасный', *айхабтар* 'страшный', *муухай* 'грязный, некрасивый', *бузар* 'ужасный', *галзуу* 'бешеный, сумасшедший' и др. активно используются в речи для усиления смысла: *Газаа муухай хүйтэн* 'На улице очень холодно'.

Удаань галзуу шангаар эйхэрэн тооһороод, һалхин буушаба. 'После этого с сумасшедшим свистом, подняв пыль, налетел ветер' (С. Доржиев «Байгалай басаган»).

Бодоод, үшөө нам тээшэ бузар муухайгаар иэртээ. 'Поднявшись, все еще очень злобно сверлил меня глазами' (С. Ангабаев «Голой эрьедэ», 1966). В данном предложении глагол *иэртэхэ*, содержащий имплицитную сему усиленного значения 'пристально смотреть, следить, не спуская глаз', получает дополнительное усиление при помощи эксплицитного интенсификатора.

Когда эмотивные слова выступают в функции интенсификаторов, они теряют свое отрицательное значение, поэтому становятся возможными словосочетания типа *муухай гоё* 'страшно красивый'.

Сэбэр сэдхэлэй айхабтар дулаахан ульһатайгаар, тон мээхэйгээр нэрэнь хэлэгдэн,

дурлалай хүбшэргэй дайран гарахаар дуулдаа хаям 'Его имя прозвучало очень нежно, с неимоверной (досл. страшной) теплотой, исходящей от чистой души, что задело струны любви' (Ч. Цыдендамбаев «Түрэл нютагһаа холо», 1958).

Некоторые прилагательные цветообозначения, утрачивая свое значение, могут выступать в роли интенсификаторов. Однако круг слов, с которыми эти слова сочетаются, ограничен, образуемые словосочетания можно отнести к фразеологическим сочетаниям. Например:

– *хара* 'черный' (*хара эртэ* 'очень рано', *хара баганаа* 'с очень ранних лет'): *Харин хэнэйтнайшьеб найдал, этигэл баһал шигэжэ мэхэлэгдээд, сэдхэлыетнай хара уйдхар эзэлэн мэрэжэ, тамалхадаашье болохол.* 'Однако если чьи-либо ваши надежды будут так же обмануты, вашей душой тоже может овладеть глубокая (досл. черная) печаль, которая будет грызть и мучить вас' (К. Цыденов «Бусахал даа хабар», 1964);

– *улаан* 'красный' (*улаан гол* 'самое существительное', *улаан энеэдэн* 'сильный продолжительный смех'): *Үнэхөөрөөшье, мүнөө уни заяанай үзэгдөөгүй улаан ган болобо.* 'Действительно, наступила давно невиданная сильнейшая (досл. красная) засуха' (Ц.-Ж. Жимбиев «Урасхал», 1973–1976). *Тишгээд лэ, улаан зун дунда хахархай хүдээн дэгэлтэй, хүл нюсэгэн ... амитан ябаһыемни мэдэхэ хаямта даа* 'И вот, вы ведь знаете, что в самый разгар лета (досл. красное лето) я ходил в рваной овчиной шубе и босиком...' (Х. Намсараев «Үүрэй толон», 1959);

– *хүхэ* 'синий' (*хүхэ бороо* 'сплошной дождь', *хүхэ хаарташан* 'заядлый картежник'): *Хүхэ архиншан, – гээд, Толстой нюураа уришылгаба. – Хаарташан.* 'Конченный (досл. синий) пьяница, – сказал Толстой и поморщился. – Картежник' (Б. Санжин, Б. Дандарон «Заяанай зам», 1966).

Использование названий цветов (колористики) в функции интенсификаторов не является особенностью бурятского языка. Подобные способы имеются и в других языках, ср.: в русском языке *тоска зеленая*.

Прилагательные, образованные при помощи отрицательного аффикса *-гүй*, часто используются в качестве наречий-интенсификаторов. Обычно в этой функции используются слова, которые в сочетании с отрицательным аффиксом выражают значение отрицания вмести-

сти, разумности, границ и т.п., например: *аргагүй* 'прил. невозможный, безвыходный; нар. исключительно, очень' (*арга* – средство, способ), *хэмгүй* 'безмерно, чрезвычайно' (*хэм* – мера, размер), *олиггүй* 'прил. бестолковый, плохой; нар. очень' (*олиг* – пригодность, хорошее качество), *ушаргүй* 'прил. беспричинный, нар. весьма, чрезвычайно' (*ушар* – случай, причина), *ухаангүй* 'исключительно, безумно' (*ухаан* – ум). Переходя в разряд интенсификаторов, эти наречия частично теряют свой смысл, например: *Хэмгүй ехэ ноён болобо гээшэ гүй?* 'Думаешь стал очень большим начальником?' (Ц. Шагжин «Байгалай дуун», 1987). *Минии Дэжэдтэ тэрэши ухаангүй дуратай байгаал* 'Он очень сильно любил мою Дэжэд' (В. Гармаев «Гаржаамын таабари», 1992). *Досоонь аргагүй баяртай.* 'На душе у него очень радостно' (Д. Эрдынеев «Энэ наһан», 1968).

Имеется достаточно большое количество наречий с отрицательным аффиксом *-гүй*, которые утратили свое употребление в неотрицательном варианте и представляют собой застывшую словоформу с усилительным смыслом, например: *баггүй* 'непомерно, чрезвычайно', *түрбэлгүй* 'чрезвычайно', *уйгаргүй* 'очень, весьма', *заатагүй* 'непрерывно' и др. Все они содержат в своем значении сему «очень» и не всегда сохраняют отрицательный смысл при переводе на русский язык: *баггүй ехэ* 'чрезвычайно большой', *уйгаргүй ута* 'очень длинный'.

Причастия настоящего-прошедшего времени с отрицанием также могут выступать в роли интенсификаторов: *мэдэгдээгүй* 'невиданный', *үзэгдөөгүй* 'невиданный', *дуулдаагүй* 'неслышанный' и др. *Тэрэ үедэл баяд ноёдые баһажа дуулаха гээшэ үзэгдөөгүй ехэ гэм хэһэндэ сэгнэгдэдэг байгаа бшуу.* 'Ведь в те времена петь песни, высмеивающие богачей и начальников, считалось невиданно большим преступлением' (Д. Эрдынеев «Хүлэг инсагаална», 1974).

Особенностью наречий, производных от прилагательных и причастий, является наличие так называемой нулевой формы, образуемой присоединением к основе аффикса *-аар*. Эта форма, которая употребляется в том случае, когда наречие относится к глаголу и определяет действие, синонимична нулевой форме данного наречия: *ехэ айха* = *ехээр айха* 'сильно бояться'. Приведем примеры:

– *hөөл – hөөлөөр*: *Нютаг зоноо юун hөөлөөр муушална гээшэбиш?* ‘Что же ты так отчаянно порочишь свой народ?’ (Д. Эрдынеев «Хүлэг инсагаална», 1974).

– *хэтэрхэй – хэтэрхэйгээр*: ... *хэтэрхэйгээр шангалхан дээрэнээн би өөрөөшье мурөө алдажа, буруу ябадал хэн алдахан байнаб*. ‘... из-за того, что очень сильно давили, я и сам, сбившись с пути, чуть не сделал неверный шаг’ (Ц. Дон «Хиртэһэн нара», 1932).

Деепричастие. Некоторые формы деепричастий, имея значение предельности выражаемого ими действия, могут выступать в функции наречия-интенсификатора при глаголе. Например, деепричастие степени действия, образующееся при помощи аффикса *-хыса (-хысо, -хысэ)* и обозначающее крайнюю степень проявления какого-либо действия [Грамматика, 1962: 292]. Например: *Тишхэдэнь полици аманда орохысо хараажа байжа, гараараа занган, тэндэһээ үлдэбэ*. ‘Тогда, ругая полицию что было мочи, выгнал их оттуда, указав рукой’ (Х. Намсараев «Үүрэй толон», 1959). В виде повтора может использоваться для усиления признака, выраженного этим же словом в форме причастия, например: *ябахыса ябаһан* ‘хоже-ный-перехоженный’.

Форма деепричастия на *-са (-со, -сэ)* имеет аналогичное значение: *ялайса угааха* ‘отмыть до блеска’. *Абьягүй бай! – гээд орон дээгүүрнь мухариса түлхижэрхинэ*. ‘Сказал: «Замолчи!», – и толкнул его так, что тот упал на кровать’ (Х. Намсараев «Үүрэй толон», 1959).

Деепричастие предела на *-тар (-тэр, тор)* указывает на предельность проявления признака или действия: *үхэтэрөө энээхэ* ‘смеяться до упаду (досл. до смерти)’. *Хожом нанишалдахаяа болёоб гэтэрнь ёборхоёо яагааб!* ‘Надо было ударить так, чтоб отбить охоту драться в будущем (досл. пока не скажет, что больше не будет драться)’. (С. Цырендоржиев «Хүргэнэйдөө», 1977).

Числительное. В бурятском языке некоторые числительные могут терять свое значение и обозначать неопределенную множественность, переходя при этом в разряд усилительных наречий. В качестве таких числительных часто используются по отдельности и в сочетании друг с другом: *табан* ‘пять’, *долоо* ‘семь’, *далан* ‘семьдесят’, *зуу* ‘сто’, *мянган* ‘тысяча’, *түмэн* ‘десять

тысяч’ и др.: *олон табые дуугарха* ‘очень много говорить (досл. много раз по пять)’.

... *эдэ үхибүүдынь хамһалсаха, туһалхашье гэжэ бодохогүй, далан долоо хэлүүлжэл байха, залхуурха*... ‘...дети его и не думают ему помогать, заставляют много раз (досл. семьдесят семь) просить, ленятся...’ (Д. Эрдынеев «Хүлэг инсагаална», 1974).

Би эндэ ерэхээр шини нэрые зуу дахин дуулаһан байнам. ‘С тех пор как я приехал сюда, много раз (досл. сто раз) слышал твое имя’ (Ц. Дон «Брынзын санха», 1935).

Халуунай дала мянган аляһадай дүүехэ хашартай болоно. ‘Жужжание огромного количества (досл. семидесяти тысяч) знойных мух утомляет’ (Ч. Цыдендамбаев «Банзарай хүбүүн Доржо», 1953).

Местоимения. Местоимения *ямар* ‘как, какой’, *шимэ, тшимэ* ‘так, такой’, *хэды* ‘сколько’, *яһан* ‘как, какой’ также могут выступать в роли интенсификаторов. В этой функции они теряют свое значение вопросительности или указательности, а выражают субъективное отношение говорящего, оценку и полноту проявления признака. Например:

Тимэ муухай тама бурханайшые ном соо бэшэгдээгүй байха ‘Такой страшный ад не описан даже в божественных книгах’ (Б. Мунгонов «Хара халхин», 1971).

Иимэ залхуу хүниие хараа һэн гүт? ‘Доводилось видеть такого ленивого человека?’ (Б. Мунгонов «Хара халхин», 1971).

Хэды олон бэрхэ һайн хүнүүд алуулааб! ‘Как много хороших людей было убито!’ (Б. Мунгонов «Хара халхин», 1971).

Яһан хашартайб ‘Какой же надоедливый!’

Существительные в препозиции к качественному прилагательному могут также усиливать его значение. Усиление признака происходит за счет сравнения, при котором качественное прилагательное сочетается со значением существительного, например: *сүн / һүн сагаан* ‘белый, как молоко’, *шулуун хатуу* ‘твердый, как камень’, *шуһан улаан* ‘красный, как кровь’, *мүльһэн хүйтэн* ‘холодный, как лед’. *Алдарай гэнтэ хүрэхэ бодошоодо, Тунгалаг залд гэн, хөө харахан нюдөө ялас гүүлээдхөө һэн*. ‘Когда Алдар вдруг резко вскочил, Тунгалаг вздрогнула и сверкнула своими чернущими, как уголь глазами’ (Ц.-Д. Хамаев «Найдал», 1967).

Более выраженная интенсификация значения происходит при присоединении к прилагательному существительного, в котором отсутствует образное сравнение: *мяхан hogту* ‘вдребезги пьяный’, *нохой hoxop* ‘совсем недалновидный (досл. собака-слепой)’ и др. По мнению Л.Д. Шагдарова, эти слова являются относительными прилагательными, которые в этой функции приобретают качественное значение и употребляются с синонимичными качественными прилагательными [Шагдаров, 2013: 121].

Как это часто бывает с часто используемыми лексическими средствами, усилительное значение интенсификаторов может становиться привычным, недостаточно выразительным, поэтому появляются случаи удвоенной интенсификации, когда усиливается уже усиленный признак: *тон ехэ баяртай* ‘очень сильно рад’, *айхабтар ехэ хэрэг* ‘чрезвычайно важное дело’. *Юундэб гэхэдэ, тэрэ Аюрай урда хэлэшэгүй ехэ зэмэтэй юм*. ‘Потому что я перед этим Аюром очень сильно виноват’ (Ц.-Ж. Жимбиев «Урасхал», 1973–1976).

Усиление значения уже имеющегося интенсификатора может достигаться и путем присоединения к нему частиц *-л, лэ*, например: *ехэ + л: Иимэ олон хүн хамтаршоод, эндэ нуугаа хадаа ехэл хэрэгтэй, ехэл һонин юумэ бэээ даа* ‘Раз уж здесь собралось столько много народу, значит это очень нужное, очень интересное дело’ (Ч. Цыдендамбаев «Түрэл нютагһаа холо», 1958).

Частицы *-л, лэ* не обязательно используются для усиления уже имеющихся интенсификаторов, они также играют усиливающую роль самостоятельно, например: *Һайн лэ поэт болохо...* ‘Станет очень хорошим поэтом...’ (Б. Шойдиков «Дайсанай ара талада», 1995). Эта частица является полифункциональной, однако одним из основных ее значений является усиление.

В пределах одного предложения могут усиливаться несколько признаков, что усиливает экспрессивность высказывания. Многообразие наречий-интенсификаторов позволяет полнее выразить эмоционально-оценочное суждение и избежать повторов при перечислении однородных членов с высокой степенью проявления качества, например: *Нацагдорж «һабагүй ехэ ухаатай, дан зөөлэн абари зантай, уян нимгэн сэдхэлтэй...үнэншэ шударгы, юрэдөөшье һайрхуу бэшэ хүн байһан юм»* ‘Нацагдорж «был

человеком с безгранично большим умом, очень мягким характером, тонкой душой ... честный и абсолютно незаносчивый’ (Л. Балдан «Монголой уран зохёол», 2006).

IV. Обсуждение. Проведенный функционально-семантический анализ лексических средств выражения интенсивности в бурятском языке касался слов, эксплицитно выражающих значение усиления, то есть таких слов, которые, употребляясь в препозиции к другим словам, обозначающим предмет, признак или действие, усиливают их значение. Собственно наречия-интенсификаторы, непроизводные с современной точки зрения, в работе практически не затронуты, основное внимание уделено усилительным словам, образованным от других частей речи.

На материале примеров из Корпуса бурятского языка было установлено, что в функции интенсификаторов могут употребляться слова практически всех частей речи: эмотивные прилагательные, часто с отрицательным значением (*гайхалтай* ‘удивительный / удивительно’, *аймшагтай* ‘страшный / страшно’), прилагательные цветообозначения (*хара уйдхар* ‘сильная тоска’), прилагательные, образованные от существительных и причастий при помощи отрицательного аффикса *-гүй* (*аргагүй* ‘невозможный, исключительно’, *үзэгдөөгүй* ‘невиданный/-о’); депричастия степени (*шадахыса* ‘со всей мочи’) и предела (*унатар* ‘пока не упадет’); числительные, обозначающие неопределенную множественность (*дала мянган* ‘очень много (досл. семьдесят тысяч)’); местоимения (*ямар һайхан* ‘какой хорошенький’); существительные, которые в высокой степени обладают указанным признаком, сравнение с которыми указывает на его интенсивность (*шулуун хатуу* ‘твердый как камень’); частица *л / лэ*, как самостоятельно, так и усиливая другой интенсификатор (*ехэл гоё байна = гоёол байна* ‘очень здорово’).

Функционально-семантический анализ позволил выявить новые значения некоторых слов, например, усилительное значение слова *одоол*, которое в словаре не указано, а также установить частеречную принадлежность слов, относительно которых нет четкой позиции в словарях и грамматиках, например, слово *һөөл* ‘замечательный исключительный’, употребляясь в функции интенсификатора, приобретает характеристики

наречия аналогично другим прилагательным в этой функции, однако в словаре оно обозначено как усилительная частица [БРС II: 562].

Как отмечалось выше, категория интенсивности ранее не выделялась в бурятском языке. В грамматике бурятского языка об усилительных словах упомянуто лишь в описании усилительных наречий в составе наречий образа действия [Грамматика, 1962: 294]. Более подробно данная группа слов рассмотрена в работе Л.Д. Шагдарова. Слова с усилительным значением автор рассматривает в качестве наречий меры и степени, которые могут быть мотивированы словами других частей речи. Автор указывает, что существительные, прилагательные или глагольные формы в этой функции теряют свои категориальные признаки и переходят в разряд наречий [Шагдаров, 2013: 163]. При этом сочетания наречия с интенсификатором типа *дан гоёор* 'чересчур красиво' рассматриваются им как наречия, образованные посредством словосложения, не выделяя при этом наречие-интенсификатор в качестве самостоятельного слова [Шагдаров, 2013: 161]. Нам представляется, что наречия в подобных сочетаниях носят самостоятельный характер, первое из них является интенсификатором, который может усиливать не только наречие, но и значение, выраженное существительным, прилагательным или глаголом, второе же является собственно наречием.

Перспектива дальнейших исследований данной категории видится в изучении других способов интенсификации, которые не ограничиваются лексическими средствами, это могут быть и фразеологизмы, а также синтаксические и фонетические средства. Как указывалось выше, исследованием практически не затронуты производные усилительные наречия, которые также нуждаются в описании и изучении. Кроме того, интенсификация – это только одна сторона процесса, противоположное значение – ослабление признака или действия и средства его выражения в бурятском языке – также ожидает своего исследования.

V. Заключение. Таким образом, лексические средства выражения интенсивности в бурятском языке в основном представлены наречиями, производными от различных частей речи, а также прилагательными. В данной статье мы практически не касались производных усили-

тельных наречий, им будет посвящено самостоятельное исследование. Усилительный смысл приобретают знаменательные слова, выраженные прилагательными (чаще всего эмоционально насыщенными, выражающими как положительные, так и отрицательные эмоции), прилагательными, образованными при помощи отрицательной частицы *-гүй*, некоторыми формами деепричастий и причастий, числительных, существительных.

Анализ материала из Корпуса бурятского языка позволил выявить дополнительные значения некоторых слов, например, усилительное значение слова *одоол*. Функционально-семантический подход позволяет пролить свет на вопрос частеречной принадлежности некоторых слов, например слово *һөөл*, обозначенное в словаре как частица, имеет характеристики, близкие к наречию-интенсификатору.

Перспективы дальнейшего исследования данной категории мы видим в более глубоком исследовании лексических средств ее выражения. Это позволит выявить их дополнительные значения, которые должны быть отражены в различных лексикографических изданиях и учтены при составлении грамматик и пособий бурятского языка.

Список литературы:

Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи на материале английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 23 с.

Бельская Е.В. Проблемы интенсивности в современной отечественной лексикологии // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 202–210.

Берестнев Г.И., Васильева И.Б. Эмотивные интенсификаторы английского и русского языков: от типологии номинаций к когнитивным установкам // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1 (383). Филологические науки. Вып. 99. С. 21–32.

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 260 с.

Воротников Ю.Л. Имплицитная мера признака в русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб: Наука, 2003. С. 190–205.

Герасимов Д.В. Интенсификатор "до ужаса" в русском языке на пути грамматикализации // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2016. Т. 12. № 1. С. 336–363.

Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 340 с.

Дамянова Х., Маринова Н. Функционально-семантическая категория интенсивности в русском и болгарском языках // *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков*. 2015. № 9. С. 85–103.

Егорова В.Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2009. № 6 (2). С. 224–226.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, Сиб. отдние, 1986. 230 с.

Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // *Славянский вестник*. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.

Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // *Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры* [Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик]. СПб: Наука, 2005. 478 с.

Сандакова М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2020. № 4. С. 217–226.

Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.

Убин И.И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 33 с.

Цыбенкова Ч.С. Средства выражения категории интенсивности в бурятском языке // *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. 2020. Вып. 4. С. 92–97.

Шагдаров Л.Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, образительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.

Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 26 с.

Gulyamova O. The Role of the Intensity Category in the Implementation of Artistic Opposition. O. Gulyamova. In: *Bulletin of Science and Practice*. 2021. Vol. 7. № 7. Pp. 433–436.

Словари

БРС I – Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с.

БРС II – Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с.

References:

Bel'skaja E.V. Problemy intensivnosti v sovremennoj otechestvennoj leksikologii [Intensity problems in modern Russian lexicology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2004. № 282. Pp. 202–210. (In Russian)

Berestnev G.I., Vasil'eva I.B. Jemotivnye intensifikatory anglijskogo i russkogo jazykov: ot tipologii nominacij k kognitivnym ustanovkam [Emotive intensifiers of English and Russian languages: from typology of nominations to cognitive attitudes]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2016. № 1 (383). Philological sciences. Issue 99. Pp. 21–32. (In Russian)

Bezrukova V.V. *Intensifikacija i intensifikatory v jazyke i rechi na materiale anglijskogo jazyka* [Intensification and intensifiers in language and speech on the material of the English language]. Avtoreferat dis... kandidata nauk [Ph.D. thesis abstract]. Voronezh, 2004. 23 p. (In Russian)

Bondarko A.V. *Osnovy funkcional'noj grammatiki: Jazykovaja interpretacija idei vremeni* [Fundamentals of functional grammar: Linguistic interpretation of the idea of time]. Saint Petersburg: Publishing house of SPbSU, 2001. 260 p. (In Russian)

Damjanova H., Marinova N. Funkcional'no-semanticheskaia kategorija intensivnosti v russkom i bolgarskom jazykah [Functional and semantic category of intensity in the Russian and Bulgarian languages]. *Problemy kognitivnogo i funkcional'nogo opisanija russkogo i bolgarskogo jazykov* [Problems of the cognitive and functional description of the Russian and Bulgarian languages]. 2015. № 9. Pp. 85–103. (In Russian)

Egorova V.N. K voprosu opredelenija intensivnosti v sovremenном jazykoznanii [The intensity determining in modern linguistics]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2009. №6 (2). Pp. 224–226. (In Russian)

Gerasimov D.V. Intensifikator do uzhasa v ruskom jazyke na puti grammatikalizacii. [Intensifier till horror in the Russian language on its way to grammaticalization]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research] .2016. Volume 12. № 1. Pp. 336-363. (In Russian)

Grammatika burjatskogo jazyka. Fonetika i morfologija [Grammar of the Buryat language. Phonetics and morphology]. Moscow: Eastern Literature Publ., 1962. 340 p. (In Russian)

Gulyamova O. The Role of the Intensity Category in the Implementation of Artistic Opposition. *Bulletin of Science and Practice*. 2021. Volume 7. № 7. Pp. 433-436. (In English)

Luk'janova N.A. *Jekspressivnaja leksika razgovornogo upotreblenija: problemy semantiki* [Expressive lexes of colloquial use: problems of semantics]. Novosibirsk: Science, Sib. division, 1986. 230 p. (In Russian)

Rodionova S.E. Intensivnost' i ee mesto v rjadu drugih semanticheskikh kategorij [Intensity and its place among other semantic categories]. *Slavyanskiy Vestnik* [Slavjaniian Bulletin]. Issue 2. Moscow: MAX Press, 2004. Pp. 300–313. (In Russian)

Rodionova S.E. Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom ruskom jazyke [Semantics of intensity and its manifestation in modern Russian]. *Problemy funkcional'noj grammatiki: Polevye struktury* [Problems of functional grammar: Field structures. Edited by A. V. Bondarko, S. A. Shubik]. Saint Petersburg: Science, 2005. Pp. 150 - 168. (In Russian)

Sandakova M.V. Tendencii razvitija klassa leksicheskikh intensivnikov v ruskom jazyke novejshego perioda [Trends in the development of the class of lexical intensifiers in the Russian language of the latest period]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2020. № 4. Pp. 217-226. (In Russian)

Shagdarov L.D. *Problemy novoj akademicheskoi grammatiki burjatskogo jazyka (imja sushhestvitel'noe, imja prilagatel'noe, narechie, poslelogi, modal'nye*

slova, slova kategorii sostojanija, izobrazitel'nye slova) [Problems of the new academic grammar of the Buryat language (noun, adjective, adverb, postpositions, modal words, words of the category of state, figurative words)]. Ulan-Ude: Publ. of the BSC SB RAS, 2013. 192 p. (In Russian)

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. *Burjaad-orod toli. Burjatsko-russkij slovar'* [Buryad-Russian dictionary]. In 2 volumes. Volume I. Ulan-Ude: Republican print., 2010. 708 p. (In Buryat and Russian)

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. *Burjaad-orod toli. Burjatsko-russkij slovar'* [Buryad-Russian dictionary]. In 2 volumes. Volume II. Ulan-Ude: Republican print., 2010. 708 p. (In Buryat and Russian)

Shejgal E.I. *Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremennom anglijskom jazyke* [Intensity as a component of word semantics in modern English]. Avtoreferat dis.... kandidata nauk [Ph.D. Thesis abstract of Candidate of Science]. Moscow, 1981. 26 p. (In Russian)

Tsybenova CH.S. Sredstva vyrazhenija kategorii intensivnosti v burjatskom jazyke [Means of expressing intensity in the Buryat language]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazyk. Literatura. Kul'tura* [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture] 2020. Release 4. Pp. 92–97. (In Russian)

Turanskij I.I. *Semanticheskaja kategorija intensivnosti v anglijskom jazyke* [Semantic category of intensity in English]. Moscow: Higher school, 1990. 173 p. (In Russian)

Ubin I.I. *Leksicheskie sredstva vyrazhenija kategorii intensivnosti (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [Lexical means of expressing the category of intensity (on the material of Russian and English languages)]. Avtoreferat dis.... kandidata nauk [Ph.D. thesis abstract of Candidate of Science]. Moscow, 1974. 33 p. (In Russian)

Vorotnikov Ju.L. Implicitnaja mera priznaka v ruskom jazyke [Implicit measure of a feature in Russian]. *Problemy funkcional'noj grammatiki. Semanticheskaja invariantnost' ili variativnost'* [Problems of functional grammar. Semantic invariance or variability]. Saint Petersburg: Science Publ., 2003. Pp. 190-205. (In Russian)

Yu.D. Abaeva

Lexical Intensifiers in the Buryat Language

Scientific novelty. It is one of the first scientific researches of the category of intensity and the means of its expression in the Buryat language with functional and semantic approach. *The aim* of the study is a functional-semantic

analysis of lexical means of intensity. *Tasks*: establishing the semantic field of the category of intensity; identification and systematization of lexical means of expression included in the field of the category under study; identification of ways of formation and analysis of the meanings of words-intensifiers; solution of some controversial issues of part-of-speech attribution of words-intensifiers. *Research methods*: descriptive, semantic and contextual analysis.

Results. It was found that in the Buryat language the most frequently used intensifier is the adjective *ehe* 'big, very'. Other adjectives that frequently used as intensifiers are: emotive adjectives often with negative semantics (*muuhai goyo* 'terribly beautiful'); color naming adjectives (*hara* 'black' *bagahaa* 'from an early (lit. black) age', *hyhe* 'blue', *ulaan* 'red'); adjectives and participles with a negative affix *-gui* which gives the meaning of denial of reasonableness or boundaries (*argagui* 'very', *yzegdøøgui* 'unprecedented', 'unseen' (*yzehē* – to see). Other parts of speech also can play a role of adverbs-intensifiers: gerund of the degree of action with affix *-hysa, -sa* (*shadakhysa* 'with all my might', *yalaisa* 'till shine'), adverbs of the limit with affix *-tar* (*unatar* 'until it falls'); numerals expressing an indefinite plurality (*dala myangan alyaahan* 'many (lit. seventy thousand) flies'); pronouns (*yamar goyo* 'what a beautiful', *iime haihan* 'so nice'); nouns (*shuluun hatuu* 'hard as a stone'). The multifunctional particle *-l* or *le* can both enhance the meaning of intensifiers (*ehe-l amzhaltatai* 'very successful') and act as an amplifier on its own (*tyrøer le* 'very quickly'). The functional-semantic analysis of the corpus material allowed to reveal additional meanings of some words, for example, the intensifying meaning of the word *odool*, as well as to shed light on the part-of-speech attribution of some words.

Keywords: Buryat linguistics, category of intensity, lexical intensifiers, functional-semantic approach, intensifying adverbs, motivated adverbs

Н.Ю. Ушницкая

DOI 10.25693/SVGV.2022.39.2.010

УДК 811.512.212

Репрезентация концепта «олень» в языковой картине мира эвенков

Научная новизна. В статье впервые проводится лингвокультурологическое описание концепта «олень» в языковой картине мира эвенков.

Целью научной работы является описание лексических единиц, участвующих в репрезентации понятийной, образной и ценностной составляющих концепта «олень» в языковой картине мира эвенков. *Задачами* исследования послужили: 1) запись аутентичных текстов от носителей языка; 2) установление ключевого слова-репрезентанта, объективирующего исследуемый концепт; 3) построение номинативного поля рассматриваемого ментального образования; 4) обозначение места данного концепта в языковой картине мира эвенков.

Методы исследования. Опираясь на методiku описания концепта, предложенную В.И. Карасиком, З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, автор использует лингвокультурологический и семантико-когнитивный методы описания концепта.

Результаты. Оленеводческая лексика составляет значительную часть эвенкийского языка. На формирование рассматриваемого концепта в языковой картине мира значительное влияние оказал традиционный тип хозяйства – оленеводство и кочевой образ жизни в сочетании с анимистическими взглядами на природу. Ключевое слово-репрезентант рассматриваемого концепта имеется во всех тунгусо-маньчжурских языках. Кроме этого, изучаемое ментальное образование обладает номинативной плотностью (термин В.И. Карасика), что может свидетельствовать о древности концепта.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептосфера, концепт, эвенкийский язык, оленеводческая лексика, орон, олень

© Ушницкая Н.Ю., 2022

I. Введение. Современное языкознание характеризуется антропоцентрической парадигмой, направленной на исследование взаимодействий: язык – мышление, язык – культура, язык – сознание. Все большую актуальность приобретает исследования концептов. В.И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, 2009: 24]. Цитируемый автор в структуре концепта выделяет понятийные, образные и ценностные характеристики [Карасик, 2004: 129]. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [Попова, Стернин, 2007: 24]. В настоящее время в тунгусоведении начинают проводиться исследования в области концептосфер эвенкийского и эвенского языков. Так, имеются работы, посвященные изучению концептов «олень» [Кузьмина, 2020: 128–137], «кочевье» [Кузьмина, 2021: 33–36] на материале эвенского языка, «человек – природа – цвет» [Мерекина, 2008], бэе «человек» [Захарова, 2020: 215–219], бэ́ймэкйт «охота» [Ушницкая, 2021: 183–190] в эвенкийском языке и др. Подобные исследования являются необходимыми, т. к. изучение концептов языков народов Севера позволяет реконструировать концептосферы исчезающих языков, восстановить устаревшие признаки ментальных образований и сохранить их. Реконструкция концептосферы эвенкийского языка является одной из важнейших задач современных лингвистов-эвенковедов. Нами предпринимается попытка воссоздать фрагмент языковой картины мира эвенков, а именно концепт «олень», что создает перспективу для описания в дальнейшем концептосферы эвенкийского языка. На наш взгляд, данное ментальное образование является одной из ключевых идей языковой картины мира эвенков.

Актуальность темы исследования определяется недостаточной изученностью в лингвокультурологическом и семантико-когнитивном отношении фрагментов языковой картины мира эвенков.

Теоретическая и практическая значимость. Материалы данного исследования могут использоваться в лекционных материалах, практических занятиях по общему языкознанию, лингвоконцептологии, лексикологии и теории межкультурной коммуникации, при разработке тематики дипломных и курсовых работ, а также в практике преподавания эвенкийского языка.

II. Материалы и методы исследования.

Для исследования концепта «олень» были рассмотрены материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков (СТМЯ), эвенкийско-русского словаря А.Н. Мыревой. Лексические единицы для корпуса исследования были получены методом сплошной выборки: из словарей было отобрано до 200 лексических единиц, далее был проведен их семантический анализ. Для исследования ценностной и образной составляющих концепта были изучены художественные и поэтические тексты Г.И. Кэптукэ, Н.К. Оёгира, а также полевые записи аутентичных текстов, записанных от информантов, хорошо знающих эвенкийский и русский языки: Ю.Ю. Мальчакитова (1960 г.р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край), М.Г. Мальчакитовой (1958 г.р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край), В.Г. Павлова (1958 г.р., п. Икабья, Каларский район, Забайкальский край). Все вышеперечисленные информанты в настоящее время занимаются традиционными видами деятельности: охотой, оленеводством, что свидетельствует о достоверности полученной информации. От респондентов зафиксировано 15 текстов, которые были расшифрованы, переведены на русский язык, далее был проведен лингвокультурологический анализ этих текстов. Из повести Г.И. Кэптукэ «Имеющая свое имя Джелтула-река» были отобраны тексты, содержащие языковые средства, номинирующие исследуемое ментальное образование, затем был произведен дословный перевод и лингвокультурологический анализ этих текстов. Также были рассмотрены стихотворения Н.К. Оёгира, имеющие в составе

языковые средства, репрезентирующие рассматриваемый концепт, для более точной передачи семантики лексических единиц выполнен дословный перевод и лингвокультурологический анализ этих стихов.

III. Результаты. Оленеводство наряду с охотой является одним из основных традиционных видов деятельности эвенков, что обусловило их кочевой образ жизни и способствовало дисперсному расселению. Кочевали эвенки издавна в поисках лучшего пастбища для оленей и охотничьих угодий. Г.М. Василевич пишет о том, что олени были у эвенков Забайкалья – Верхнего Приамурья уже в VI–VII вв.: «как письменные и исторические источники, так и героические сказания отмечают транспортное оленеводство в Забайкалье – Верхнем Приамурье с VI–VII вв.» [Василевич, 1969: 80]. В нынешнее время, в эпоху цифровых технологий, некоторые эвенки ведут охотничье-кочевой образ жизни, что позволяет им в большей мере сохранить язык и культуру. Кочевание происходит сезонно согласно жизненному циклу оленей. Важными периодами для оленей являются *сōнкāн* ‘время рождения телят’ и *сирӯдян* ‘сезон брачных игр у оленей’. Кочевание чаще всего сопровождается попутным охотничьим промыслом. Так, олень выступает одной из главных причин перемещения эвенков. Олень для тунгусов является не только транспортным средством, источником пищи и тепла, но и незаменимым другом, вдохновителем эвенкийских поэтов и писателей, героем народных мифов и сказаний. Это нашло свое отражение в эвенкийском языке в виде отдельных тематических групп слов, которые выражают концептосферу охотника, оленевода-кочевника. Так, на формирование концептосферы эвенкийского языка значительное влияние оказали традиционные типы хозяйствования. В качестве ключевого репрезентанта, объективирующего концепт «Олень» в языковой картине мира эвенков, установлено слово *орон*, как наиболее употребительное наименование, характерное для всех говоров эвенкийского языка и являющееся общим тунгусо-маньчжурским: *орон* домашний олень; *орондōми* ‘ехать на оленях’; *оронтоми* ‘держат, разводят оленей’; *орончикāн* ‘оленинок’; *оротыми* ‘заколоть оленя на мясо’; *оротыу* ‘медведь, повадившийся таскать оленей’; *орочē*, *орочēн* ‘оленеvod, оро-

чēн (прежнее самоназвание забайкальско-амурской группы оленных эвенков)’ [Мыреева, 2004: 473]. Данные сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков подтверждают наличие лексем, репрезентирующей рассматриваемый концепт во всех тунгусо-маньчжурских, что может свидетельствовать о древности исследуемого ментального образования в составе концептосферы эвенкийского языка: «*Эвенк. ородī* оленный; *орокōн* олень-игрушка; *орокор* сентябрь (период спаривания оленей); *орокōт-/ч* играть в оленей; *ороксо* шкура (оленья); *ороло* ехать за оленями; *оролон* с оленем; пастух; *оромочин* собака (пастушья, сгоняющая оленей); *орон* олень (домашний); *орорбу-* приобрести оленей; *ороти* теленок родившийся поздно; *Эвен. оран* олень (домашний); *Нег. орон* (олень домашний); *Ороч., Уд. оро* олень (домашний); *Ульч. оро(-н)* олень (домашний); *Нан. орō* олень (домашний); *Ма. орон бузу* олень (домашний) [ССТМЯ, 1977, Т. 2: 24–25].

На лексикографическом материале построен номинативное поле исследуемого концепта. Так, в состав номинативного поля рассматриваемого ментального образования «олень» включено 157 лексических единиц: 1) (14) половозрастные наименования оленя: *суюкēн* ‘оленинок-бычок’, *нямӯкāн* ‘оленинок-самочка’, *чачарикāн* ‘важенка до года’, *чачарī* ‘двухгодовалая важенька’, *чоноку* ‘олень-бык 2-х лет’, *иктēнэ* ‘олень-бык от двух до трех лет’; *нēгаркан* ‘четырёхгодовалый олень-бык’, *амаркāн* ‘олень-бык от пяти лет и старше’, *амīнан* ‘олень-бык шести лет’, *гемурэн* ‘олень-бык старше семи лет’, *сирӯ* ‘олень-производитель’, *кэтэр* ‘старый бык-производитель’, *нārā* ‘недохолощенный олень-самец’, *актакī* ‘холощенный олень’; 2) (11) наименование важеньки: *нямī* ‘важенька’, *сурки* ‘стельная важенька’, *энтī* ‘важенька с теленком’, *эунī* ‘важенька, отелившаяся на втором году’, *бāнγāй* ‘бесплодная важенька’, *дулак* ‘небеременная (о самке оленя)’; *умīрī* ‘отелившаяся важенька, но потерявшая теленка’, *сириуки* ‘дойная важенька’, *гиркумкин* ‘важенька в момент спаривания’, *сэмэкī* ‘важенька, не подпускающая к себе людей во время отела’, *эунэмэвун* ‘важенька, у которой теленок привязан на ночь’; 3) (4) названия олененка: *сонна* ‘новорожденный олененок’, *эунэкēн* ‘теленка оленя’, *бэйткēн* ‘теленка, рожденный важенькой

от дикого оленя’, *ороты* ‘оленок, родившийся поздно’; 4) (11) наименования оленей по повадкам: *нѐрамну* ‘олень-вожак в стаде’, *малтүгин* ‘олень, который имеет привычку бить передними копытами’, *гуялан* ‘олень, имеющий склонность бодаться’, *гэлүн* ‘олень, который плохо ловится’, *бәтур* ‘свирепый’, *дулумну* ‘смирный спокойный олень’, *гуявкй* ‘бодливый олень’, *дептүгин* ‘олень, имеющий привычку жевать тряпки’, *мучүгин* ‘олень, возвращающийся обратно, к месту прежней стоянки’, *эмукчэгин* ‘олень, который любит пастись один’, *һоктомдгин* ‘олень, привыкший ходить по тропам’; 5) (18) наименования оленя по масти: *чэлкэ* ‘седой, седовласый’, *сиңарйн* ‘коричневый цвет и масть оленя’, *коунорйн* ‘черный цвет и масть оленя’, *һаңнакән* ‘олень черной масти’, *сиңулэ* ‘олень темно-бурой масти, *коңор* ‘светло-коричневый’, *мэримэ* ‘пестрый’, *багдама* ‘белый цвет и масть оленя’, *нюбэты* ‘олень белой масти’, *чакир* ‘олень чисто белой масти’, *бугды* ‘нос и ноги белые’, *бороң* ‘бело-серый’, *алаг* ‘пегий’, *нэвэкэчй* ‘пестрый, рябой’, *һэдюрэгдэ* ‘олень с белой верхней губой’, *эрэгэпчу* ‘олень с ободком вокруг глаз’, *кокол* ‘белоногий’, *кокчалан* ‘черный олень с белой шерстью около копыт’; 6) (4) общие названия оленей без учета пола и возраста: *орон* ‘домашний олень’, *сэвэк* ‘священный олень’, *һуёһик* ‘олень, отданный в приданое’, *ондбгдо* ‘олень-маньщик (для охоты на диких оленей)’; 7) (15) номинация оленя по форме рог: *култумэк* ‘безрогий’, *чоңкирйн* ‘олень с прямыми, длинными, острыми рогами’, *нарбала* ‘олень с широко расставленными рогами’, *манмукән* ‘загнутые вперед рога с задними отростками, широкими ветвистыми рогами’, *инүэку* ‘чуть загнутые вперед с вытянутыми назад неразветвленными отростками рога’, *калтаранды* ‘олень с подпиленными рогами’, *лугорчон* ‘загнутые вперед рога с ветвистыми отростками’, *мормукән* ‘вытянутые вперед рога без отростков, *кулкуня* ‘олень с вилообразными вытянутыми назад ветвящимися рогами’, *чарачй* ‘олень, у которого рога и отростки рог загнуты вперед’, *сарбарйн* ‘ветвистые рога’, *кэлдэнэ* ‘олень с разными по длине рогами с лопатообразными отростками у основания’, *сугли* ‘неотпиленные рога’, *лербикта* ‘разветвление рогов оленя’, *улукон* ‘первый задний отросток рога оленя’; 8) (24) названия оле-

ней во вьючно-верховом перемещении: *гилгэ* ‘рабочий бык-кастрат’, *угучак* ‘верховой (служаший для езды верхом)’, *аркичән* ‘старый верховой олень’, *элгэвун* ‘один из оленей в караване’, *элгэвур* ‘караван оленей при перекочевке’, *эка* ‘олень, не приученный к вьюку’, *эмник* ‘дикий необученный олень’, *наманки* ‘вьючный олень’, *инивувчэ* ‘навьюченный олень’, *ббракй* ‘олень, который в связке рвется вперед’, *турин* ‘олень, который в связке тянется’, *бурики* ‘олень, у которого вьюк спадает назад’, *нѐкото* ‘олень, у которого вьюк спадает вперед к шее’, *пѐчурук* ‘олень, который возит печку’, *һулларук* ‘олень, который возит одеяла’, *унярук* ‘олень, на котором возят детей’, *сэлэрук* ‘олень, на котором вьючат ящик для железных инструментов’, *малүрук* ‘олень, на которого вьючат священные вещи’, *дагаптук* ‘олень, привязанный к верховому’, *дэлэмин* ‘олень, свободно бегущий за караваном во время перекочевки’, *баретчит* ‘олень-передовик на нартах’, *модурэн* ‘олень, застревающий поводком за деревья во время перекочевки’, *инйден* ‘олень, хорошо идущий под вьюком’, *нилгу* ‘олень без вьюка в караване’; 9) (17) глаголы, отражающие деятельность оленя во время кочевания: *угуча-* ‘сидеть верхом, ехать верхом’, *орондб-* ‘ехать на оленях’, *мэнуэт-* ‘посадить с собой ребенка (на олене)’, *тэгэлэ-* ‘ехать верхом, сидя на вьюке’, *инив-* ‘навьючить’, *инуэ-* ‘развьючить оленя’, *элгэ-* ‘вести на поводку’, *гилбэ-* ‘связывать поводком между собой оленей, идущих в караване’, *гилбэвулгэ-* ‘отвязывать друг от друга оленей в караване’, *мбду-* ‘зацепиться недоуздом за близко стоящее дерево (об оленях в караване)’, *нэһи-* ‘оставить какой-либо след на деревьях, кустах, валежинах (об олене с вьюком)’, *уһив-* ‘зауздать, привязать (оленя)’, *эмэгэлэ-* ‘оседлать, положить седло под вьюк’, *ламба-* ‘навьючить оленя без седла’, *алагй-* ‘запрягать нартенную упряжку’, *алагйлга-* ‘выпрягать, распрягать (нартенную упряжку)’, *оңков-* ‘дать пастись оленям под присмотром’; 10) (27) вьючно-верховая и нартенная упряжь оленя: *инй* ‘вьюк’, *тэһинэ* ‘верховой коврик поверх седла’, *дбнтүн* ‘подкладка под седлом, вьюком’, *ламба* ‘вьюк, навьюченный без седла’, *чэмтулй* ‘мягкая вьючная сумка для перевозки одеяла, вещей’, *инмэк* ‘вьючная сумка с берестяной основой’, *тыңэптүн* ‘вьючная подпруга’, *тэри* ‘пара вьюку’, *уһй* ‘узда’,

оу̀бп̄тун ‘узда для верхового оленя’, *даранмука* ‘веревка, которую привязывают слева к узде верхового оленя для управления’, *гилбэвун* ‘петля у лука седла для привязывания следующего оленя’, *угучарук* ‘верховое седло’, *эмэгэн* ‘вьючное седло’, *лочоко* ‘деревянная основа седла’, *тыевун* ‘шест, при помощи которого садятся верхом на оленя’, *инмар* ‘затылочные завязки недоуздки оленя’, *гидён* ‘поводок (остов) оленьей узды’, *кёмака* ‘кольцо на недоуздке оленя’, *тāптын* ‘завязка вьючной сумки для навьючивания’, *угучарук* ‘ездовая нарта’, *ирака* ‘грузовая нарта’, *уллэрук* ‘нарта для перевозки мяса’, *алаг* ‘лямка оленьей упряжи’, *нёгу* ‘вожжи’, *хэркэвун* ‘веревка для связывания груза на нарте’, *даһи* ‘брезент для заворачивания груза на нарте’; 11) (9) уход за оленями: *куре* ‘изгородь для оленей’, *голубко* ‘жердь-бревно для привязывания оленят’, *чэугэй* ‘палка, которую привязывают на шею оленю, чтобы он не уходил далеко’, *самуйн* ‘дымокур’, *түрукэрүк* ‘мешочек с солью для приманивания оленей’, *кэугйлэн* ‘ботало’, *йлби* ‘язычок колокольчика или ботала’, *моноптун* ‘ошейник для оленя’, *мавут* ‘аркан’; 12) (3) сезоны, отражающие жизненный цикл оленей: *иркилэхэни* ‘период обдирания кожицы с рогов’ (август–сентябрь), *сирүлаһани* ‘период гона оленей’ (сентябрь), *сөнкан* ‘период отела оленей’ (май).

Рассмотрев состав номинативного поля концепта, выделяем его понятийные признаки: 1) домашнее живое; 2) используется для пропитания, одежды, вьючно-верхового и нартенного передвижения. В образовании наименований оленят участвуют именные основы и суффиксы *-ткән* (*-ткэн*, *-ткөн*), обозначающий имена существительные – названия детенышей: бэйткэн от *-бэйэн* ‘дикий олень’; оценочный *-кән* (*-кэн*, *-көн*), имеющий значение уменьшительности или ласкательности: *сүюкэн* от *суру* ‘бык-производитель’, *нямүкән* от *нямй* ‘важенка’, *эунэкэн* от *эунй* ‘важенка, отелившаяся на втором году’. В формировании обозначений оленя по повадкам участвуют отглагольные основы и суффиксы *-гин*, означающий людей и животных, имеющих склонность к действию, названному производящей основой: *малтүгин* от *малтү-* ‘бить передними ногами’, *мучүгин* от *мучү-* ‘возвращаться обратно’, *хоктомогин* от *хоктомо-* ‘бродить по тропам’; *-лан*, обознача-

ющий способность или склонность: *гуялан* от *гуя-* ‘бодать’. В номинации оленя по масти и форме рогов участвуют суффиксы *-ма*, *-рйн*, образующие прилагательные и обозначающие цвет, фактуру и форму предметов: *сиуарйн*, *чоукирийн*, *мэримэ*; *-гдэ*, образующий прилагательные от именных основ, служащие чаще прозвищами: *хэдюрэгдэ* от *хэдион* ‘верхняя губа оленя’; *-ды*, обозначающий относительное прилагательное, имеющее признак по отношению к предмету: *бугды*; *-чи*, обозначающий признак предмета по обладанию: *нэвэкэйчй*, *чарачй*; *-пчу*, образующий имена прилагательные: эрэгэпчу; *-лан*, образующий прилагательные от основ имен существительных, обозначающие характерные признаки человека или животного: *кокчалан*. В образованиях названий оленя в период кочевания, вьючно-верховой и нартенной упряжи участвуют отглагольные основы и суффиксы: *-рук*, обозначающий вместилище, сумки, чехлы, средства для перевозки предметов домашнего обихода (*хуларук* от *хулла* ‘одеяло’, *хулла-* ‘укрыть одеялом’, *угучарук* от *угучак* ‘верховой олень’, *угуча-* ‘ехать верхом’); *-вун*, имеющий значение орудия действия (*элгэвун* от *элгэ-* ‘вести на поводу’, *гилбэвун* от *гилбэ-* ‘связывать поводком между собой оленей, идущих в караване’).

Анализ семантики лексических единиц, входящих в номинативное поле концепта, позволил произвести ранжирование когнитивных признаков концепта «олень»: пол, возраст, старость, молодость (14); олененок (4): период рождения олененка, олененок-полукровка; олень без учета пола и возраста (4); масть (18): оттенки светлого и темного цвета, расположение пятен, уровень пятнистости и т.д.; повадки оленя (11): смиренный, необученный, способность лягаться, пристрастие пастись одному, приходиться к стойбищу, чтобы полизать соль, возвращаться на старую стоянку; деятельность оленя в период кочевания (24): наличие/отсутствие вьюка; по виду вьюка (мягкая или твердая сума); несет олень вьюк с седлом или без; наличие/отсутствие способности у оленя хорошо нести вьюк; олень бежит впереди в караване или, наоборот, тянется; идет в караване/бежит следом за караваном; олень, у которого вьюк спадает назад / в перед; по предмету, который олень перевозит (печка, одеяло и т.д.); деятельность, связанная с

оленем (17): зауздать, привязать, отвязать, ехать верхом, завьючить, развьючить, вести за узду и т.д.; рога (15): длина рогов, широко / узко составленные рога, подпиленные / не подпиленные рога, наличие / отсутствие отростков спереди, наличие / отсутствие отростков сзади, рога загнуты вперед / назад, большое / малое количество отростков рогов и т.д.; важенка (11): по наличию / отсутствию способности к продолжению потомства, по наличию / отсутствию олененка, наличию / отсутствию плода; выючно-верховая и нартенная упряжь оленя (27): выюк с седлом, без седла, седло верховое / выючное, подстилка под / на седло, сумка выючная на мягкой / твердой (береста) основе, узда, узда для верхового оленя, подпруга, нарта грузовая / ездочная / для перевозки мяса, лямка, вожжи, покрытие для нарты; уход за оленями (9): средства, чтобы олень далеко не ушел, приманивание оленя, способ защиты оленя от кровососущих насекомых, отпугивание от хищников и т.д.; жизненный цикл оленей (3): подготовка к брачному сезону, период брачный игр, рождение оленят.

Для выявления образной составляющей рассматриваемого концепта нами исследовались сочетаемостные характеристики имени этого ментального образования. Проанализировав тексты художественной литературы, стихи, полевые записи от носителей языка, мы обнаруживаем, что сочетаемость лексических единиц, обозначающих оленя, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки рассматриваемого концепта.

К оленю приучали с детства, поскольку от этого зависела дальнейшая судьба ребенка. Наличие оленьего поголовья у будущего жениха служило показателем его благополучия, состоятельности и выступало в качестве калыма за невесту. У эвенков имеются семейные традиции, воспитывающие в ребенке навыки оленеводства. Так, в произведении Г.И. Кэптукэ «Имеющая свое имя Джелтула-река» описан один из таких обычаев: *«Эвэнкйл кэргэндүтын таргачйн иты биһин: неуненитыкин элэкэс балдычылва эннэкэрвэ куһайкәрдүвар анйвкйл. Омогичяр уһакәндүквар аят этэчимнйл одавэр татывкйл, эннэкэрвэр мэртын аят иргидевкйл. Һэгдыллэктын нуһардүтын кэтэ орон бивкйл. Һунәйткәрдү эдыллэктын дян дюр орон биңэт.*

Ороно ачин биһикин нуһанман этэрэ омогичал аһылара. – В эвенкийских семьях такой обычай есть: каждую весну только что родившихся оленят дарят детям. Мальчики с детства готовятся стать оленеводами, учатся самостоятельно ухаживать за оленятами. Для того чтобы пожениться, им понадобится примерно двенадцать оленей. Повзрослев, они уже имеют свое оленьё поголовье. Если у юноши нет оленей, его не женят» [Кэптукэ, 2008: 248].

Верховым оленем могла быть и важенка. В том же произведении Г.И. Кэптукэ девочка Гунилгэн рассказывает о своей старой важенке Сачари, которая была ее верховым оленем и оставила после себя хорошее потомство. Среди детей этой важенки есть и верховой олень. Девочка сожалеет, что ее любимая Сачари постарела. Ведь когда важенка была молодая, она служила достойно, давая вкусное молоко, выполняя роль верхового оленя: *«Сачарй – угучакив. Сагды биһин, адбй анжанйчй бичэ, эчэв сәра. Бутуннү оробун нуһан һутэлин: Дурбай-кат, Эһны-кэт, Волнушка-кат, Васька-кат, Караню-кат, Мальчик-кат. Сагданчә оронми, элчэ эһйлэ балдыра эһнэкэрэ. Тар-ты Мальчик-ка балдыкса, эһин эһйлэ эһнэкэрэ эмүрэ. Мальчик эткән орондө бчә, угучакиндя. Актаритын нуһанман, угучак эһйлэ. Эһинми угучакин.* – Сачарй – это моя олениха. Сколько помню себя, столько езжу на ней. Она старше всех в нашем маленьком оленьем стаде. Ее дети уже давно сами взрослые олени. Папин учаг Васька, молодая Эһны, черный красавец Караню, мамин верховой Мальчик. И даже наш белый священный Дурбай тоже ее сын. Уже давно не рождаются у моей Сачари оленята, потому что постарела она. Последний ее сын – Мальчик. Мальчик стал взрослым оленем, верховым. Его выхолостили и сейчас он мамин верховой олень. [Кэптукэ, 2008: 251].

Олень служит средством пропитания. Но забивают его на мясо в том случае, если на охоте отсутствует удача: *«Бэйднэ энэл вәра муһнәдяриун. Он нэкәдеһэун? Эвэнкй-бэе оронми умнәкэмэ депивкй. Сәма киһалгадү. Тар киһалга бо эмәчэ, уллэ ачин. Киһалга эмэрэкин, оронми-кат девдеуэс. Тыкэ биһин.* – Не добыв лося, мучаемся. Как быть? Эвенки оленя редко забивают, только для пропитания. Сейчас у нас возникла необходимость, мяса у нас нет. Вот

придет нужда, и оленя забьешь на мясо. Так бывает» [Кэптукэ, 2008: 252]. Так, в произведении Г.И. Кэптукэ «Имеющая свое имя Джелтула-река» отражена национальная картина мира, в составе которой запечатлен концепт «олень», характеризующий миропонимание оленевода-кочевника и имеющий, на наш взгляд, следующий набор когнитивных признаков: «показатель благополучия», «плата за невесту», «верховым оле-

*Оронмй, он-кэн йндүви урунчэдём,
Эгэт мит һуэттэ, умунду гиркугāt.
Эр митнй агйдүт, эвэнкй бикйттүн,
Гугārэ икэнди гэйнмэн долчаткāt.
Оронмй, сб ая эр митнй индерйт,
Кунякән икэндин, эунэкэн энтэнин.
Угучак оронмй, агйлй һуктыгэт,
Урунди, урунди мёварты иктүктын.*

Так, радость эвенка составляют: «кунякән икэндин» (песня ребенка), «эунэкэн энтэнин» (хорканье олененка), что и является его счастьем. Автор ведет беседу с верховым оленем «Эгэт мит һуэттэ, умунду гиркугāt эр митнй агйдүт, эвэнкй бикйттүн» (Мы не расстанемся, вместе пойдем по нашей тайге, по жилищу

*Сй, эунэкэн, чбгуркан ирэксэчй бисинни,
Чбгурит ирэксэт илэл эвкйл тэттэ
Кутучй бисинни, гороё индеуёс,
Авуна-да эвкё бвра синнй ирэксэс.
Һикэнди тыгиткэл дэгдерй һигинма,
Орорнй һэсиндүн сй нюнэ одяңас.
Һэгдыгу сугландү орорво суптйна,
Кэнёвкэ итыва сй-кэн эмэвдеуёс.
Орорнй һэсиндүн этэг-дэ бдяңас,
Һэгдывэ урэвэ угискй туктйнэ,
Һунтулнун сирүлнун мёванди кусйинни,
Аяври нямйва, һэсинми элбэтнэ.*

Автор называет олененка счастливым, потому что его оставили в живых по причине: «Чбгурит ирэксэт илэл эвкйл тэттэ» (Не носят люди пестрого цвета одежду). Но на олененка возлагаются большие надежды: «Орорнй һэсиндүн сй нюнэ одяңас, кэнёвкэ итыва сй-кэн эмэвдеуёс, орорнй һэсиндүн этэг-дэ бдяңас, аяври нямйва, һэсинми элбэтнэ» (Ты хозяином в

нем для ребенка может служить и важенка», «верховой олень», «средство передвижения», «способ пропитания».

Неразрывная связь эвенка с оленем показана в поэтических произведениях Н.К. Оёгира, что вполне близко национальному мировосприятию. В стихотворении «Би индуви урунчэдём» («Я рад своей жизни») поэт сообщает о счастливой жизни с оленем:

Мой олень, как же я рад жизни своей,
Мы не расстанемся, вместе пойдем.
По нашей тайге, по жилищу эвенка,
Звук гугары послушаем.
Мой олень, наша жизнь очень хорошая,
Песня ребенка, хорканье олененка.
Мой верховой олень, поскачем по тайге,
Пусть радостью, радостью наше сердце
заполняет. [Оёгир, 2006: 174].

эвенка), что характеризует миропонимание оленевода-кочевника. Тайга эвенком воспринимается, как его жилище, по которой он перемещается и живет вместе с оленем. В другом стихотворении «Эунэкэжэн» («Олененок») поэт обращается к олененку, возлагая на него большие надежды:

Олененок, шкура пестрая у тебя,
Не носят люди пестрого цвета одежду.
Счастливым ты, долго будешь жить,
Шапку не сошьют из твоей шкуры.
Грудью встречай налетающий вихрь,
Ты хозяином в оленьем табуна будешь.
На большом собрании впереди всех оказавшись,
Прославленное дело ты оставишь.
В оленьем стаде вожаком ты станешь,
На большую гору поднявшись,
С другими быками-производителями
сразившись,
Полюбившуюся важенку и стадо свое защитишь.
[Оёгир, 2006: 207-208].

оленьем табуна будешь, прославленное дело ты оставишь, в оленьем стаде вожаком ты станешь, полюбившуюся важенку и стадо свое защитишь). Олененку следует оставить после себя потомство для продолжения оленьего поголовья. В следующем стихотворении Н.К. Оёгира «Орон» («Олень») олень воспринимается поэтом, как младший брат:

*Агйи́й эвэнкй бисим бй,
Орорво аявнэ йндеунэм.
Си́йлгэн-муннука́н ирэкэ́т,
Кокчардун ичэ́унэм һу́нжэвэ.
Иу́индук, дему́дук, эру́дук,
Эвэнкй оронди сучача́н.
Тарит-да́ тар мину́й амака́в,
Оронмо́ аявда́в ипкэ́чэ́н.
Нямава́р борй́тнал а́дерэв,
Оронми́ нэку́ндй йндегин!
Оронду́ эру́е бра́кив,
Һэвэ́кй тар минду́к акса́гйи́н!*

Я таежный эвенк,
Оленей любя, живу я.
Снегом, словно заячьей шкуркой,
Среди копыт вижу я вьюгу.
От холода, голода, невзгод,
Эвенк с помощью оленя ушел.
Поэтому мой дедушка,
Любить оленя наказ оставил.
Согрев друг друга спим мы вместе,
Мой олень, как младший брат мой пусть живет!
Если сделаю я дурное оленю,
Хэвэки пусть от меня отвернется!

[Оёгир, 2006: 281].

Олень служит спасителем для эвенка: «Иу́индук, дему́дук, эру́дук эвэнкй оронди сучача́н» (От холода, голода, невзгод эвенк с помощью оленя ушел). Поэтому дедушка оставил поэту наказ «Тарит-да́ тар мину́й амака́в, оронмо́ аявда́в ипкэ́чэ́н» (Поэтому мой дедушка любить оленя наказ оставил). Таким образом, в стихотворениях Н.К. Оёгира, посвященных оленю, отражено национальное миропонимание и рассматриваемое ментальное образование имеет следующие когнитивные признаки: «олень – составляющее счастья», «олень – радость», «олень живет рядом с эвенком, преодолевая пространства тайги», «олень – помощник», «олень – брат для эвенка», «олень – спаситель эвенка», «верховой олень».

Тексты, записанные от информантов, сообщают о начале брачных игр у оленей в сентябре. Август – время подготовки у оленей к брачному сезону. Эвенки именуют его словом *иркин* ‘период обдирания кожицы с рогов оленя’, ‘олень-бык (раннеосеннее название)’ от глагола *иркими* ‘содрать кожицу с рогов’ и продуктивного суффикса *-н*, образующего отглагольные имена, выражающие действие, названное в основе. Быки-производители в этот период становятся упитанными, сильными, они обдирают кожицу с рогов. Хорканье быка-производителя является также показателем готовности к спариванию: «Боло орор со́каһинипкй́л. Элэ́кэс дюганй́ йлтэндэре́кин, ирки́н бэ́гаду́ һелтари́липкй́. Суру́л иелвэр ирки́тыпкй́л. Никимна́тын һэгды́липкү́чипкй́л. Ну́нартын э́нтыктэ́липкй́л». – Осенью у оленей начинаются брачные игры. Как только лето закончится, в августе становится прохладно. Быки-производители сдирают ко-

жицу с рогов. Шеи у них становятся толстыми. Они начинают хоркать [Информант 1]. Сезон брачных игр у оленей является довольно хлопотливым временем для оленеводов. В это период подпиливаются концы рогов у оленей в целях безопасности, производится кастрация некоторой части быков-производителей: «Э́лэ сй́ ну́нартын иелвэ́тын һу́ннанни, мэмэрвэр э́дэ́тын арки́ра, ва́лдыра. Упката́ва һу́ннанни чана́куча́н би́һин, суру́ би́һин, куй́качипкй́л. Һа́ды́дун сй́ ичэ́чи́унэ́нни, кэ́тэ чана́ку бирэ́кин, сй́ акта́ди́ну́ас һа́ды́лва суру́лва э́мэ́ндеу́эс. Би́ акта́ну́ам не́уне. Не́уне ну́нартын э́пкй́л бугле́рэ. Э́рдэ́т би́ акта́ча́м ды́гин оронмо́: дй́ор са́гды́ва та́дук дй́ор чана́кува́». – Вот рога им следует подпилить, чтобы друг друга не поубивали. Всем нужно рога подпилить, хоть двухгодовалому бычку, хоть быку-производителю, дерутся ведь между собой. Нужно следить, если много двухгодовалых бычков, часть из них следует выхолостить, часть оставить. Я холощу весной. Весной они не болеют. Сейчас я выхолостил четырех оленей: двух старых и двух двухгодовалых бычков [Информант 1]. В текстах реципиентов сообщается об агрессивности быков-производителей в брачный сезон. Они могут составлять опасность для оленевода. Притом агрессивными чаще бывают обученные быки-производители, которые уже имели опыт выючно-верхового кочевания: «Боло со́ка́ндэри́л орор, суру́л һа́ды́л бату́р би́пкй́л. Тар ду́лумнул нама́пча, се́ргада́ча́ бату́р би́пкй́л. Тар суру́ бэ́элэ́ ба́турга́пкй́, да́гама́кү́чипкй́, иктэмэ́лли. Ге́вану́ан боло со́ка́ндэ́чэ́тын, умукэ́н алаккү́н суру́ би́чэ́н. Ну́нан минэ́вэ э́пкй́ да́гама́пкя́на оро́рду́ла, кай́итча́пкй́ оро́рду́. Би́ илба́тча́ча́м

нууарватын солбоккй. Бй ирэктэ чāгидādūн буннам, нууан минэвэ сокорипкй, эпкй илэчэрэ. Тар тыкэ илбатчам, илчатчам, амнунналā оорор юрэ. Бй амардуктын нэнэдеунэм. Ичэлдеһинэм, элэ сурүкүн минтыкэкй эмэдекүттэн һймāкакүнди, эутыденэкэкүн, иелдиви горйпчадянкй. Элэ дагамадянкй, эрдэт минэвэ иктэмэлли. Тэли кēһалдянкй, һактыралдянкй, бй элэкс нууанман мэдэм. Он нэкэми, бй һуклэһиним дүннэлэ, каптарам. Дылви угирим, бугаткй ичэһинэм, нууан минүй оёдун бидепкй, дьлкүндиви эртыкй тартыкй горйпчадяна, иекүрдиви арпурдяна, минэвэ сокорчб, аритчапкй. Бй каптаручадянунам, эунэм горйһина, эунэм эрйһинматтэ, вāмалли. Тар илитмаран, эутыктэрэн, мучүһинан нямалтыкākй, һуктыдеһинэн. Элэ бй амаскākй тутудеһиним ирэктэлэ. Ирэктэл дагадүтын илим, дйоткй гиранидеһимән». – Осенью, в период брачных игр, некоторые быки-производители бывают агрессивные. Обычно такими бывают смиренные олени, приученные к вьючно-верховой и нартенной упряжи. Такой бык-производитель бывает агрессивен к человеку, подходит и может рогом ударить. В прошлом году во время брачных игр оленей был один пеггий бык-производитель. Он меня не подпускал, преграждал путь к оленьему стаду. Я погнал вверх по речке. Я за дерево встал, он меня не видит, потерял, не трогает меня. Так потихоньку подгоняю, подгоняю оленей, на широкое место реки олени вышли. Я иду позади. Вижу: этот бык-производитель быстро идет в мою сторону, хоркая, рогами в разные стороны помахивая. Подходит, вот-вот рогами ударит. Тогда вечер был, темноло уже, я только его увидел. Как быть, думаю. Я лег, прижавшись к земле. Голову поднял, наверх посмотрел, он возле меня стоит, головой в разные стороны крутит, рогами размахивает, меня потерял, ищет. Я лежу не шевелюсь, не дышу, может убить. Он постоял, похоркал и пошел обратно к маточному поголовью. Я пополз обратно, к деревьям. Возле деревьев встал и пошел домой [Информант 1]. Период отела, как сообщают информанты, у оленей начинается весной (в мае). Эвенки различают раннюю весну (нэлкинй) и позднюю весну (неуненй). Этот период является также ответственным и хлопотным для оленеводов. В их задачу входит сохранение поголовья телят. Важенки рожают

самостоятельно, в стороне от стойбища, поэтому оленеводы ходят проверять наличие появившихся оленят, следов хищников. Важенки приводят оленят не сразу, а лишь через несколько дней, дождавшись, когда теленок окрепнет и сможет уйти от преследования хищника. В этом у важенки проявляется инстинкт сохранения потомства: «Эткэн неуненй. Мүт бидерэп Апсаттү. Нямы эмэрэн, сөнүачāнма бодовдөн, сөнүачāнма уйеп эрдэт. Сөнүачāн сүйкән. Һādыл дйлэ бидерэ нямāһал, энтэктэпкй, сөнүачār энтэктэпкй, дблдывупкй. Кēһэ ичэтчэрэп. Элэнил āчир бука, иманна кэтэкэкүн, удятын эпкйл сāмура. Чэрүмэт оорор бидерэ». – Сейчас весна (май). Мы живем на реке Апсат. Важенка пришла, привела с собой олененка, олененка мы привязали. Это бычок. Остальные важенки в верхней части склона находятся, слышно, как хоркают, оленят тоже слышно. Вечерами ходим, проверяем. Хищников, вроде, нет, снега много, следов не видно. Спокойно олени живут [Информант 1].

В тестах реципиентов сообщается информация о верховых оленях, которые были у каждого взрослого и ребенка: «Дюганитыкин туктынукив конулā эниндулāви, аминдулāви, этэксэк алагувдями. Эткэн дёним угүчакив бичэн. Атākй гэрбйн бичэн, нюкучукбн, някчамакән, иекэкүрин һэгдымэмэ, һймāкакүн. Тарит элэ һуктывдеечиннэм, дйора-кана, илара-кана-гу бй гукчандяна давдычāв. Сб һймā бичэн, нууанман эрэгэр эткэн дёнинунам тар угүчакив». – Каждое лето после учебы я ездила к родителям в тайгу. Сейчас вспоминаю своего верхового оленя. Атаки его звали, он был маленький, коренастый, с большими рогами и очень быстрый. Я на нем быстро ездила, два или три раза побеждала на соревнованиях. Очень быстрый был. Очень часто его вспоминаю [Информант 2]. Верховые олени имели свои прозвища. Каждый верховой олень отличался своими особенностями. На них перегоняли стада во время кочевания. Также проводили на верховых оленях гоночные состязания среди детей: «Упкат кууāкārду угүчак бичэн. Тэли һуктыктэдеечиннэрэв, гукчандяна пастүк дбндүн, пастүкилва таһиктадянал. Сбкакүр бичэтын кууāкār. Эткэн этэчэл тыкэ. Тэли кэтэ кууāкār пастүклā һурункитын дйога. Энтылтын, амтылтын поселоктү бидерйл нāн ункитын дйлдулāвар һутэлвэр. Тар упкат

эвэнкйткэр тэли бичэтын татыкар орондула. – У всех детей были свои верховые олени. Тогда ездили наперегонки внутри оленьего стада, перегоняли верхом оленьего поголовья. Шустрые были дети. Сейчас так не делают. Тогда много детей ездило на оленьи пастбища. И те родители, которые жили в поселке, тоже отправляли своих детей к родственникам. Так все дети были приучены к оленю [Информант 2]. В прошлом дети были приучены к оленям, умели ездить верхом, перегонять стада, разводить и поддерживать дымокур для них: *«Дюга кэтэкэкур кунакар пастукилду. Упкату угучак, угучарукил. Онбуноров, энэрэв. Аминмун тэгэлтэнэ унэ мунэвэ тыматнэ сэримунки. Эмэгэрвэр инйинунэрэв, уйивэр, оубтунмар. Тар гиранинунарав янутыкай, иманнандула, аминмун бодоуноров. Тала йунэрэв, угучакила дявапкй аминмун. Тадук тахикучиунарав пастуккунма самуйксандула, инэуйвэ самнйчаунарав таду, тэли опрыскижувун сороптундук, сириунарав няманалва. Тыкэ нон дюгажувун. Эткэн этэчэл тыкэ. Нутэ айчин, кунакана айчир конуду. Тарит эпкйл татта оронтыкй»*. – Летом много детей на стойбище. У каждого свой верховой, свое верховое седло. Ищем оленей и так далее. Отец утром рано нас будит. Встаем, вьючим, уздаем оленей. И отправляемся в гольцы, к снегам, следуя за отцом. Там стадо мы начинаем подгонять к дымокурам, также опрыскивали от овода, который оставляет личинки у оленей, доили важенок. Так раньше проводили лето мы. Сейчас перестали дети ездить в лес. Поэтому не приучены к оленям [Информант 2]. Информант выражает сожаление, что сейчас мало детей ездит на стойбище. Одной из причин этого, на наш взгляд, является отсутствие оленьего поголовья у семьи и родственников.

Множественность, вариативность наименований оленя в эвенкийском языке наблюдается только среди групп эвенков, занимающихся в настоящее время оленеводством. По численности группа, сохранившая этот традиционный вид деятельности, составляет малую часть. Следовательно, это может свидетельствовать о деактуализации исследуемого концепта в сознании групп эвенков, не имеющих оленей, вследствие этого отошедших от оленеводства как традиционного вида деятельности. Как выясни-

лось, оленеводство среди эвенков Забайкальского края сохранилось только в Каларском районе. И этот вид традиционной деятельности позволил им в какой-то мере сохранить язык и культуру. Поэтому молодое поколение не приучено к оленям, пребыванию в таежной среде.

Таким образом, рассмотрев материалы аутентичных текстов, выделяем следующие когнитивные признаки исследуемого концепта: «август – время подготовки у оленей к брачному сезону», «брачный сезон у оленей начинается в сентябре», «бык-производитель может быть агрессивен и опасен для человека во время брачного сезона», «оленям перед брачным сезоном следует подпилить рога в целях безопасности», «нужно регулировать количество быков-производителей», «бык-производитель становится упитанным и сильным в период брачных игр», «верховой олень», «вьючный олень», «холощенный олень», «на верховом олене можно перегонять стадо», «на верховом олене можно устраивать гоночные состязания», «для оленей в летнее время следует разводить дымокуры», «отел у оленей начинается в мае», «важенка не подпускает к новорожденному олененку».

У эвенков имеются запреты, связанные с оленем. Запреты именуется словом *одэ*, что в переводе с эвенкийского означает: 1) бережливость; 2) запрет, оберег, табу. Несоблюдение запретов *одэ* может повлечь за собой потерю оленьего поголовья. Запреты призывают к бережному и уважительному отношению к оленю, к частям его туши после потребления мяса: *Оронмо энэкэл тэпурэ, орон омйн олодэубн, тарит һйукэн аксавкй. Ёйукэн аксаракин ороно айчин бдянас*. – Оленя нельзя бить, душа оленя испугается, рассердится и накажет тебя, останешься без оленей; *Энэрэ орон балдыдяракин бэлэду ичэвкэнэ*. – Нельзя позволять видеть многим людям, как олениха телится (*одэ*-предостережение, т.к. можно напугать ее и роды пройдут неблагополучно); *Умивкал ороп муельвэтын, умунду дявучакал хутакачанду. Эдэтын хэрэкэльтэ бидерэ, синдула эмэдэтын*. – Собери подшейный волос своих оленей, храни вместе, в мешочке специальном. Они будут тогда держаться все вместе и приходиться к тебе». Важным является существование в стаде священного оленя, он служит семейному благополучию: *«Оронмо сэвэквэ окал, эникис бра, бэе буссэвкй»*.

– Имей священного оленя в стаде. Если не будешь иметь, люди станут умирать [Словарь джелтулакского говора..., 2009: 560-561].

У эвенков существовал обряд нимāt, представляющий собой долю, пай от охоты. Согласно этому обряду охотнику следовало поделиться своей добычей с членами рода. Но это обряд призывал делиться и частями туши забитого оленя: *Оронма вāми, дылван нимэрдული бӯкэл.* – Забив оленя, голову его соседям своим дай (по обычаю «Нимāt»). Образное восприятие оленя заключено и в пословицах: *Орон тар ин, нуңан окин-да эвэнкиду бэлэдеңэн.* – Олень – это жизнь, он хоть когда поможет эвенку; *Ачин орон одяңан – эвэнкил манавулдяңатын.* – Оленя не станет – эвенки закончатся; *Орон āчин – эвэнкй āчин.* – Нет оленя, нет эвенка; *Тар бзе орондук балдыча.* – Этот человек рожден от оленя (об опытном оленеводке) и др.

IV. Заключение. Наличие базовой лексемы-репрезентанта концепта «олень» во всех тунгусо-маньчжурских языках и его номинативная плотность свидетельствуют о древности концепта. Образная составляющая исследуемого ментального образования заключена в восприятии оленя как сильного, выносливого, неприхотливого животного. Кроме этого, для эвен-

ков он надежный друг и помощник. Чувственный зрительный образ данного концепта актуализируется и в номинациях животного по масти. Ценностные признаки рассматриваемой ментальной единицы выражены в осмыслении оленя как способа перемещения и выживания в таежных условиях. Наряду с этим в сознании эвенков олень содержит в себе культурную ценность. Номинативная плотность также является показателем ценностной значимости данного ментального образования для эвенкийского этноса. Оленеводство является важным фактором сохранения эвенкийского языка и культуры, поскольку оленеводческая лексика занимает значительную часть эвенкийского языка. Формирование концепта «олень» произошло под влиянием кочевого образа жизни, традиционного типа хозяйствования – оленеводства и анимистического взгляда на природу. Частотность языковых единиц, объективирующих исследуемый концепт, наблюдается только у малой группы эвенков, сохранивших оленеводство, поэтому имеется риск утраты значительного лексического пласта эвенкийского языка. Так, структуру концепта «олень» в языковой картине эвенков можно представить в виде следующей схемы:

Рассматриваемое ментальное образование требует дальнейшего исследования. В данной статье изучены не все когнитивные признаки концепта «олень» в языковой картине мира эвенков. Имеется перспектива дальнейшего исследования концепта на материале художественной литературы и поэтических текстов, сопоставительного исследования на материале языков оленеводческих народов России.

Список информантов¹:

1. Мальчакиев Юрий Юрьевич, м., 1960 г.р., с. Чара, Каларский район, Читинская область. Записано: с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край, Н.Ю. Ушницкая, июнь 2021 г.
2. Мальчакиева Мира Григорьевна, ж., 1958 г.р., с. Средний Калар, Каларский район, Читинская область. Записано: с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край, Н.Ю. Ушницкая, июнь 2021 г.

Список литературы:

- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Захарова Н.Е. Экспериментальное исследование особенностей языкового сознания эвенков-билингвов (на примере концепта человек/бэе/киһи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2020. Т. 13. № 3. С. 215–219.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Кузьмина Р.П. Концепт кочевье в романе А.В. Кривошапкина «Бини – ач мудна хөвнэк» // Тенденции развития науки и образования. Самара, 2021. № 74-4. С. 33–36.
- Кузьмина Р.П. Образные признаки концепта «олень» в языковой картине мира эвенков // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2020. Т. 12. № 4. С. 128–137.
- Кэптукэ Г.И. Имеющая свое имя Джелтула-река // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: сборник научных трудов [Под ред. проф. Г.В. Быковой, проф. Г.И. Варламовой]. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. Вып. 2. С. 247–266.

Мерекина Е.В. Культурные концепты как ядерная часть языкового сознания малочисленного народа (этнолингвокультурологическое исследование языка эвенков). Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008. 300 с.

Оёгир Н.К. Гулувун дегдэдедэн... Чтоб не гас костер... Сказки, стихи. Красноярск: Сибирские промыслы, 2006. 352 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.

Ушницкая Н.Ю. Концепт «Бэюмэкит/охота в языковой картине мира эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. Амурский государственный университет: Благовещенск, 2021. Т. 7. № 3. С. 183–190.

Словари:

Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды лучады турэрук. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.

Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области / Б.В. Болдырев, Г.В. Быкова, Г.И. Варламова, Р.Е. Мальчакиева [Под ред. Г.И. Варламовой]. Благовещенск: Зея, 2009. 608 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимол. словарю: в 2 т. [Отв. ред. В.И. Цинциус]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. Т. 1. 1975; Т. 2. 1977.

References:

Karasik V.I. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse.]. Moscow: Gnozis Press, 2004. 390 p. (In Russian)

Karasik V.I. *Jazykovye kljuchi* [Language Keys]. Moscow: Gnozis Press, 2009. 406 p. (In Russian)

Kjeptukje G.I. *Imejushhaja svoe imja Dzheltula-reka* [Named Jeltula River]. *Jevenkijskij jetnos v nachale tret'ego tysjacheletija: sbornik nauchnyh trudov* [Evenk ethnosc at the beginning of the third millennium: a collection of scientific papers. Editor G.V. Bykovej, G.I. Varlamovoj]. Blagoveshhensk: Blagoveshhensk State Pedagogical University Press, 2008. Issue 2. Pp. 247-266. (In Russian)

Kuz'mina R.P. *Koncept kochev'e v romane A.V. Krivoshapkina "Bini – ach mudna hөvñjek"* [The concept of nomad camp in the novel by A.V. Krivoshapkin "Bini - ach mudna hөvñek"]. *Tendencii razvitija nauki i*

¹Прим.: Настоящие имена раскрыты автором статьи с согласия информантов.

obrazovanija [Trends in the development of science and education]. Samara, 2021. № 74-4. Pp. 33-36. (In Russian)

Kuz'mina R.P. *Obraznye priznaki koncepta olen' v jazykovej kartine mira jevenov* [Figurative features of the concept "deer" in the Evenk linguistic worldview]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern studies of social problems]. Krasnojarsk, 2020. Volume 12. № 4. Pp. 128-137. (In Russian)

Merekina E.V. *Kul'turnye kontsepty kak jadernaja chast' yazykovogo soznanija malochislennogo naroda (etnolingvokul'turologicheskoe issledovanie jazyka jevenkov)* [Cultural concepts as the nucleus of minority people consciousness (ethnological, linguistic and cultural research of the Evenk language)]. Dis... kandidata filol. nauk [Diss. of Candidate of Philology Sci.]. Barnaul, 2008. 300 p. (In Russian)

Myreeva A. N. *Jevenkijsko-russkij slovar' = Jevjedy luchady turjeruk* [Evenk-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 798 p. (In Russian)

Ojogir N.K. *Guluvun degdjedjen... Chtob ne gas koster... Skazki, stihi* [So that the fire does not go out ... Fairy tales, poems]. Krasnojarsk: Sibirskie promysly Press, 2006. 352 p. (In Russian)

Popova Z.D., Sternin I.A. *Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh: Istoki Press, 2007. 250 p. (In Russian)

Slovar' dzhel'tulakskogo govora jevenkov Amurskoj oblasti. B.V. Boldyrev, G.V. Bykova, G.I. Varlamova, R.E. Mal'chakitova. Pod redakciej G.I. Varlamovoi

[Dictionary of the Dzheltulak dialect of the Evenks of the Amur Region. Edit by G.I. Varlamova]. Blagoveshensk: Zeja Press, 2009. 608 p. (In Russian)

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov: materialy k jetimol. Slovarju [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: materials for etymol. Dictionary. Editor V.I. Cincius]: in 2 vols. Volume 2. Leningrad: Science Publ., Volume 1. 1975; Volume 2. 1977. (In Russian)

Ushnickaja N.Ju. *Koncept "Bjejumjekit ohota v jazykovej kartine mira jevenkov"* [The concept "Beyumekit hunting in the Evenks language worldview"] *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. Amurskij gosudarstvennyj universitet: Blagoveshensk, 2021. Volume 7. № 3. Pp.183-190. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenks. Historical and ethnographic essays (18th – early 20th century)]. Leningrad: Science Publ., 1969. 304 p. (In Russian)

Zaharova N.E. *Jeksperimental'noe issledovanie osobennostej jazykovogo soznanija jevenkov-bilingvov (na primere koncepta chelovek ili bjee ili kihi)* [Experimental study of the features of the linguistic consciousness of bilingual Evenks (on the example of the concept man either bee or kihi)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, 2020. Volume 13. № 3. Pp. 215-219. (In Russian)

N.Yu. Ushnitskaya

Representation of the Concept “Deer” in the Evenks Language Worldview

Scientific novelty. The article for the first time provides a linguoculturological and description of the concept “Deer” in the Evenks language worldview. The *aim* of the scientific work is the writing of lexical units involved in the representation of the concept “Deer” in the Evenks language worldview. The *tasks* of the study were: 1) recording of authentic texts from native speakers; 2) establishing a keyword-representative objectifying the concept under study; 3) construction of the nominative field of the considered mental formation; 4) designation of the place of this concept in the Evenks language worldview. *Research methods:* Based on the method of describing the concept proposed by V.I. Karasik, Z.D. Popova and I.A. Sternin, the author uses linguoculturological and semantic-cognitive methods of describing the concept. *Results.* Reindeer herding vocabulary is a significant part of the Evenk language. The formation of the concept under consideration in the linguistic worldview was significantly influenced by the traditional type of management – reindeer herding and nomadic lifestyle, combined with animistic views on nature. The keyword representative of the considered concept is available in all Tungus-Manchu languages. In addition, the studied mental formation has a nominative density (the term of V.I. Karasik) which may indicate the antiquity of the concept.

Keywords: Linguistic, worldview, concept sphere concept, Evenk language, reindeer herding vocabulary, oron, deer

Ж.В. Бурцева

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.011

УДК 821.554

Специфика сюжетно-повествовательной организации повести Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего»

Научная новизна заключается в том, что впервые исследуются сюжетно-композиционный, пространственно-временной, описательный и речевой уровни первой юкагирской повести «Жизнь Имтеургина-старшего» Т. Одулока, заложившей традиции становления и развития крупных повествовательных жанров и форм. Впервые рассмотрены способы реализации авторского сознания в сюжетно-повествовательной организации текста первой юкагирской повести, выделены основные образы, мотивы, символы, определившие специфичность локального Северного текста.

Целью исследования является выявление основных способов организации повествования в первой юкагирской повести, которые повлияли на формирование устойчивых значений повествовательной традиции Северного текста. *Задачи:* рассмотреть повествовательно-речевую организацию и особенности сюжетно-композиционного построения, определить тип повествования.

Методы исследования: структурно-семантический, нарративный, историко-культурный, биографический.

Результаты. Впервые на материале прозы Тэки Одулока представлен опыт исследования сюжетно-повествовательной и сюжетно-композиционной организации повести. Изучены особенности семантики нарратива, его структуры как художественного высказывания (автобиографический тип рассказывания, образ рассказчика (автобиографический субъект «я как другой»), сказовая поэтика, жанровые особенности, восходящие к устно-поэтической традиции, преданиям, легендам и мифам, а также форме «нъиздыл» – рассказа, повествующего о вполне реальных событиях прошлого, соотношение автора биографического и автора-субъекта сознания, выражением которого является само произведение, лаконичный язык, присущий фольклорной повествовательной традиции, организующая роль предисловия, своеобразие пояснений и комментариев и другие, выделены пространственно-временные особенности (пространственное восприятие образов, семантика пути-кочевья, авторское видение исторического героя, реалистичность, этнографизм и натурализм изображения и другие).

Ключевые слова: юкагирская повесть, Тэки Одулок, повествовательно-речевая организация, тип повествования, сюжетно-композиционное построение, первые эпические произведения, северный текст литературы Якутии, нарратив

© Бурцева Ж.В., 2022

I. Введение. Если рассматривать северную литературу Якутии как локальный текст в его диахроническом и синхроническом срезе, можно предположить, что он содержит в себе ядро (центральное поле) и множество микрополей, т. е. имеет многополярную структуру. Его динамичность во времени состоит в том, что часть элементов ядра может утрачивать свою актуальность, а отдельные элементы из ближайшей периферии могут становиться константами. Закрепление каких-то фрагментов локального текста в письменной традиции способствует сохранению и актуализации его как «места памяти». Следуя данной концепции, реконструируемый Северный текст характеризуется:

- подвижностью во времени (дополняется новыми смыслами и символичностью);
- многослойностью, неоднородностью – содержит смысловое ядро и периферию;
- дискретностью и семантической связностью, единством лексики и интерпретационных кодов (выражается в наборе устойчивых мотивов, сюжетов и образов, речевых формул и т.д.).

Историческое существование любого локуса наполняется цепочкой символизации, результаты которой закрепляются в фольклоре, топонимике, путевых очерках, исторических и документальных повествованиях, в широком многообразии речевых жанров, повествующих об этом месте, и, наконец, в художественной литературе. Восприятие образа места происходило глазами первопроходцев, путешественников, писателей и ученых, ссыльных и местных жителей. В процессе символического освоения места формировались смысловые константы, которые становятся доминирующими категориями описания места и начинают программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций.

В первых произведениях начала XX столетия основоположников северной литературы Якутии Т. Одулока, Н. Тарабукина формируется уникальный тип национальной модели мира, который определяется и через то пространство (место, ландшафт), в котором живет народ, через «природу, среди которой вырастает народ и совершает свою историю», она – то, что «определяет лицо народа. Она – фактор постоянно действующий» [Гачев, 1998: 27].

Первые произведения северных авторов начинают транслировать определенный тип повествования в прозаических текстах – систему приемов и речевых средств, мотивированную единством выбранной автором точки зрения повествователя или персонажа, организующей весь текст, значительное его пространство или отдельные его фрагменты.

Данная статья, не претендующая на полноту описания, посвящена исследованию основных повествовательных уровней первой юкагирской повести (повествовательно-речевая организация, а также сюжетно-композиционный, пространственно-временной уровни). *Теоретическая и практическая значимость* обусловлены тем, что впервые разрабатывается новый методологический подход к изучению первых эпических произведений с точки зрения повествовательной организации и позиций нарратологического анализа, что позволит выявить специфику Северного текста как системы определенного повествовательного ряда.

Теоретическую основу составляют труды по проблемам поэтики М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, З.Г. Минц, Б.В. Томашевского, О.М. Фрейденберг, С.Н. Бройтмана, Е.М. Мелетинского, Б.М. Гаспарова, В.И. Тюпы, С.Ю. Неклюдова, Н.Д. Тмарченко, Ю.В. Манн, Ю.Б. Борева, Ю.С. Степанова, В.В. Абашева, Н.П. Анциферова, Н.Е. Меднис, Е.Ш. Галимовой, И.З. Вейсман, Л.В. Воробьева, Б.А. Успенского, В.Е. Хализева, И.В. Силантьева и др.

В данной статье автор отталкивается от понимания литературного текста как «совокупности высказываний, монологов и диалогов, принадлежащих автору, рассказчику, персонажу» [Барковская, 2004: 16]. Поэтому в произведении важно осмыслить сам процесс *наррации* («*рассказывания*»), который выполняется в форме того или иного режима повествования, предполагающего определенный способ построения эпического произведения или «способ воплощения авторского сознания в эпическом тексте» [Топоров, 1995: 63].

II. Материалы и методы. В статье предпринимается попытка создания концепции структурно-семантического анализа на материале повести Н.И. Спиридонова–Тэки Одулока, которая будет способствовать раскрытию внутренних связей и соподчиненности компонентов ху-

дожественного произведения. Структурно-семантический подход базируется на таких понятиях, как содержание и форма, структура и семантика, связи и функции элементов в тексте, а также выделяет и систематизирует компоненты текста, участвующие в построении художественного целого.

Исследование выполняется в русле современных неизученных проблем поэтики локального текста, понимания местности как текста, семиотической парадигмы рассмотрения культуры и литературы в целом. Концепции локального сверткста В.Н. Топорова и Н.Е. Меднис применительно к Северному тексту русской литературы осмыслены в трудах Е.Ш. Галимовой. По определению исследовательницы, «это создававшийся преимущественно на протяжении столетия (с начала XX в. до наших дней) в творчестве многих русских писателей особый северорусский вариант национальной картины мира, наделенный, наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [Галимова, 2010: 9].

Так называемая поэтика пространства направлена на то, чтобы показать место как бы с точки зрения «бытийного центра мира» [Абашев, 2000: 395] и тем самым идентифицировать место как порождающее начало. Поэтику пространства следует понимать «как многократное прочитывание и переосмысление текста с выявлением различных смысловых доминант, в данном случае – преимущественно связанных с местом» [Башмакофф, 2006: 4].

Одними из важных условий нарративного прочтения произведения является коммуникативное понимание природы литературы, предполагающее наличие коммуникативной цепи, которая включает отправителя информации, само сообщение (текст) и получателя информации, а также установку на знаковый характер коммуникации, требующий кодирования и дешифровки, и соотнесенность этих знаков с внелитературной реальностью и художественной традицией; представление об акте художественной коммуникации как о процессе, происходящем одновременно на нескольких повествовательных уровнях [Ильин, 2001: 167].

Таким образом, в анализе повести Н.И. Спиридонова–Тэки Одулока мы исходим из пони-

мания того, что в процессе истолкования текста всегда должен «присутствовать „третий элемент“, первый – „личность читателя“, второй – „авторский текст“, третий же, посредством которого осуществляется понимание различен: социальная действительность, породившая текст (социологический анализ); аналогичные художественные тексты (сравнительный анализ); факторы культуры (историко-культурный анализ); личность автора (биографический анализ)» [Борев, 2003: 440].

Ранние эпические произведения северной литературы Якутии: юкагирской литературы Т. Одулока (повесть «Жизнь Имтеургина-старшего», 1934), С. Курилова (рассказ «Увидимся в тундре», 1961), эвенской литературы Н. Тарабукина (повесть «Мое детство», 1938) – способствуют развитию крупных повествовательных жанров (С.Н. Курилов – первый юкагирский роман «Ханидо и Халерха», 1969; П. Ламутский – первый эвенский роман «Дух земли», 1987 и многие другие), а также генерируют новые представления о региональной словесности в историко-культурном и семиотическом измерении.

III. Результаты. Предлагаем алгоритм поэтапного описания сюжетно-повествовательной организации первых эпических произведений, выявляющий специфику Северного текста как локальную письменную традицию, которой характерны единство и семантическая связность. В рамках статьи представляются основные семантические, сюжетно-композиционные и пространственно-временные особенности повести. Локальность и уникальность повествовательной традиции, на наш взгляд, выражается автором на следующих основных уровнях.

1. На уровне словесного ряда в самом тексте:
– форма изложения, а именно повествовательно-речевая организация, которая представляет собой устойчивый набор композиционно-речевых форм как функционально-коммуникативных единиц структурирования эпического повествования. Это позволит увидеть точку зрения повествователя и ее эволюцию в дальнейшем в рамках локального текста;

– система приемов и речевых средств, мотивированных единством выбранной автором точки зрения повествователя или персонажа, организующей весь текст, значительное его пространство или отдельные фрагменты. Это обо-

роты речи, диалектизмы, проявление фольклорно-этнографических элементов, фольклорные формы, описание северных реалий, топонимика, обозначение и описание местности, природного ландшафта, географических объектов.

2. На уровне сюжетно-композиционной организации:

– закономерности употребления особо значимых композиционных элементов, особенности развития сюжета, его связь с героями и основными проблемами, тип повествования и жанровая форма. Словесный (повествовательный) ряд, т. е. процесс рассказывания в произведении строится на сюжетно-композиционном уровне.

3. На уровне образного высказывания:

– пространственные образы, топика, метафорика, символика, интертекстуальность, способствующие образованию нарративов.

4. На уровне функционирования основных мотивов, которые рассматриваются как целостный элемент повествовательного языка, вариативно реализующийся в повествовательной речи (образующих определенную единую мотивную структуру, например, в повести Т. Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего», автобиографический в своей основе мотив «памяти» и его семантические варианты – мотив поколения, мотив исторического прошлого, мотив воспоминания и др.; мотив кочевья, выполняющий композиционную, сюжетообразующую и смысловую роль – мотив дороги, путешествия, тундра как пространство свободы, бинарные оппозиции жизнь (кочевье, олени) и смерть (оседлый образ жизни, отсутствие оленей), добро/зло, свой/чужой и др.).

На этой основе формируется этническое сознание, этническая ментальность, которая выражается не только в уникальной тематике и образности, но и в создании особой картины мира, восприятия действительности, характерной только для жителей этого локуса. Авторское сознание в художественном произведении может быть проявлено и как своеобразная модель мира, и как реализация сознательно избираемых стратегий и тактик организации текста, выражающих авторские интенции.

Так, в основе русскоязычной повести юкагира Т. Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего», изданной в 1934 г. в Ленинграде, лежат автобио-

графические сведения и события, но художественно переработанные. Как известно, данная повесть композиционно начинается с прямого авторского слова, в котором излагается биография автора. Предисловие носит разъяснительную функцию. Автор подготавливает читателей к восприятию художественного произведения, раскрывает свой замысел, комментирует и интерпретирует события, персонажей, репрезентируя и себя, и главного героя, определяет пространственные координаты повествования. «На самом севере Дальневосточного края есть река Ясачная, темноводная, извилистая. Она впадает в большую Колыму, текущую в Северное полярное море... На реке Ясачной, среди ивовых зарослей, в шатре из оленьей кожи родился я – пишущий эту книгу» [Одулок, 1987:19].

Предисловие является важным компонентом художественного текста, так как является прямым авторским словом, а также служит передачей концепции мира, в которой «обнаружили себя специфические способы реализации авторского сознания, утверждающие уникальность индивидуальной авторской речи, авторского стиля, авторского художественного языка» [Лазареску, 2005: 227]. Предисловие выполняет некую организующую роль, рассматривается исследователями как «рама произведения», наряду с именем автора, заглавием, подзаголовком, посвящением, эпиграфом, оглавлением, послесловием, авторскими примечаниями. Все перечисленные компоненты произведения прочитываются «не по отдельности, а в их связи друг с другом и с основным текстом произведения, так как в художественном целом выполняемые ими функции могут перераспределяться» [Ламзина, 2001: 849]. В конечном счете предисловие «придает произведению характер завершенности, усиливает его внутреннее единство, обнаруживает присутствие автора в произведении, его ориентацию на определенного адресата» [Ламзина, 2001: 848].

Становится ясным, что предисловие как форма выражения авторского сознания, позволяет вместить в себя различные дискурсы: биографический, эпистолярный, публицистический, художественный, литературно-критический. Так, помимо изложения автобиографии, предваряется фабула и сюжет. По замыслу автора «книга» состоит из трех частей, две из которых

должны были быть посвящены Имтеургину-младшему. В свет вышел только небольшой рассказ «Имтехай у собачьих людей», который также требует изучения. Есть все основания утверждать, что «книга» хоть и композиционно не закончена, но в самой повести художественно-эстетические функции, архитектурная форма и сам эстетический объект созданы и завершены. В этом смысле открытый финал повествования как свойство внешней незаконченности не говорит об отсутствии внутренней целостности и завершенности. Хотя существуют и противоположные мнения, даже споры об авторстве Тэки Одулока.

Реальное пространство, обрисованное в повести, охватывает географически широкий Колымский округ, по местам проживания тундренных или оленных людей. В этом суровом северном пространстве автором показаны совершенно необычные для осознания формы природного бытия и человеческого обитания, но естественные для самого автора. Уже в самом начале рассказчик погружает читателей в атмосферу снега, зимы, холода, тундры, всецело властвующей дикой неуправляемой стихии, с которой ведет борьбу тундренный человек.

По словам М.М. Бахтина, предметно-образительный мир составляет лишь внешний уровень текста, но глубинные слои смыслов стоит искать в характере самой организации и развертывании словесного целого. Отчетливо прослеживается собственно авторская установка на пространственное, символическое и мифологическое восприятие образов. Красный цвет северного сияния воспринимается Имтеургином кострами верхних людей, которые «укочевали» при появлении зеленого цвета, напоминающего весенний лед. Мифологическое представление о северном сиянии заключается в том, что, согласно преданиям, в том числе и якутским, его называют «дьюкээбил уоттара». Эти «юкагирские огни» появляются от костров когда-то многочисленных юкагирских стойбищ. Рыжий цвет неба ассоциируется у него с оленьей печенкой, в конечном счете он думает о злых духах, перелезающих разноцветные рубахи.

Все описания окружающей природы и природных стихий подчеркивают национальную, социальную, жизненную значимость той естественной среды обитания, в которой родились

автор и главный герой, передающих «правду видения». Внешне-речевая организация воссоздает трепет, уважение и первобытный страх перед силами природы: «нельзя спать! Все замерзнете», «Я олень! Я вожак! Я снега не боюсь, обезножья-болезни не боюсь!», «Олени мои льда не боятся», «сказал и сам испугался», «худое слово – как острое копьё, может на оленей беду навести», «подумал Имтеургин и вдруг испугался» [Одулок, 1987: 22–23], «Кутувья вернулся домой, руки у него тряслись» [Одулок, 1987: 26].

В русскоязычной повести встречаются безэквивалентные слова-реалии с авторскими пояснениями («йоронга», «келе», «уткучин» и др.), которые выполняют особую лингвостилистическую функцию, подчеркивают этнический исторический колорит. «Мысль писателя реализуется в определенной художественной структуре и неотделима от нее» [Лотман, 1970: 4], поэтому важно рассматривать художественный текст в совокупности всех его элементов. Примечания и комментарии как «второй голос» являются неотъемлемым компонентом лингвокультурологического текстологического исследования художественного текста. Автор дает истолкование лексики, называющей реалии мира природы, бытовые, ономастические, фольклорные, исторические, этнографические, мифологические реалии и другие. Так, например, выражение «отрезать ветер» происходит из древних мировоззренческих мифологических представлений чукчей, которые считают, что его останавливают заклинанием или внезапным криком. Проведение обрядов, как правило, сопровождается определенной речевой формульностью. По утверждению Ю.Г. Хазанкович: «Формульность заговора Одулок стилизует посредством сохранения его интонационно-синтаксической составляющей» [Хазанкович, 2018: 75]. По своей структуре заговор представляет собой набор реальных заклинательных формул и действий. Так, Имтеургин отводит духов «обезножья» (копытицы – оленьей болезни) при помощи ножа и прямого обращения в повелительном наклонении: «Убью! Забодаю! Обезножье зарезу! Лучше уходите!» [Одулок, 1987: 23].

Своеобразная закодированная картина мира, особый образный, поэтический тип мышления, исходящий из освоения северного пространства, нашли выражение в системе летоисчисления и в

народных названиях месяцев. Прошлым снегом или прошлой зимой именуется прошедший год. Чукотская зима имеет продолжительность восемь месяцев. Остальные четыре месяца – весна, лето и осень. Месяцы в переводе с чукотского носят свои названия: январь – упрямого оленьего быка, февраль – зябнувшего оленьего вымени месяц, март – выпадения волос у оленьего вымени месяц, апрель – рождения телят месяц, май – появления воды месяц, июнь – появления листьев месяц, июль – месяц тепла, август – месяц, когда олени обдирают рога, сентябрь – месяц заморозков, октябрь – месяц холода, ноябрь – узкого мяса месяц, декабрь – узкого дня месяц.

Осознание человеком себя всегда происходит в его взаимоотношении с окружающим миром и ландшафтом. Мифологизм, пронизывающий сознание и жизнь тундренного человека, рожден стремлением выжить в категорически неприемлемых для человека условиях. Если в русской литературе Север зачастую воспринимается местом, куда бежали и куда ссылали, т.е. ассоциируется с «чужим» пространством, то в литературе малочисленных народов, конечно, Север – это естественная среда обитания, его символические и мифологические трактовки многократно усложняются ландшафтно-климатическими условиями рождения и проживания. Это выражается в том, что Север всегда по отношению к ситуации героя здесь и сейчас, он идентифицирован с самим героем. Поэтому, несмотря на важную, сюжетообразующую роль кочевья, главным предметом авторского осмысления становится процесс взаимоотношений оленного человека с Севером.

Эпическое повествование в принципе невозможно без автобиографических приемов, субъективного авторского начала, и в данном произведении автобиографический субъект «я как другой» в самом тексте одновременно и присутствует, и отсутствует. Все переживания, испытания, интуитивно-стихийное постижение мира, которыми наделил автор Имтеургина, изображены живо и убедительно. Мы наблюдаем в некотором смысле психологический параллелизм автора биографического и автора-субъекта сознания, выражением которого является само произведение. Все события, описанные в повести, приобретают мифологическую глубину и обобщенность.

«Мы понимаем под биографией или автобиографией (жизнеописанием) ту ближайшую трансгредиентную форму, в которой я могу объективировать себя самого и свою жизнь художественно». Гораздо более значимым является вопрос о способах воплощения «биографического ценностного сознания» [Бахтин, 1979: 139–140]. Размышляя над соотношением документализма и художественного вымысла, Л.Я. Гинзбург утверждает, что в творчестве отдельных писателей автобиографизм уступает место «автопсихологизму», так как важнее не совпадение жизненных реалий или биографии автора, а их внутреннее психологическое родство [Гинзбург, 1979: 6].

Мы считаем новаторством то, что форма биографии и автобиографии в повести Тэки Одулока представляет собой повествование от третьего лица (безличное), но в настоящем времени, в котором используются глагольные формы несовершенного вида настоящего времени. Которые, как известно, обозначают незаконченное, длительное, без ограничения во времени действие или процесс. Такая форма несобственно-прямой речи позволяет проследить описываемые события глазами персонажа без его самоидентификации через первое лицо, а также невозможную для разговорного языка фигуру говорящего в третьем лице.

Повесть имеет специфические жанровые особенности, что выражается в автобиографическом типе изложения, употреблении формы сказа или неторопливого рассказа. Такие тенденции восходят к устно-поэтической сказовой традиции юкагиров (преданиям, легендам и мифам), а также форме «нъиэдьил» – рассказа, повествующего о вполне реальных событиях прошлого. Тундренные юкагиры определяют его следующим образом: «Это не сказка – это рассказ» [Фольклор юкагиров, 2005: 27]. Исходя из содержания данных повествовательных текстов, в фольклорной юкагирской несказочной прозе особое место занимают автобиографические рассказы. Выделяются две разновидности юкагирского рассказа, первый – просто «нъиэдьил», второй – «чуольэдьии нъиэдьил» (рассказ о древних людях, который приближен к преданиям и легендам, находясь между «каравал» – сказкой и «нъиэдьил» – рассказом). Предания, как правило, повествуют о событиях глубокой

древности, заложивших начало истории того или иного рода и племени.

Интересен тот факт, что в юкагирском сказании героического характера об Эдилвее (наиболее полный вариант, записанный А.Н. Лаптевым от сказителя Н.Т. Трифонова), враждебными иноплеменниками выступают именно чукчи. У чукчей также существуют исторические предания о борьбе с соседними племенами, таньгами и айванами (под таньгами – подразумеваются коряки, юкагиры, русские, под айванами – эскимосы) [Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки, 1974].

В собирательный образ главного героя чукчи Имтеургина автор вложил лучшие качества оленного человека, такие как храбрость, честность, бескорыстие, выносливость, сдержанность, единение с природой. Реализация мотива кочевья, дороги, в который заложена оппозиция жизни-смерти, раскрывает понятийную модель мира. Кочевник как вечно движущийся образ не мыслится без пространственного развертывания сюжета, при этом главной метафорой его пути является бескрайняя тундра.

Автор мастерски лаконично, правдиво передает в одной небольшой повести всю жизнь человека с помощью точных и метких деталей, коротких диалогов и монологов, смысловой емкости, диалектики личной и исторической судеб, проникает в глубины созданного характера. В основе сюжета повести трагические события в жизни главного героя, одаренного охотника и оленевода, но в центре внимания только не только судьба человека, а трагедия семьи, целого народа, времени, положения, исторической правды, самого пространства, среды, ландшафта.

Автобиографическое повествование превращается в полномасштабную картину бедствий северян, показанную в бесконечных внешних и внутренних конфликтах, с которыми сталкивается Имтеургин: люди Эрмечина во время пурги вероломно угоняют к себе почти всех оленей; русский купец поит царской водой и забирает лучшие шкуры, которые Имтеургин отдает за большой медный чайник, но его не получает; гости Эрмечина убивают сына Кутувью; наступает голод семьи, в то время купец требует, чтобы его собак накормили мясом последних оленей; Имтеургин ходит по опустевшей земле и не находит добычи; голод заставляет женщин пи-

таться замерзшими белыми червяками, а маленького Имтеургина – сосцами собаки; Имтеургин от безысходности идет пасти чужих оленей к убийце сына, чтобы оставшиеся члены семьи выжили.

По ходу нарастания этих событий автор представляет историю освоения Севера как драматичное и тяжелое время, при этом, несмотря на образно-метафорическое видение, обстоятельства излагаются с документальной лаконичностью, что можно назвать прозой, выстраданной документально. «Так и дрогнула от грохота тундра. Люди прыгнули в сторону. И не успели поднять копыя, как опять загремели выстрелы» [Одулок, 1987: 82]. Это подтверждает мысль Л. Чуковской о том, что «подлинность материала делает повесть настоящим документом времени» [Чуковская, 1959: 179].

Если говорить о фольклорной повествовательной традиции, то «наружная незамысловатость юкагирских текстов и скудность выразительных языковых средств» объясняется «доминированием в фольклорной традиции мифологического начала, влияющего на внешнюю и внутреннюю формы произведений» [Прокопьева, 2014: 171]. Как отмечает В.И. Иохельсон, говоря о содержательных и формальных чертах повествовательного фольклора юкагиrow: «В записанных рассказах мы видим переходящие из поколения в поколение предания о действительных фактах, едва прикрашенных фантазией» [Иохельсон, 2005: 25].

В этом плане психологический и эмоциональный «накал» в повести выражается во внутреннем драматизме, который создается несколькими способами. Во-первых, посредством сна Имтеургина, в котором на него нападает голодный медведь. «Вдруг треснула подо мной ветка. У, беда! – медведь на меня спереди идет. Рыжий весь, прямо как огонь горит. Сам тощий, кишки высохли, брюхо к хребту прилипло» [Одулок, 1987: 32]. Сон как прием сюжетосложения выполняет функцию предчувствия и художественной проспекции событий. Во-вторых, благодаря двуплановости сюжета, а именно наступление торжествующих над тундренным человеком обстоятельств, сил, среды, истории и тоска героя о другом сюжете. Так, повесть основана на соотношении двух структурных звеньев сюжета, двуплановой композиции, временных

пластов «до» и «после». В начале повести Имтеургин-старший предстает замечательным оленеводом и охотником, имеющим большое стадо оленей, который передает свое удачливое имя сыну: «У меня хорошее имя. Оно мне давало удачу – олени у меня есть, огонь есть, жена у огня сидит, дети мне помогают» [Одулок, 1987: 36]. Далее все происходящие события в его жизни символически осмысливаются как трагическое индивидуальное и трагическое общее. Автор повествует о непоправимом зле, связанном с освоением земель аборигенов Севера, которые вышли прямо из природы, в социальный вызов времени. Имтеургин, покорно следуя древнему обычаю, глубинным ценностям национального самосознания, выполняет просьбу гостя и кормит собак купца последними оленями, подвергая себя и свою семью голодной смерти. В конце с обреченностью Имтеургин-старший спрашивает у себя и жены: «Как жить будем?».

Ответ на этот вопрос обращен к Имтеургину-младшему как передача судьбы и истории рода: «Мы с тобой одни теперь живем. Прежде нас много было, и олени у нас свои были. Большой человек твой отец был. Первый охотник. А теперь твой отец чужое стадо пасет» [Одулок, 1987: 93]. Мы наблюдаем доведение фабульной линии до открытого финала.

Определение «нон-финито» (non-finito) [Борев, 2003: 480] рассматривает многовариантный финал как значимую часть формальной структуры. Таким образом, сюжетно-композиционная организация обеспечивает раскрытие правдивой проблематики как в рамках индивидуальной судьбы героя, так и на социально-историческом уровне, все образы-факты и образы-метафоры, образы-символы, образы-архетипы тесно переплетены между собой. Дальнейшие исследования помогут воспроизвести «образ и историю места» в первых произведениях северной литературы как сумму его основных семантических характеристик и образных кодов; выявить максимально репрезентативный ряд смысловых доминант, которые в данном локальном тексте стали фактором текстопорождения и транслировали литературную реализацию локального мифа, тем самым заложили основы для последовательного развития традиции.

IV. Обсуждение. В 1934 году Тэки Одулок публикует повесть «Жизнь Имтеургина-стар-

шего», которую он написал под впечатлением поездки на Чукотку. Повести предшествовал первый путевой очерк «На Крайнем Севере», написанный по материалам экспедиций 1925–1928 гг. «В юкагирскую литературу документальная проза вошла в форме описания путешествия» [Потапова, Хазанкович, 2018: 244]. В данном очерке отчетливо проявляется картирующая функция, так как текст написан по следам реального путешествия. «Это один из первых опытов документально-художественной путевой прозы, композиционно построенной по модели путевого дневника, что позволяет охарактеризовать его как жанровую форму травелога» [Бурцева, 2020: 123].

Выход повести в свет с восторгом восприняли Алексей Толстой, Александр Фадеев, Виталий Бианки, Геннадий Гор и многие другие писатели. Книга трижды издавалась при жизни автора, была переведена на несколько языков, опубликована в Праге, Париже, в Лондоне под названием «Снежные люди».

Известно, что А.М. Горький восторженно отзывался о знаковом произведении: «Юкагир один хорошую книгу написал – «Жизнь Имтеургина-старшего». Я приехал домой со съезда, взял посмотреть и прочитал всю. А в книге страниц 150. Хороша! До двух часов ночи читал. И поражался: огонь добывают деревянным сверлом <...> А как там все описано! Совершенно неизвестная жизнь открывается перед читателем» [Горький и Якутия, 1968: 85].

В 1935 году выходит роман Владимира Тан-Богораза «Воскресшее племя» [Тан-Богораз, 1987], посвященный возрождению разоренного и полуистребленного племени юкагиров, обреченных на вымирание в царской России. «Русские завоеватели северной Сибири были во многом подобны испанским конкистадорам, покоровших Америку. Страдания и бедствия юкагиров не являются исключением, они типичны для всех народностей Севера» [Тан-Богораз, 1987: 4]. Как известно, Тэки Одулок был учеником В.Г. Тана-Богораза, и талантливый ученик послужил прототипом героя по имени Кендык.

Критическая полемика вокруг повести, «подписанной именем Тэки Одулока», развернулась в статьях известного критика В. Огрызко, в которых выдвигалось предположение, что данный творческий продукт есть результат художе-

ственного сотворчества юкагирского автора и С.Я. Маршака. В статье «Был ли юкагирский писатель японским шпионом?» В. Огрызко считает недостатком повести изображение русских «пришельцев» в негативном свете, что они «сознательно взялись за поголовное спаивание и обирание кочевников». «Я не утверждаю, что русские всегда несли на Север только свет. Но и огульно всех русских причислять к разбойникам, думаю, тоже было бы неверно. А Одулок очень многие сцены дал исключительно в черно-белых тонах» [Огрызко, 2013].

Разнобой в оценках больше свидетельствует об эстетических вкусах критиков, чем об объективной ценности произведения как литературного явления. Возвращение имени Тэки Одулока связывают с рецензий Л. Чуковской «Об одной забытой книге». «Мне хочется напомнить об одной забытой книге, созданной человеком бывалым, знавшим изображенную им жизнь во всех мелочах труда, религии, быта, во всей огромности ее горя» [Чуковская, 1959: 177]. Повесть в разное время становилась предметом исследования А. Пошатаевой, А. Михайлова, Ю. Хазанкович, а также Г. Курилова–Улуоро Адо, в частности, все исследователи уделяют внимание ее уникальности, автобиографичности и огромной роли в становлении северной литературы.

V. Заключение. В ранних произведениях основоположников северной литературы формируются особые «механизмы» конструирования художественного текста (принципы поэтики, повествовательные стратегии, особенности композиционного построения, сюжетосложения, литературные персонажи и т.д.), исходящие из освоения прежде всего образа Крайнего Севера как географического и исторического пространства, транслировании образа места и человека в нем как многоуровневой и иерархической системы знаков, речевых, ментальных, визуальных стереотипов, мотивов и сюжетов, устойчивых образов.

Автобиографизм – это не только жанровая примета ранних произведений северной литературы, его можно назвать коренным свойством стиля и художественного мироощущения писателей-северян. Мифологизм – это прежде всего авторская, мировоззренческая основа, общая линия понимания вещей и внешнего природно-

го мира, что является обобщающим качеством всей художественной системы произведений, посвященных Северу. Оба понятия могут выступить как ведущее стилистическое средство, как основа сюжета и способ создания образов персонажей.

Можно заключить, что Тэки Одулок оставил свое уникальное видение исторического героя и времени. В художественной картине мира, представленной в повести, проявились как реалистичность, этнографизм и натурализм изображения, так и фольклорная повествовательная традиция, они «перетекают» друг в друга, создавая сложные подтекстовые смыслы. Повесть характеризуется употреблением формы сказа или неторопливого рассказа, жизнеописания, что напрямую свидетельствует об автохтонной фольклорной традиции (форме «нъиздыл»), с помощью которых автор организует и способ восприятия своего героя. Сознание тундренного человека Имтеургина пронизывает архаическая ментальность, в связи с чем он сталкивается с непреодолимостью социальных потрясений. При рождении сына «Имтеургин высоко прыгал и кричал во все горло, ревел по-медвежьи, выл по-волчьи, лаял по-лисьи и каркал как ворон. Это он пугал злых духов» [Одулок, 1987: 35]. Поведение героя воплощает чистое, не испорченное цивилизацией сознание, свободное от материальных ценностей.

Освоение пространства кочевником осуществляется движением по пути, при этом «онтологический» и «антропологический» мотив движения как единственный способ бытия, также восходит к архаике. Поэтика простора, выраженная в образе тундры, проявляется через такие семантические и эстетические параметры, как восприятие открытого пространства по горизонтали, ширь, даль, безграничность, возможность свободного движения «в любую сторону».

В повести преобладают речевые формы, приемы и языковые средства, в которых в субъективированном повествовании отражается авторское сознание как метатекстовой категории. Произведению присущ такой тип речевого взаимодействия персонажа и рассказчика, как смена повествовательных голосов, что проявляется в контаминации 1-личного и 3-личного повествователя, появлении автобиографического субъекта «я как другой». В типе изложения мы наблюда-

даем приметы устности и рассказывания, а также спонтанного, неподготовленного и простонародного характера монолога и диалога героев, что также является характерными чертами сказовой поэтики. Сказ рассматривается как повествовательная система, способная воспроизводить слово или мироощущение представителя народа.

Таким образом, северная литература Якутии понимается как незамкнутое сверхтекстуальное единство со своими внутренними законами функционирования и развития, а также рядом заданных параметров, влияющих на творческие поиски авторов региона. Страницы истории освоения Крайнего Севера уходят вглубь веков, и, если проследить его хронологическую характеристику в диахроническом срезе, становится очевидным, что само место выступает в роли генерирующего начала, которое потом перерастает в символику культуры.

Список литературы:

- Абашев В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
- Барковская Н.В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. № 1 (11). С. 16–25.
- Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Башмакофф Н. Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование [Под ред. Т.В. Обатнина и П. Песонена]. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 567–591.
- Боров Ю. Эстетика: Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель: АСТ, 2003. 575 с.
- Бурцева Ж.В. Путевой очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере»: проблемы жанра и литературного картирования // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2020. № 1. С. 123–130.
- Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. Архангельск: Солти, 2010. С. 8–15.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 1998. 432 с.
- Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. 223 с.
- Горький и Якутия. Якутск: Якуткнигоиздат, 1968. 260 с.
- Ильин И.П. Нарратология // Постмодернизм. Словарь терминов. М: INTRADA, 2001. С. 141–143.
- Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
- Лазареску О.Г. Литературное предисловие как феномен художественного текста // Поэтика заглавия: сборник научных трудов РГГУ. М.: Тверь, 2005. С. 217–229.
- Ламзина А.В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий [Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин]. М, 2001. С. 848–853.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М: Искусство, 1970. 384 с.
- Огрызко В. Был ли юкагирский писатель японским шпионом // Литературная газета. 2013. № 35.
- Одулок Т. Жизнь Имтеургина-старшего // Под поллярными созвездиями. Якутск: Якутское книжное издательство, 1987. С. 19–95.
- Потапова Е.А., Хазанкович Ю.Г. Образ Севера в путевых очерках Н. Спиридонова–Тэки Одулока и Н. Курилова // Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: диалог культур. Чебоксары: «Интерактив плюс», 2018. С. 243–246.
- Прокопьева П.Е. Изобразительные средства в повествовательном фольклоре лесных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 170–174.
- Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки [Сост., предисл. и прим. Г.А. Меновщикова]. М.: Наука, 1974. 647 с.
- Тан-Богораз В.Г. Воскресшее племя. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 576 с.
- Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: к двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1995. 512 с.
- Фольклор юкагиров // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока [Сост. Г.Н. Курилов]. Новосибирск: Наука, 2005. 594 с.
- Хазанкович Ю.Г. Первая юкагирская повесть Тэки Одулока в контексте литератур народов Севера // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 2. С. 74–78.
- Чуковская Л. Об одной забытой книге // Сибирские огни. 1959. № 1. С. 177–179.

References:

Abashev V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka*. [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. Perm: Perm University Publ., 2000. 404 p. (In Russian)

Bakhtin M. *Estetika slovesnogo tvorčestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Art Publ., 1979. 424 p. (In Russian)

Barkovskaya N.V. Tipy povestvovaniya i ih analiz [Narrative types and their analysis]. *Filologičeskij klass* [Philological class]. 2004. № 1 (11). Pp. 16-25. (In Russian)

Bashmakoff N. Lokal'nyj tekst, golos pamyati i poe'tika prostranstva [Local text, the voice of memory and the poetics of space]. *Istoriya i povestvovanie* [History and narrative. Edit by T.V. Obatnin and P. Pesonen]. Moscow: New lit. review, 2006. Pp. 567-591. (In Russian)

Borev Y. *Estetika: Teoriya literatury: enciklopedičeskij slovar' terminov* [Aesthetics: Theory of Literature: Encyclopedic Dictionary of Terms]. Moscow: Astrel: AST Press, 2003. 575 p. (In Russian)

Burtseva Zh.V. Putevoj očerok Teki Oduloka "Na Krajnem Severe": problemy zhanra i literaturnogo kartirovaniya [Travel essay by Teki Odulok "In the Far North": problems of genre and literary mapping]. *Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2020. № 1. Pp. 123-130. (In Russian)

Chukovskaya L. Ob odnoj zabytoj knige [About a forgotten book]. *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 1959. № 1. Pp. 177-179. (In Russian)

Fol'klor Yukagirov [Folklore of the Yukagirs]. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Sostavitel' G.N. Kurilov* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Compiler G.N. Kurilov]. Novosibirsk: Science Publ., 2005. 594 p. (In Russian)

Gachev G.D. *Nacional'nye obrazy mira: kurs lekcij* [National images of the world: a course of lectures]. Moscow: Publ. Center Academy, 1998. 432 p. (In Russian)

Galimova E.Sh. Severnyj tekst russkoj literatury kak sverhtekst [The northern text of Russian literature as a super text]. *Semantika i pragmatika slova i teksta. Pomorskij tekst* [Semantics and pragmatics of the word and text. Pomeranian text]. Arkhangelsk: Solti Publ., 2010. Pp.8-15. (In Russian)

Ginzburg L. *O literaturnom geroe* [About a literary hero]. Leningrad: Soviet writer Press, 1979. 223 p. (In Russian)

Gor'kij i Yakutiya [Gorky and Yakutia]. Yakutsk: "Yakutknigoizdat" Science Publ., 1968. 260 p. (In Russian)

Ilyin I.P. Narratologiya [Narratology]. *Poetmodernizm. Slovar' terminov*. [Postmodernism. Glossary of terms]. Moscow: INTRADA Publ., 2001. Pp. 141-143. (In Russian)

Khazankovich Yu.G. Pervaya yukagirskaya povest' Teki Oduloka v kontekste literatur narodov Severa [The first Yukaghir story by Teki Odulok in the context of the literatures of the North peoples]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2018. № 2. Pp.74-78. (In Russian)

Lamzina A.V. Rama proizvedeniya [Frame of the work]. *Literaturnaya e'nciklopediya terminov i ponyatij. Glavnii redactor i sostavitel A.N. Nikoljukin* [Literary encyclopedia of terms and concepts. Chief editor and compiler A.N. Nikoljukin]. Moscow, 2001. Pp. 848-853. (In Russian)

Lazarescu O.G. Literaturnoe predislovie kak fenomen xudozhestvennogo teksta [Literary preface as a phenomenon of a literary text]. *Poe'tika zaglaviya: sbornik nauchnykh trudov RGGU* [Poetics of the title: Collection of Scientific Works of the Russian State Humanitarian University]. Moscow: Tver Publ., 2005. Pp. 217-229. (In Russian)

Lotman Yu.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow: Art Publ., 1970. 384 p. (In Russian)

Odulok T. Zhizn' Imteurgina-starshego [Life of Imteurgin-Elder]. *Pod polyarny'mi sozvezdijami* [Under the polar constellations]. Yakutsk: Yakut book publ, 1987. Pp. 19-95. (In Russian)

Ogryzko V. Byl li yukagirskij pisatel' yaponskim shpionom [Was the Yukagir writer a Japanese spy]. *Literaturnaya gazeta* [Literaturnaya Gazeta]. 2013. № 35. (In Russian)

Potapova E.A., Khazankovich Yu.G. Obraz Severa v putevyh očerках N. Spiridonova-Teki Oduloka i N. Kurilova [The image of the North in the travel essays by N. Spiridonov-Teka Odulok and N. Kurilov]. *Russkij yazyk i literatura v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: dialog kul'tur* [Russian language and literature in the modern educational space: a dialogue of cultures]. Cheboksary: "Interactive Plus" Press, 2018. Pp. 243-246. (In Russian)

Prokopyeva P.E. Izobrazitel'ny'e sredstva v povestvovatel'nom fol'klоре lesny'x yukagirov [Figurative means in the narrative folklore of the forest Yukagirs]. *Filologičeskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice]. Tambov: Diploma, 2014. №. 6 (36): in 2 parts. Part II. Pp. 170-174. (In Russian)

Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki. *Sostavitel, predislovie I primečaniya G.A. Menovshikova* [Fairy tales and myths of the peoples of Chukotka and Kamchatka. Compiler, foreword and

approx. G.A. Menovshchikov]. Moscow: Science Publ., 1974. 647 p. (In Russian)

Tan-Bogoraz V.G. *Voskresshee plemya* [Resurrected Tribe]. Irkutsk: East Siberian book publ., 1987. 576 p. (In Russian)

Toporov V.N. *Bednaya Liza Karamzina. Opyt prochteniya: k dvuhstoletiyu so dnya vy'hoda v svet* ["Poor Liza" Karamzin. Reading Experience: On the

Bicentennial of Publication]. Moscow: Ed. center Ros. state humanitarian. un-ta, 1995. 512 p. (In Russian)

Yokhelson V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazy'ka i fol'klora, sobranny'e v Koly'mskom okruge* [Materials on the study of the Yukagir Language and folklore, collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005. 272 p. (In Russian)

Zh.V. Burtseva

The Specifics of the Plot-Narrative Organization of the Teki Odulok's story "The Life of Imteurgin-Elder"

Scientific novelty lies in the fact that for the first time the plot-compositional, spatial-temporal, descriptive and speech levels of the first Yukaghir story "The Life of Imteurgin-Elder" by T. Odulok which laid the foundation for the formation and development of large narrative genres and forms are being studied for the first time. The realization methods of the author's consciousness in the plot-narrative organization of the text of the first Yukagir story are considered also the main images, motives, symbols that determined the specificity of the local Northern text are identified.

The aim of the study is to identify the main ways of organizing the narrative in the first Yukaghir story which influenced the formation of stable meanings of the narrative tradition of the Northern text. *Tasks*: to consider the narrative-speech organization and features of the plot-compositional construction, to determine the type of narration. *Research methods*: structural-semantic, narrative, historical-cultural, biographical.

Results. For the first time, on the material of Teki Odulok's prose is presented the experience of a systematic study of the plot-narrative and plot-compositional organization of the story. The features of the semantics of the narrative, its structure as an artistic statement are studied (autobiographical type of storytelling, the image of the narrator (autobiographical subject "I am like another"), tale poetics, genre features dating back to the oral-poetic tradition, legends, legends and myths, as well as the form "nyedyil" – a story that tells about very real events of the past, the ratio of the author of the biographical and the author-subject of consciousness, the expression of which is the work itself, the laconic language inherent in the folklore narrative tradition, the organizing role of the preface, the originality of explanations and comments and others. The spatial and temporal features are highlighted (spatial perception of images, semantics of the nomadic way, the author's vision of the historical hero, realism, ethnography and naturalism of the image and others).

Keywords: Yukagir narrative, Teki Odulok, narrative-speech organization, type of narration, plot-compositional construction, first epic works, northern text of Yakutian literature, narrative

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абаева Юлия Догоржаповна – к.ф.н., н.с. отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; julaba@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3353-6659>

Бравина Розалия Иннокентьевна – д.и.н., профессор, г.н.с., зав. отделом археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; bravinari@bk.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4902-8288>

Бурцева Жанна Валерьевна – к.ф.н., с.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; gvburtseva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0929-5186>

Дьяконов Виктор Михайлович – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; с.н.с. Якутской комплексной лаборатории археологии Крайнего Севера Института археологии и этнографии СО РАН, Россия, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17; arkh_muz@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4899-6148>

Зоткина Лидия Викторовна – к.и.н., с.н.с. отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН; Россия, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17; lidiazotkina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

Кандыба Александр Викторович – к.и.н., с.н.с. отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; Россия, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17; arhkandyba@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

Кулешов Дмитрий Викторович – м.н.с. отдела геохронологии кайнозоя Института археологии и этнографии СО РАН; Россия, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17; kuleshov@catalysis.ru; <http://orcid.org/0000-0001-9519-3463>

Павлов Иннокентий Семенович – инженер-исследователь Отдела изучения мамонтовой фауны Академии наук РС(Я); Россия, г. Якутск, Сергеляхское шоссе, д. 4/4; pavlovinn@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4417-1800>

Павлова Нарыйа Иннокентьевна – студент-магистрант 1 года обучения биологического отделения Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; Россия, г. Якутск, улица Кулаковского, д. 42; naryya.pavlova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6335-4901>

Пархомчук Василий Васильевич – д.ф.-м.н., академик РАН, г.н.с. лаборатории 5-2 Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН; Россия, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 11; V.V.Parkhomchuk@inp.nsk.su; <http://orcid.org/0000-0001-5833-0051>

Петрожицкий Алексей Валентинович – н.с. лаборатории 5-2 Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН; Россия, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 11; petrozhav@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-6653-2232>

Прокопьева Александра Николаевна – н.с. лаборатории «Человек в Арктике» Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д.1; sendiele@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8329-159X>

Протопопов Альберт Васильевич – д.б.н., г.н.с., зав. отделом изучения мамонтовой фауны Академии наук РС(Я); Россия, г. Якутск, Сергеляхское шоссе, д. 4/4; a.protopopov@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-6543-4596>

Рахматуллина Олеся Рустамовна – старший лаборант учебно-научно-исследовательской лаборатории археологии, этнологии, проблем палеоэкологии и эволюции человека ИФ ИГУ; стажер-исследователь НИЦ «Байкальский регион» ИГУ; Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; olesya_kharisova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1493-9567>

Сагайдачная Анна Олеговна – к.ф.н., н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН; Россия, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8; a_trofimova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9568-2582>

Соловьёва Елена Николаевна – н.с. Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутия); Россия, г. Якутск, ул. Курашова, д. 22; н.с. Якутской комплексной лаборатории археологии Крайнего Севера Института археологии и этнографии СО РАН; Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17; lenasolo05@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8920-3696>

Ушницкая Наталья Юрьевна – к.ф.н., н.с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; maltak84@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8126-0573>

Цыбенков Базар Догсонович – к.и.н., доцент, с.н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; bazar75@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-0404-7207>

Шумкин Владимир Яковлевич – к.и.н., с.н.с. отдела палеолита ИИМК РАН; Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 18.; shumkinv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3141-7218>

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Abaeva Yuliya Dogorzhapovna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Linguistics of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the SB RAS; Russia, Ulan-Ude, 6, Sakhyanova St.; julaba@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3353-6659> 2384

Bravina Rozalia Innokentievna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, the Head of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; bravinari@bk.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4902-8288>

Burtseva Zhanna Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; gvburtseva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0929-5186>

Dyakov Viktor Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; Senior Researcher of the Yakut Complex Laboratory of Archeology of the Far North of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Russia, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentiev Avenue; arkh_muz@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4899-6148>

Kandyba Alexander Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Stone Age Archeology of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Russia, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentiev Avenue; arkkandyba@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

Kuleshov Dmitry Viktorovich – Junior Researcher of the Department of Cenozoic Geochronology of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Russia, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentiev Avenue; kuleshov@catalysis.ru; <http://orcid.org/0000-0001-9519-3463>

Parkhomchuk Vasily Vasilyevich – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Laboratory 5-2 of the Institute of Nuclear Physics named after G.I. Budker SB RAS; Russia, Novosibirsk, 11, Akademika Lavrentiev Avenue; V.V.Parkhomchuk@inp.nsk.su; <http://orcid.org/0000-0001-5833-0051>

Pavlov Innokenty Semenovich – Research Engineer of the Department for the Study of Mammoth Fauna of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia); Russia, Yakutsk, 4/4, Sergelyakhskoe Highway; pavlovinn@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4417-1800>

Pavlova Naryya Innokentievna – 1st year Master's Student of the Biological Department of the Institute of Natural Sciences of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov; Russia, Yakutsk, 42, Kulakovskogo St.; naryya.pavlova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6335-4901>

Petrozhitsky Alexey Valentinovich – Research Fellow of the Laboratory 5-2 of the Institute of Nuclear Physics named after G.I. Budker SB RAS; Russia, Novosibirsk, 11, Akademika Lavrentiev Avenue; petrozhav@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-6653-2232>

Prokopyeva Alexandra Nikolaevna – Research Fellow of the Laboratory “Man in the Arctic” of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; sendiele@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8329-159X>

Protopopov Albert Vasilyevich – Doctor of Biological Sciences, Chief Researcher the Head of the Department of the Study of Mammoth Fauna of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia); Russia, Yakutsk, 4/4 Sergelyakhskoe Highway; a.protopopov@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-6543-4596>

Rakhmatullina Olesya Rustamovna – Senior Laboratory Assistant of the Teaching and Research Laboratory of Archeology, Ethnology, Problems of Paleoecology and Human Evolution of the Historical Faculty, Irkutsk State University; Trainee Researcher at the National Research Center “Baikal Region” ISU; Russia, Irkutsk, 1, Karl Marx St.; olesya_kharisova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1493-9567>

Sagaidachnaya Anna Olegovna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia of the Institute of Philology of the SB RAS; Russia, Novosibirsk, 8, ak. Nikolaev St.; a_trofimova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9568-2582>

Shumkin Vladimir Yakovlevich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of the Paleolithic of the Institute of the History of Material Culture RAS; Russia, St. Petersburg, 18, Palace Embankment; shumkinv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3141-7218>

Solovieva Elena Nikolaevna – Research Fellow of the Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia); Russia, Yakutsk, 22, Kurashova St.; Research of the Yakut Complex Laboratory of Archeology of the Far North of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Russia, Novosibirsk, 17, Akademika Lavrentiev Avenue; lenasolo05@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8920-3696>

Tsybenov Bazar Dogsonovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS; Russia, Ulan-Ude, 6, Sakhyanova St.; bazar75@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-0404-7207>

Ushnitskaya Natalya Yuryevna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; maltak84@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8126-0573>

Zotkina Lidiya Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Paleometal Archeology of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Russia, Novosibirsk, 17. Akademika Lavrentiev Avenue; lidiazotkina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ

В журнале «Северо-Восточный гуманитарный вестник» публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии, в том числе работы компаративного характера. Помимо научных статей, в журнале публикуются рецензии на научные издания, вышедшие за последние 5 лет и имеющие отношение к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на русском или английском языках.

Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются. Передавая редакции журнала рукопись статьи или рецензии, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст на интернет-ресурсах, пока не будет принято решение о его публикации в «Северо-Восточном гуманитарном вестнике», и в случае положительного решения воздержаться от его размещения в сети Интернет до выхода журнала в свет.

Объем рукописи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять для статей – 12–24 страницы (20000–40000 знаков), для рецензий – 12 страниц (20000 знаков). Рукописи большего или меньшего объема принимаются по согласованию с редакцией. Рукописи должны быть автором хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Формат рукописи: А4, интервал 1,5, шрифт Times New Roman, размер 14, поля: сверху, снизу и слева – 2,0 см, справа – 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются. Допустимый формат файла – .doc / .docx.

Содержание рукописи необходимо оформить следующим образом:

1. Код **УДК** (код УДК, соответствующий тематике статьи или рецензии, можно найти по адресу: <https://nlrs.ru/to-professionals/Catalogue/udk/index.shtml>).

2. **DOI** (присваивается редакцией).

3. **Заголовок статьи или рецензии (Title)** должен кратко (максимальная длина заглавия составляет 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи или рецензии, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Благодарность или признательность размещается в виде постраничной сноски к названию статьи, отмеченной символом (*).

4. **Аннотация (Abstract)** статьи или рецензии на русском и английском языках (не менее 150 слов). Аннотация не должна содержать ссылки на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать в первую очередь главные результаты работы, а не являться формальным описанием статьи или рецензии, т. е. быть краткой, но содержательной.

Структура аннотации: Научная новизна (Novelty of the research); Цель и задачи (Goal and objective); Методы исследования (Research Methods); Результаты (Results).

5. **Ключевые слова (Key words)** служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей или рецензий в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тему, объект и предмет исследования. Количество ключевых слов – от 5 до 10.

6. **Текст статьи должен соответствовать следующей структуре:**

I. Введение (Introduction). Представляет собой вступительную часть, в которой идет речь об общей теме исследования, дается постановка проблемы, описываются цель и задачи планируемой работы, теоретическая и практическая значимость, а также наиболее известные и авторитетные публикации по изучаемой теме.

II. Материалы и методы (Materials and Methods). Приводятся ссылки на соответствующие фактологические источники. Описываются методы и приемы, при помощи которых проводится изучение обсуждаемой проблемы.

III. Результаты (Results). В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективность. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

IV. Обсуждение (Discussion). Раздел, содержащий полемику по теме исследования.

V. Заключение (Conclusion(s)). Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала следует оформлять фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость.

Внутритекстовые ссылки на опубликованные работы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например: [Ефремов, 2010: 47] или [Ефремов, 2004: 47–48].

Неопубликованные источники: документы, архивные материалы, рукописи – нужно указывать постраничными сносками внизу страницы: ¹Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 12. Оп. 2. Д. 134. Л. 1–2об. При повторном упоминании архива приводится его сокращенное название: ²НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 2. Д. 135. Л. 3–4.

7. К статье прилагается два списка литературы в алфавитном порядке, включающие в себя только работы, использованные при подготовке статьи, отмеченные в тексте статьи, оформленные в соответствии с требованиями журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник».

Первый список литературы – на русском языке.

Второй список литературы – References – идет отдельным блоком и повторяет список литературы на русском языке, независимо от того, есть в нем иностранные источники или нет. Название публикации в ссылках должно быть транслитерировано (написано латинскими буквами) и дублировано на английский язык в квадратных скобках [...]. При транслитерации нужно воспользоваться ссылкой <https://www.translit.ru> (с вариантом BGN). Необходимо указать в скобках язык оригинала статьи, на котором написан полный текст публикации. Например,

в списке литературы: Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX - начало XX вв.). Сборник МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 117-171.

в References: Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchej [Chukchi religious cults]. *Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (2-ja polovina XIX - nachalo XX vv.). Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (2nd half of the 19th – beginning of the 20th century). Collection of the Peter the

Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 33. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1977. Pp. 117-171. (In Russian)

Список использованных источников и литературы должен содержать не менее 15 наименований. Приветствуются ссылки на труды зарубежных ученых по теме исследования, а также на научные работы, опубликованные в течение последних 5 лет.

Важно правильно оформить ссылку на источник: следует указать фамилию(и) автора(ов), журнал, год издания, том (выпуск), номер, страницы, у электронных источников – адрес доступа в сети Интернет.

Для книг: указывается место издания, название издательства, год издания и общее количество страниц.

Для статей: название журнала, год издания, том, выпуск (или номер), страницы начала и конца статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения. Например,

Sikora M. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. Nature. 2019. Vol. 570 (7760). URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-019-1279-z> (дата обращения: 02.12.2020).

При ссылках на личные ПМА отдельно уточняется конкретная экспедиция, при этом в скобках все информанты, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Если по условиям проведения исследований требуется соблюдать анонимность, то имена информантов могут сокращаться до инициалов или опускаться в соответствии с конкретными требованиями, которые налагаются на автора в рамках его проекта.

Все словари, на которые даются ссылки в тексте статьи, оформляются отдельным списком после литературы на русском языке, а также идут в общем списке References.

8. Полные сведения об авторе (авторах) (About the author): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать основное место работы автора, в котором выполнялось исследование (постоянное место, место выполнения проекта и др.), должность, ученая степень и ученое звание, e-mail, номер мобильного телефона (необходим для связи с редакцией, не публикуется в журнале), ORCID ID.

Сведения об авторе (авторах) необходимо продублировать также на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения.

В процессе подготовки и отправки статьи или рецензии в редакцию необходимо соблюдать этические нормы соавторства, разработанные COPE (Committee on Publication Ethics).

Статьи и рецензии, поступающие в редакцию, проходят проверку на уникальность (допускается оправданное целями написания статьи или рецензии наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 10% от общего объема рукописи; оригинальность текста должна быть не менее 80%), **рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати в порядке очереди.**

Рукописи следует отправлять на электронный адрес редакции:

svgv2010@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76636 от 02 сентября 2019 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 16.06.2022. Дата выхода в свет 30.06.2022.

Формат 60x90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.17,5. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ФИЦ «ЯНЦ СО РАН»

677007, г. Якутск, ул. Петровского, 2, тел. 8 (411) 235-49-96

Индекс П2454